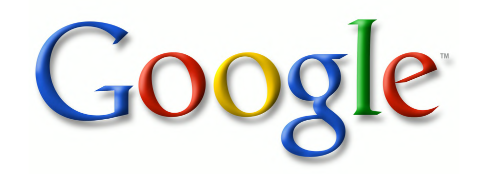
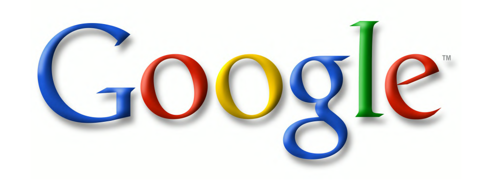
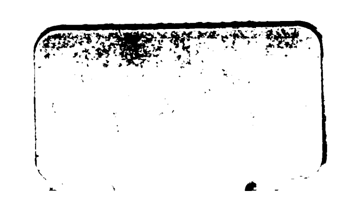

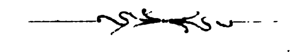

ЗАПИСКИ ЗЕМСКАГО НАЧАЛЬНИКА

ЗАПИСКИ

ЗЕМСКАГО НАЧАЛЬНИКА

Александра Новикова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1899

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5. ЛИН. 28

2795

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 23 1969

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Вступленіе.

Послѣдніе годы въ газетахъ различныхъ лагерей идутъ постоянно споры,—съ обѣихъ, мнѣ кажется, сторонъ пристрастные,—о пользѣ или вредѣ, принесенныхъ нашей деревнѣ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Упорядоченіе участка, послѣдовавшее отъ энергичныхъ и умѣлыхъ настояній какого-нибудь земскаго начальника, служитъ часто для иныхъ поводомъ къ восхваленію самого института; рядомъ съ этимъ внезапно появляется въ противоположномъ лагерѣ огульное осужденіе института, вызванное какимъ-нибудь извѣстіемъ о безобразныхъ дѣйствіяхъ отдѣльнаго лица. Думаю, что и тотъ, и другой выводъ грѣшатъ односторонностью. Объективнаго взгляда мнѣ не приходилось встрѣчать въ нашей полемической литературѣ.

Между тѣмъ, болѣе чѣмъ когда-либо, такое отношеніе къ дѣлу было бы желательно. Оканчиваетъ свои работы коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, работаетъ усиленно коммиссія по пересмотру крестьянскаго положенія.

Въ разработкѣ этихъ вопросовъ, величайшей для Россіи важности, печать мало участвуетъ, а между тѣмъ такое участіе необходимо. Пробывъ около 7 лѣтъ земскимъ начальникомъ, я чувствую потребность подѣлиться тѣмъ запасомъ практическихъ свѣдѣній изъ жизни сельскаго населенія, который накопился въ этотъ періодъ времени. Поступивъ по призыву Царскому въ

земскіе начальники, единственно изъ желанія принести пользу, и прослуживъ столько лѣтъ, сколько мнѣ представлялось возможнымъ, смѣю надѣяться, что опытъ мой достаточенъ, чтобы дать мнѣ право высказаться; объективнымъ же я старался быть за все время моей службы. Съ другой стороны, постоянные разговоры съ крестьянами и близость къ нимъ, вызванная самою службою, дали мнѣ достаточное знакомство съ бытомъ ихъ, чтобы записки мои не были голословными.

Пріѣхавъ въ деревню съ предвзятою мыслью «подтянуть» мужика, я вышелъ изъ земскихъ начальниковъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что подтягиваніемъ ничего не добьешься и что народъ нуждается не въ подтягиваніи, а въ *воспитаніи*—задача, увы, гораздо болѣе трудная, чѣмъ подтягиваніе! Увидалъ что-либо плохое—«запрети», «поругай», «накажи», «посади», «посѣки»—вотъ суть подтягиванія, но вѣдь мы забываемъ, что этими путями народъ уже столѣтіями у насъ исправляется, а мы все чѣмъ-то недовольны, все кажется мало «подтягиваемъ». Однимъ изъ сильныхъ аргументовъ защитниковъ этой системы служитъ часто повторяемое мнѣніе: хорошіе мужики — старики (хорошіе мужики у насъ почему-то всегда являются въ образѣ стариковъ), сами всегда просятъ строгости: «потому, молъ, безъ строгости нельзя, надо насъ, дураковъ, учить,—безъ *«учьбы»* вишь что̀ стало!» По-истинѣ странный аргументъ: ужъ не спрашивать ли у дѣтей, какіе пріемы воспитанія наиболѣе цѣлесообразны?

Общія жалобы на неустройство деревни, на бѣдность мужика, на его дикость, на плохое сельское и волостное начальство, на кулаковъ,—все это имѣетъ одинъ корень: это—столѣтняя привычка къ подтягиванію безъ малѣйшей самодѣятельности со стороны мужиковъ... Происходитъ это—съ одной стороны вслѣдствіе крайней невѣжественности ихъ, съ другой—вслѣдствіе сотнями лѣтъ пріобрѣтеннаго убѣжденія, что его дѣло рѣшается не по непреложному закону, а по произволу начальства, будь то староста, старшина, земскій, исправникъ, губернаторъ. Школа,—школа серьезная, повсемѣстная, обязательная,

быть можетъ, которая намъ дастъ современемъ поколѣнія, способныя къ самодѣятельности, и вѣра въ законъ, а слѣдовательно взглядъ на начальника, какъ на *строжайшаго блюстителя этого закона,*—вотъ тѣ единственныя воспитательныя для народа средства, которыя могутъ быть плодотворны. О школѣ я говорить не буду, такъ какъ, кажется, и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ число ея принципіальныхъ противниковъ уменьшается, вѣра въ нее растетъ и въ народѣ,—и можетъ быть близится къ разрѣшенію вопросъ о средствахъ. Много отрадныхъ явленій приходится намъ видѣть въ этомъ отношеніи и не должны мы терять надежды быть сами свидѣтелями сильнаго движенія впередъ въ этомъ направленіи. Остается второе: отсутствіе произвола. Увы! въ этомъ отношеніи въ деревнѣ мы много улучшенія не видимъ: при земскихъ начальникахъ, какъ и при крестьянскихъ присутствіяхъ и при мировыхъ посредникахъ положеніе сельскаго начальства одинаково шатко, неувѣренность у крестьянина въ исходѣ любого дѣла одинаково велика. Несмотря на развитіе школы, въ этомъ отношеніи никакого улучшенія незамѣтно, не только въ законодательствѣ, но даже въ общественномъ мнѣніи. Позволяю себѣ держаться этой путеводной нити въ своихъ запискахъ. Говоря о разныхъ сторонахъ крестьянской жизни, мы натолкнемся на много другихъ потребностей народа, но это, повторяю, главное наше зло, и убѣдить въ этомъ читателя моя главная цѣль.

II.

О народномъ невѣжествѣ.

Съ какими случаями въ крестьянской жизни ни приходится встрѣчаться земскому начальнику, противъ какого зла ни приходится бороться, каждый разъ убѣждаешься, что главный врагъ русскаго крестьянина—невѣжество; каждый разъ другого выхода не видишь, какъ хорошая школа. Школа должна улуч-

шить семейныя отношенія, упорядочить общественныя управленія, урегулировать отношенія нанимателя къ рабочему; только при школѣ мы можемъ надѣяться на уменьшеніе сельскихъ пожаровъ, на уменьшеніе смертности, на улучшеніе сельскаго хозяйства; школа—тотъ главный докторъ, который одинъ можетъ спасти нашъ народъ и отъ нравственнаго паденія, и отъ экономическаго разоренія. Предчувствуютъ это давно лучшіе люди; послѣднія десятилѣтія это убѣжденіе сдѣлалось достояніемъ общественнаго мнѣнія; нынѣ, по милости Божіей, оно переходитъ въ сознаніе народное.

Все только-что сказанное мною не есть преувеличеніе, а безусловная истина. Большинство дѣлъ, съ которыми приходится вѣдаться,—это дѣла семейныя, увы! самыя неразрѣшимыя: вѣчныя жалобы слабыхъ противъ сильныхъ, стариковъ противъ взрослыхъ сыновей, женъ противъ мужей,—всѣ они имѣютъ одинъ корень—невѣжество и грубость: какъ ни религіозенъ нашъ народъ, но Христовой любви въ немъ мало. Нѣкоторымъ это покажется парадоксальнымъ, но въ дѣйствительности это такъ: даже подаваніе милостыни обратилось у народа въ исполненіе обряда—идетъ нищій или прохожій, собирающій на храмъ, русскій крестьянинъ ему подаетъ потому, что подавать нищимъ и на храмы велѣно, но чтобы крестьянинъ отъ души пожалѣлъ бѣднаго хотя бы сосѣда, помогъ ему болѣе существеннымъ образомъ, чѣмъ краюхой хлѣба—это встрѣчается, къ сожалѣнію, лишь какъ исключеніе. Если погорѣльцу ѣдутъ за избой, то это опять-таки не что иное, какъ добрый обычай, къ тому же испорченный тѣмъ, что часто количество требуемой съ погорѣльца водки превосходитъ стоимость перевозки лѣса. Два пережитыхъ мною голода, холера—все привело меня къ этому грустному убѣжденію.

Знаетъ мужикъ, что нужно дѣлать добро и дѣлаетъ его настолько, чтобы самому незамѣтно было,—но подѣлиться послѣднимъ или даже нужнымъ, скажу болѣе, избыткомъ—нѣтъ.

Если онъ даетъ взаймы, то почти всегда съ цѣлью барыша,—другими словами, если богатый мужикъ не кулакъ, то онъ стремится имъ быть.

Ужъ что бы казалось естественнѣе чувства любви къ женѣ, къ дѣтямъ, къ матери?—но и эти чувства до такой степени заглушаются грубостью, что является сомнѣніе въ ихъ существованіи: развить это чувство любви, убѣдить мужика, что такъ любить велѣлъ Христосъ, разъяснить ему, что дѣланіе добра не должно ограничиваться подачею милостыни, пробудить въ немъ застывшія чувства состраданія можетъ только хорошая школа. Тяжелая обстановка притупила въ крестьянинѣ чувства жалости. Только школа можетъ и должна воспитать въ немъ это чувство къ женѣ, дѣтямъ, бѣднымъ, скотинѣ, птицѣ.

Мало знать законъ, надо его понимать: иначе вѣчно будетъ мужикъ считать нарушеніе поста въ среду болѣе тяжкимъ грѣхомъ, чѣмъ супружеской вѣрности въ четвергъ! Лучше сознать свои недостатки и бороться съ ними, чѣмъ закрывать на нихъ глаза.

Только съ подъемомъ народнаго образованія мужикъ пойметъ, что выгоднѣе выбрать старосту трезваго и честнаго, платя ему больше, чѣмъ тѣмъ міроѣдамъ, которыхъ мы видимъ съ медалями, опивающихъ и обирающихъ всѣхъ по-одиночкѣ. Только школа хорошая и серьезная дастъ намъ контингентъ достойныхъ старостъ, старшинъ, судей.

Весь жгучій рабочій вопросъ разрѣшится не предлагаемыми драконовскими законами противъ рабочаго, а обоюднымъ пониманіемъ своихъ выгодъ: у нанимателя—что выгоднѣе имѣть хорошаго грамотнаго рабочаго и платить ему дорого; у рабочаго—что если вѣра въ его исправность усилится, то поднимется его заработная плата.

Волосы дыбомъ становятся, когда видишь отношенія крестьянъ къ больнымъ женамъ и дѣтямъ; незнаніе самыхъ азбучныхъ понятій о гигіенѣ, вѣра въ лѣченіе знахарокъ,—все это объясняетъ страшную смертность въ дѣтяхъ. Въ своемъ мѣстѣ мнѣ придется объ этомъ говорить.

Нѣтъ той отрасли человѣческихъ знаній ни въ духовной, ни въ практической жизни, гдѣ крестьянинъ не нуждался бы въ школѣ. Въ отсутствіи школы нельзя не видѣть корня всей неурядицы.

III.

Народная школа.

Въ мои намѣренія вовсе не входитъ писать длинный трактатъ о народной школѣ, но, коснувшись глубокой нашей раны—народнаго невѣжества, не могу обойти совершеннымъ молчаніемъ его лѣченія, т.-е. школы. Буду по крайней мѣрѣ касаться ея настолько, насколько она соприкасается съ дѣятельностью земскаго начальника. Такъ какъ земскому начальнику поручено наблюденіе за народнымъ благосостояніемъ, то, очевидно, онъ не можетъ игнорировать школы, безъ которой никакое преуспѣяніе немыслимо. Самъ законъ сдѣлалъ земскаго начальника членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Очевидно, что школа должна быть ему близка, и если это не такъ, то земскій начальникъ своему назначенію не удовлетворяетъ. Кромѣ обычныхъ обязанностей члена совѣта—экзаменовать дѣтей на льготу, земскій начальникъ долженъ, по-моему, слѣдить за школьнымъ хозяйствомъ, способствовать школьному благоустройству, а главное, стараться, гдѣ возможно, изыскивать на школу средства и заботиться объ открытіи ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Послѣдняя задача далеко не легкая: средствъ у школы очень мало; изъ суммъ, отпускаемыхъ Святѣйшимъ Сvнодомъ, лишь незначительная доля идетъ собственно на народную школу. Земство, въ большинствѣ случаевъ, тратитъ, чтó можетъ. Частная благотворительность ничтожна. Чтò могутъ сдѣлать рубли, когда нужны сотни, или несчастныя двѣ, три тысячи на уѣздъ, когда нужны десятки тысячъ, а можетъ быть и сотни? Изъ этого вытекаетъ, что хорошія школы родятся тамъ, гдѣ крестьяне, несмотря на скудость своихъ средствъ, рѣшаются строить и поддерживать ихъ съ помощью земства или церковнаго вѣдомства.

Вотъ въ этомъ-то и заключается задача земскаго начальника: убѣдить крестьянъ, что въ школѣ—спасеніе; уговорить ихъ не

жалѣть средствъ на школы—задача очень трудная. Кто этимъ занимался, кому приходилось слышать всевозможныя возраженія крестьянъ противъ школъ, кто знаетъ, какъ крестьянина трудно побудить на ассигновки школьныя, тотъ пойметъ, какъ много лежитъ на обязанности земскаго начальника въ этомъ отношеніи,—но зато какое утѣшеніе онъ испытаетъ, увидавъ плодотворность этихъ усилій! Когда крестьяне убѣждаются въ пользѣ школы, они дѣлаются ярыми ея приверженцами. Доказательствомъ этого можетъ служить отношеніе къ школьному дѣлу земскихъ гласныхъ изъ крестьянъ: нѣтъ болѣе ярыхъ защитниковъ расходовъ на народное образованіе. Насколько трудно дались мнѣ первыя школы Козловскаго уѣзда, настолько легче удавалось убѣждать крестьянъ подъ конецъ. Никогда не забуду, какъ просили крестьяне деревни Щукиной изъ 10 участка, чтобы похлопотать объ ихъ школѣ, какъ досадовали, находя, что постройка ея идетъ сравнительно медленно. И это далеко не единичный случай: очевидно, народъ самъ убѣдился въ пользѣ этого дѣла; оно стало ему дорого. Это ли не вѣрное ручательство за дѣло? Неужели и теперь не найдется дѣятелей, когда жатва готова?

Неумѣстно теперь разбирать вопросъ о преимуществѣ земской школы или церковно-приходской, скажу только одно: вѣчно въ памяти у меня останутся слова незабвеннаго Іеронима, когда онъ былъ епископомъ въ Тамбовѣ, адресованныя одному священнику, поставившему отдѣльно земскихъ и церковно-приходскихъ учениковъ и обратившемуся къ архіерею со словами— „это—наши, а вотъ это—земскіе». Преосвященный подозвалъ ихъ всѣхъ и сказалъ: «всѣ наши, подходите всѣ». Только такъ я могу смотрѣть на школу: всякая вражда въ дѣлѣ святомъ противна его святости.

Впрочемъ, замѣтимъ, что довѣріе внушаетъ крестьянамъ только школа хорошо обезпеченная, и большой по-моему вредъ приносятъ проповѣдники школы дешевой.

Мнѣ кажется, тутъ есть логическій скачокъ: хорошій священникъ или другое лицо любитъ школьное дѣло, заводитъ шко-

лу чуть ли не у себя на кухнѣ, учитъ самъ, ребятишки прекрасные, народъ доволенъ, школа хороша и ничего государству не стоитъ. Очевидно, школа *можетъ* быть дешевою. Ревнители дешевой школы изъ этого выводятъ, что школа *всегда можетъ* быть дешевой. Въ этомъ словѣ «всегда» и кроется логическій скачокъ. Если нужно Россіи сто тысячъ школъ (а этого мало), то неужели мыслимо найти сто тысячъ подвижниковъ просвѣщенія, готовыхъ трудиться даромъ и хорошо, да притомъ по одному въ ста тысячахъ селъ?

Очевидно, потребность въ школахъ будетъ вполнѣ удовлетворена только при наличности средствъ. Изыскивать ихъ— задача государства, церкви, земства, частныхъ лицъ.

Другая забота государства должна быть—приготовленіе учителей для школы: это по-истинѣ трудная задача, за которую надо браться какъ можно скорѣе. Кто знаетъ нашъ контингентъ учителей, кто понимаетъ, что школа своей задачи не исполнила, если ограничилась тѣмъ, что дала нѣкоторый запасъ свѣдѣній ученикамъ, а не воспитала въ немъ добрыхъ чувствъ, тотъ убѣдится, что не тотъ учитель, кто сдалъ экзаменъ на учителя, а тотъ, который дѣйствительно способенъ имъ быть.

Въ воспитаніи и образованіи школьнаго учителя, способнаго въ крестьянскихъ дѣтяхъ вселить чувство Христовой любви, кроется главная неотложная задача государства: въ этомъ—залогъ будущаго народнаго счастья, въ этомъ надо искать разрѣшенія разныхъ вопросовъ административныхъ, судебныхъ, соціальныхъ. Въ школѣ—спасеніе Россіи.

IV.

Крестьянская семья.

Говоря о различныхъ сторонахъ крестьянской жизни, думаю, что слѣдуетъ начать съ самой маленькой ячейки—крестьянской семьи. Тутъ происходятъ безпрестанно тѣ драмы, которыя вызываютъ потребность въ плеядѣ деревенскаго начальства отъ старостъ съ сотскими до земскихъ начальниковъ съ исправниками. Тутъ, въ крестьянской семьѣ, кипитъ жизнь своеобразная, безотрадная, о которой всякій судитъ вкривь и вкось не потому, что онъ видѣлъ и знаетъ, а потому, что ему хочется доказать: съ одной стороны мы слышимъ, что мужикъ—лѣнтяй, пьяница, грубіянъ, что если онъ нищій, то самъ виноватъ, и что не помогать ему нужно, а пороть; съ другой—слышимъ обратное, что крестьянинъ разоренъ, всѣми эксплуатируемъ, и что виноватъ не онъ, а тѣ жизненныя условія, въ которыя онъ поставленъ. Говорятъ это не потому, что знаютъ крестьянина, а потому, что такъ почему-либо больше нравится. Живя съ ними близко и имѣя съ ними сношенія частныя, служебныя, школьныя, я смѣло могу сказать, что мое мнѣніе основано не на какихъ-нибудь предвзятыхъ убѣжденіяхъ, а на личномъ ежедневномъ опытѣ.

Поселился я въ деревнѣ и поступилъ на службу, чтобы вколотить въ него недостающую практическую мудрость и выбить ненавистныя пьянство и лѣнь; оставляю службу съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вколачиваніемъ и вбиваніемъ не добьешься ничего: понять мужика не такъ легко; надо пожить его жизнью или, по крайней мѣрѣ, глубоко вникнуть въ нее, чтобы понять его чувства, чтобы объяснить себѣ его пьянство, его лѣнь, его грубость, его безсердечіе.

Въ крестьянской семьѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявляется побѣда грубой физической силы; уже молодой мужъ начинаетъ

бить жену; подростаютъ дѣти: отецъ и мать берутся ихъ пороть; старится мужикъ, выростаетъ сынъ и онъ начинаетъ бить старика. Впрочемъ, бить на крестьянскомъ языкѣ называется учить: мужъ учитъ жену, родители учатъ дѣтей, да и сынъ учитъ старика-отца, потому что тотъ выжилъ изъ ума. Нигдѣ вы не увидите такого царства насилія, какъ въ крестьянской семьѣ, и это нѣкоторыми называется патріархальнымъ бытомъ. Все это работаетъ до изнеможенія, пьетъ иногда до безпамятства, ѣстъ впроголодь...

Интересы крестьянской семьи всѣ заключаются въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, и того часто не хватаетъ. Общественныя дѣла интересуютъ ее настолько, насколько они могутъ отразиться непосредственно на ней самой. Развлеченія рѣдки и весьма однообразны: лѣтомъ побезобразничать на такъ-называемой *улицѣ*, зимой попьянствовать у кума, погулять, т.-е. тоже попьянствовать на свадьбахъ, храмовыхъ праздникахъ, масленицѣ.

Кромѣ ежедневныхъ и ежегодныхъ занятій, являются иногда и особенныя: напримѣръ, взять въ семью лишнюю работницу, т.-е. женить сына, когда время пришло, купить лошадь, когда пала, перестроить избу, когда валится или сгорѣла. При лишней заботѣ бываетъ и лишняя выпивка въ видѣ угощенія свата, могарыча, поминъ и т. д.

Осуждать ли крестьянъ за грубость? Да какъ имъ не быть грубыми, когда другого обращенія съ людьми они не видали ни отъ высшихъ, ни отъ равныхъ? Какъ не бить дѣтей, когда дѣтьми они кромѣ побоевъ ничего не видали? Мнѣ часто приходилось говорить съ крестьянами о дѣтяхъ и воспитаніи ихъ; я съ горестью увидалъ, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ: на дѣтей, какъ и на прочихъ членовъ семьи, они смотрятъ съ точки зрѣнія пользы, которую изъ нихъ извлекутъ. Сынъ дороже дочери, какъ будущій кормилецъ; женщина, дѣвушка—работницы: если женщина родитъ дѣвочекъ, ея не любятъ, если мальчиковъ, то ее берегутъ больше; старуха хороша, если нужна присматривать за дѣтьми; больной старый, никому не нужный—это обуза и за глаза и въ глаза ему говорятъ—хоть бы умиралъ скорѣй!

Осуждать ли мужика за пьянство? А вы, читатель, если не будете имѣть въ жизни никакихъ удовольствій, никакого отдыха отъ будничныхъ трудовъ, кромѣ лежанія на печкѣ, никакой пищи для ума—увѣрены ли вы, что вы въ праздникъ не выпьете?

Осуждать ли ихъ за лѣность? По этому поводу вспоминается мнѣ одна семья, состоявшая изъ отца, матери и четырехъ сыновей, большихъ и на видъ сильныхъ,—отродясь они побираются: никто ихъ въ работники не беретъ, какъ лѣнтяевъ. Лодырями они слывутъ и будутъ слыть. Между тѣмъ ни одного изъ нихъ въ солдаты не взяли. Что́ же оказалось? Это—семья сифилитиковъ съ періоститами, ломотою въ костяхъ, ни въ солдаты, ни въ работники негодная. Сколько я послѣ того ни старался убѣдить мужиковъ пожалѣть ихъ, а не осуждать,—мнѣ это, конечно, не удалось: мужикъ вѣритъ только въ видимую болѣзнь, главный признакъ болѣзни для него—когда больной не ѣстъ. Сумасшедшій блажитъ, истерику выбиваютъ кнутомъ, сифилитикъ—лодырь. Всѣхъ ли послѣ этого лѣнтяевъ осуждать?

Нѣтъ, не будемъ осуждать мужика за то, что онъ грубъ, за то, что онъ пьянъ, за то, что онъ лѣнивъ. Изучимъ его, поймемъ его и пожалѣемъ; постараемся сдѣлать его человѣкомъ, каковымъ быть суждено ему Богомъ, и тогда будемъ предъявлять къ нему требованія, которымъ часто не удовлетворяемъ сами.

V.

Крестьянскія дѣти.

Тяжела участь крестьянскихъ дѣтей! Начиная съ момента рожденія, которое иногда бываетъ въ полѣ, часто въ ригѣ, ребенокъ осужденъ безпомощно переносить болѣзни, большею частію происходящія или отъ бѣдности, или отъ невѣжества родителей. Да и какъ ухаживать матери за ребенкомъ, когда она день и ночь въ работѣ? Въ лучшемъ случаѣ младенца таскаетъ старшая сестра и хоть немножко старается успокоить его безпре-

работы время ребятишки бьютъ баклуши, бѣгаютъ по улицѣ и *на улицѣ* (вечернія сборища), пріучаются ругаться, видятъ всякія безобразія: пить на праздникахъ до опьянѣнія пріучаютъ сами родители.

Лучше идетъ дѣло тамъ, гдѣ есть школа. Прогрессъ, который замѣтенъ въ народѣ, состоитъ въ томъ, что родители убѣдились, что полезнѣе дѣтей посылать въ школу, чѣмъ давать бѣгать на улицѣ. Конечно, это сознаніе не дошло до того, чтобы хотя однимъ днемъ работы пожертвовать для школы, хотя бы въ день экзамена—нѣтъ, но по крайней мѣрѣ въ свободное время отпускаютъ и даже даютъ на школы деньги. А сколько дѣтей не ходятъ въ школу: въ холодъ—отъ недостатка одежды, въ сырость — отъ недостатка обуви, въ базарные дни — чтобы караулить домъ и т. д. Вечеромъ мальчику ни свѣта, ни мѣста не дадутъ, чтобы готовить уроки. Спасибо хоть за то, что пускаютъ въ школу въ свободное время!

Все, что̀ я говорю здѣсь, относится, конечно, къ мальчикамъ: дѣвочекъ обучается меньшинство самое незначительное. Ихъ не пускаютъ матери: дѣвочка въ домѣ—нянька, дѣвочка прядетъ, дѣвочка помогаетъ матери въ ея различныхъ, часто непосильныхъ работахъ, дѣвочка, наконецъ, зарабатываетъ деньги (иногда по 3 к. въ день).

Въ слѣдующемъ письмѣ мнѣ придется, говоря о женщинѣ, объяснить, почему все это возлагается на дѣвочку, и почему матери не виноваты. А между тѣмъ, что̀ было бы, если бы дѣвочки ходили въ школу? Только грамотная мать воспитаетъ дѣтей какъ слѣдуетъ, въ страхѣ Божіемъ, а, можетъ быть, повліяетъ и на дикій нравъ мужа. Проповѣдь,—проповѣдь ежечасная о школѣ въ церкви, въ домѣ, въ кабакѣ, быть можетъ,—вотъ наша всѣхъ живущихъ въ деревнѣ обязанность. Это ли не бширное поле для дѣятельности земскаго начальника? Гдѣ нѣтъ орошей школы, ребенокъ растетъ, окруженный дурными примѣрами, не слыхавъ даже ничего, что̀ мало-мальски возвысило ы его душу. Въ церкви онъ не понимаетъ самой простой юповѣди—въ этомъ я убѣждался неоднократно. Гдѣ есть хо-

рошая школа, тамъ ребенокъ выходитъ другой. Поражаешься перемѣной, которая замѣчается черезъ три года ученія,—да какого! чуть не шестимѣсячнаго, съ пропусками, безъ приготовленія уроковъ! Чтò бы вышло изъ этого народа, если бы его учили и воспитывали?

Чего же ожидать при такомъ отсутствіи воспитанія? По мѣрѣ возрастанія, мальчикъ начинаетъ бить маленькихъ, какъ и его билъ, кто былъ постарше; начинаетъ обманывать родителей во избѣжаніе битья... Физическая сила—вотъ его идеалъ!

VI.

Крестьянская женщина.

Много приходилось читать о бабьей долѣ. Я, какъ и другіе, видѣлъ въ этихъ описаніяхъ рядъ преувеличеній и приписывалъ это сентиментальности мужикофиловъ и либерализму сторонниковъ развода.

Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, которыя я всецѣло посвятилъ изученію крестьянъ, ежедневно подолгу съ ними бесѣдуя; да и поневолѣ нашему брату, земскому, приходится подолгу слушать ихъ и говорить съ ними, если хочешь хоть немного по совѣсти исполнять свои обязанности и рѣшать не съ плеча, а справедливо.

Съ момента рожденія доля бабья хуже мужичьей. Когда бабка говоритъ, что Богъ послалъ сына,—и отецъ и дѣдъ довольны: юное существо своимъ появленіемъ на свѣтъ уже пріобрѣло, насколько возможно, ихъ симпатію. Родилась дочь—семейные недовольны и ею, и родильницей: родился не кормилецъ, а лишній ротъ. И земли не будетъ при передѣлѣ на нее, и замужъ выйдетъ—только корми ее.

Какъ дѣвочка растетъ, мы видѣли; минетъ 8 лѣтъ, начинаетъ прясть, работаетъ. Невѣстой—тѣмъ болѣе. Долженъ, впрочемъ, сказать, что съ 15 до 17 лѣтъ—самая счастливая пора въ

ея жизни, оттого, что ей позволяется деньги, заработанныя на поденной, брать себѣ, да и бьютъ ее рѣдко. Такъ она себѣ готовитъ приданое.

17 лѣтъ—и конецъ дѣвичьей жизни: осенью въ храмовой праздникъ ей пора выходить замужъ. Сватаются за полгода, за годъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за два, даже за три года впередъ. Участь ея рѣшаютъ родители, а такъ какъ мать большею частью голоса не имѣетъ, то отецъ. Тутъ всевозможныя бываютъ соображенія: каковъ сватъ, будетъ ли хорошо угощать, не слишкомъ ли велика у свата семья, а то придется много потратить водки на свадьбѣ. Каковъ женихъ—вопросъ второстепенный, а нравится ли дочери—это даже не вопросъ. Существуетъ выраженіе у насъ повсемѣстное, къ которому до сихъ поръ я не могу привыкнуть: «пропить дочь», «я ее пропилъ». Не правда ли, характерно? А вѣдь подлинно пропиваютъ... Сговариваются, сколько и какъ много сватъ будетъ подносить водки: это—вѣдь главный аргументъ! Если женихъ ужъ очень не по-сердцу, или другой нравится, невѣста со слезами бросается къ родителямъ, проситъ разойтись; но если слово уже дано, и со свата выпита бутылка-другая, то слезы ея не помогаютъ; «небось, говорятъ, слюбится»; при этомъ указываютъ на сосѣдку, которую выдали насильно и которая живетъ съ мужемъ ничего себѣ. Вообще, слезы, мольбы, истерика не помогаютъ. Вотъ источникъ распутства крестьянокъ. Не говоря о солдаткахъ,—которыя вездѣ гуляютъ, сколько хотятъ,—у насъ рѣдкая баба живетъ честно; въ другихъ селахъ бабы мужьямъ вѣрны, а дѣвки гуляютъ; знаю даже села, гдѣ жениховъ больше бываетъ у той, у которой было больше поклонниковъ.

И такъ, баба «пропита». Если она предупредила мужа, что выходитъ за него насильно, то жизнь иногда съ самаго начала идетъ каторжная: ежедневно побои, истязанія.

Попробую описать бабьи обязанности: баба топитъ избу, готовитъ пищу, работаетъ всѣ бабьи работы въ полѣ, на лугахъ, на гумнѣ; это—естественно. Но у нея еще и другое дѣло: это—приготовить одежду на себя, на дѣтей, на мужа и всѣхъ обсти-

рать. Хотя ей даютъ конопли и двухъ-трехъ овецъ, но самая работа должна быть признана непосильной. Но это еще не все. Кромѣ пряжи конопной, льняной, шерстяной, есть вещи, которыя надо купить: пуговицы, мыло, ситецъ разный, кумачъ, надо заплатить валяльщику, синельщику. Это все лежитъ на обязанности женщины: если дѣтей немного, трудъ еще возможный,— если же ихъ человѣкъ шесть, то баба становится мученицей. Ни въ чемъ поблажки нѣтъ: подавай, да и только! мнѣ чтó за дѣло, откуда ты чтò возьмешь! Коли домъ бѣдный, такъ можно еще заработать на поденной въ свободное время, а если богатый, то бѣда вдвое больше, некогда ничего заработать—все приходится работать на семью, а все-таки все подай и подай. И приходится бабѣ работать и день и ночь работу тяжелую,—ни сна почти, ни отдыха не зная.

Это—нормальная жизнь крестьянки; если же мужъ позлѣе (а сколько ихъ!), то онъ исполняетъ только ту работу, которая бабѣ не подъ силу,—все же остальное взваливаетъ на нее (напримѣръ: убирать зимой скотину, молотить). А то керосину не дастъ ночью: пряди ощупью впотемкахъ!

Ни болѣзнь, ни роды—ничто бабу не спасаетъ. Если родила въ рабочую пору, то на третій день иди вязать. Можно ли послѣ этого удивляться, что онѣ всѣ больны женскими болѣзнями? А это явленіе чуть не поголовное. Лѣчиться—некогда, не на чтò, да и какіе у насъ гинекологи? Такъ и живи, и мучайся, и конца мученьямъ нѣтъ...

За все это ее почти неминуемо ждутъ побои; горе той бабѣ, которая не очень ловко прядетъ, не успѣла вò-время мужу изготовить портянки. Но и ловкую бабу бьютъ. Надо же ее «учить»: если мужа священникъ, земскій или кто иной усовѣщевать возьмется, то услышитъ такой вопросъ: «а кто же будетъ ее учить?»

Но есть битье еще болѣе противное: битье съ цѣлью вымоганья. Нехватка какая въ домѣ даже не по винѣ бабы: напримѣръ, сватъ пришелъ, а водки купить не на чтò. Начинаетъ мужъ бить бабу, чтобы денегъ дала. А гдѣ ихъ взять?

Ну, какъ тутъ матери ухаживать за больнымъ или здоро

вымъ ребенкомъ, какъ не заставлять дѣвочку няньчить и прясть вмѣсто того, чтобы ходить въ школу?

Много, повидимому, несообразностей вы найдете въ бабьемъ хозяйствѣ: у бабы страсть собирать холсты, поневы. Почему бы ихъ не продавать, деньги не класть въ сберегательную кассу, а когда надо—вынимать? Не сгорѣли бы, не украли бы ихъ! Повидимому ясно. Но причина тому есть, и причина основательная: деньги всякій мужъ при случаѣ отниметъ, т.-е. выбьетъ кнутомъ или ремнемъ, а холстовъ въ большинствѣ случаевъ не трогаютъ. Такъ, вотъ, десятки лѣтъ готовятъ онѣ холсты на приданое дочерямъ, пока огонь не посѣтитъ.

Есть, конечно, звѣри, которые холсты отнимаютъ, хуже того,—рубятъ холсты и прочее бабье добро,—только чтобы заставить ее больше плакать,—но такихъ, къ счастью, не очень много...

Вотъ вамъ бабья жизнь въ отношеніяхъ ея къ мужу и дѣтямъ. А свекоръ? Горе, коли ему не угодила, да иногда еще какъ! А свекровь? На комъ ей выместить злобу, накипѣвшую вслѣдствіе многолѣтняго битья? Конечно, на снохѣ. Да и мужъ большею частью ее же колотитъ, что не поддалась свекру, такъ какъ, конечно, больше отцу повѣритъ, чѣмъ женѣ. А снохи между собой? А золовка-вѣковушка? Да не перечтешь бабьяго горя!

Предвижу возраженіе: какъ же бабы, если онѣ такъ несчастны, вѣчно поютъ на полкѣ, на сѣнокосѣ, на молотьбѣ? Во-первыхъ, поютъ главнымъ образомъ не бабы, а солдатки, да дѣвки. Да и какъ не пѣть? Говорятъ: на каторгѣ поютъ пѣсни заунывныя, а и русская пѣсня—заунывная. Самъ я слышалъ пѣніе арестантовъ въ тюрьмѣ. Неужели и имъ весело? Надо же горе обмануть!

Томы, фоліанты можно бы написать объ этихъ отношеніяхъ, но не это моя цѣль: краткій очеркъ крестьянской жизни необходимъ, какъ вступленіе въ мои воспоминанія. Пишу же я не нервами, а горькимъ опытомъ.

VII.

Старики.

Когда я говорилъ о дѣтяхъ и женщинахъ крестьянскихъ, у меня невольно вышла картина мрачная. Очевидно, есть исключенія изъ этого безотраднаго положенія; есть дѣти счастливыя, выхоленныя, одѣтыя попеченіями отца и матери; есть жены любимыя мужьями, дружныя съ свекровями; есть, наконецъ, и жены, удерживающія мужей отъ вина и разгула, но увы! все это исключенія, исключенія настолько рѣдкія, насколько отрадныя. Вѣрю, отъ всей души вѣрю, что таковымъ народъ нашъ вышелъ изъ рукъ Творца, вѣрю, что таковымъ онъ будетъ и въ будущемъ. Иначе для чего же работать? Для чего жить въ народѣ? Но я изображалъ не идеалъ, описывалъ не исключенія, я представилъ картину громаднаго большинства этихъ ста милліоновъ, каковыми они вышли изъ тысячелѣтняго невѣжества и тысячелѣтняго рабства.

Гораздо труднѣе описать положеніе стариковъ на Руси. Но и тутъ все та же картина битья, съ тою разницей, что есть старики бьющіе и есть старики битые.

Старики, умѣвшіе съ самаго начала пріобрѣсти авторитетъ въ семьѣ, главнымъ образомъ, старики богатые, многосемейные, доживаютъ до восьмидесяти лѣтъ, окруженные почетомъ и страхомъ дѣтей. Это старики бьющіе; на сходъ ходятъ сами; называютъ ихъ по имени и отчеству. Если сынъ, жена, сноха, внучка вздумаютъ не послушаться, то гдѣ возьмется у старика сила ихъ привести въ повиновеніе палкой, которая у него въ рукахъ всегда. Да и гдѣ думать сыну объ отдѣлѣ, когда все богатство въ рукахъ старика? Мужики того старика почитаютъ, староста, старшина, земскій его слушаютъ; ему вѣрятъ, такъ какъ и лгать ему незачѣмъ. Это старикъ патріархальный. Это палка въ рукахъ мудрѣйшаго и потому многимъ симпатичная.

Но большинство стариковъ не сумѣли себѣ создать этого положенія; это старики бѣдные, безхарактерные. Не поладилъ съ нимъ сынъ, дѣлить имъ нечего и палка обращается на отца. Нѣтъ болѣе жалкаго созданія, какъ такой старикъ. Никто его не слушаетъ, на сходъ не ходитъ, домохозяиномъ пишется сынъ; лежитъ день и ночь на печи, коли не нужно молодому погрѣться. Если онъ вдовый, не обмоютъ, не обстираютъ его, даютъ ему худшіе куски, при случаѣ побьютъ его дѣти, снохи, даже внуки! Это я лично наблюдалъ неоднократно. Жаловаться? Пріѣдетъ старшина, спроситъ сына: «а хлѣба даешь ему?» «Какже, помилуйте, сколько хочетъ». «Такъ чего же тебѣ, старикъ, нужно, лежи себѣ на печкѣ, Богъ съ тобой, ѣшь хлѣбъ готовый, а ты, Иванъ, старика не обижай». Вотъ вся и расправа. А уѣхалъ старшина—старику же попадетъ, что жаловался!

Хозяйствомъ такой старикъ не занимается, въ церковь ходитъ, коли близка, далеко же лошади не получитъ, готовитъ себѣ на смерть рубаху и новый кафтанъ, ждетъ, когда угодно будетъ Богу прекратить его безполезныя страданія.

Теперь спроситъ читатель: сколько же тѣхъ и другихъ стариковъ? А вотъ сколько: сколько есть на свѣтѣ людей энергичныхъ, сколько есть на Руси людей богатыхъ—столько стариковъ бьющихъ; сколько на свѣтѣ тихихъ, непроворныхъ, сколько на Руси бѣдныхъ—столько стариковъ битыхъ. Очевидно, что первыхъ становится меньше, а послѣднихъ больше: принято говорить, что это продуктъ упадка нравовъ. Вовсе нѣтъ. Такъ было, есть и еще, къ сожалѣнію, будетъ, — будетъ до тѣхъ поръ, пока и сынъ не палкой и деньгами будетъ держаться въ повиновеніи, а сознаніемъ долга и любовью Христовой.

Перейдемъ къ старухѣ. При старикѣ богатомъ и старуха въ почетѣ: не проживешь же 50 лѣтъ съ женой, не привязавшись къ ней. Бѣденъ старикъ, забитъ,—и горе старухѣ; хорошо еще, какъ нужно кого няньчить, а то хоть умирай скорѣе со своимъ старикомъ.

Если старуха очень ужъ дорога была дѣтямъ и семейнымъ то и по смерти мужа ее слушаются и уважаютъ. Вообще думаю,

что чувство къ матери такъ глубоко сидитъ въ насъ, что, несмотря на всю дикость нашего народа, къ матерямъ относятся лучше, чѣмъ къ отцамъ. Тутъ невольно вспоминается дѣтство, гдѣ большею частью на груди матери приходилось прятаться отъ побоевъ отца.

Сегодня какъ разъ услыхалъ я про случай, производящій тяжелое впечатлѣніе. Старикъ, отецъ 3 сыновей, уѣхалъ въ Сибирь, тамъ поселился и ждетъ старуху съ дѣтьми осенью. Старшій сынъ, пьяный, въ кровь исколотилъ свою мать, сосѣдямъ пришлось ее отбивать. Жаль старуху! Умная, добрая. Спросили ее, пойдетъ ли жаловаться, говоритъ: «нѣтъ, жаль!» Но такихъ извергов все-таки мало.

VIII.

Крестьянскіе раздѣлы.

Всѣми признано, что главнымъ источникомъ разоренія крестьянъ являются семейные раздѣлы. Само собою разумѣется, что жить семьѣ на два или на три дома убыточнѣе, чѣмъ жить однимъ домомъ: нужны двѣ избы, двѣ риги, двѣ коровы. То одна баба остается дома при дѣтяхъ, то обѣ и т. д., и т. д.

Послѣ буду говорить о законѣ, о раздѣлахъ. Теперь же коснусь ихъ чисто бытовой стороны и отношенія къ нимъ земскаго начальника. Причины раздѣла у крестьянъ бываютъ четырехъ родовъ: во-первыхъ, когда одинъ изъ членовъ семьи ведетъ расточительную жизнь или не радѣетъ объ общемъ достояніи семьи. Во-вторыхъ, когда одному изъ членовъ семьи невыгодно жить вмѣстѣ. Въ-третьихъ, когда между двумя членами семьи происходитъ разладъ, и въ-четвертыхъ, когда старики при жизни хотятъ устроить своихъ дѣтей.

Возьмемъ случай распутства кого-либо въ семьѣ. Отецъ, братья трудолюбивы; заработавъ копѣйку, каждый несетъ ее въ общую казну. Только одинъ изъ сыновей распутничаетъ, пропиваетъ не только заработки свои, но и имущество семьи, или же

прячетъ добытыя деньги себѣ отдѣльно. Въ этихъ случаяхъ прежде всего старшіе пытаются остановить негодяя жалобой по начальству. Но что́ можетъ начальство въ этомъ случаѣ? Какъ оно исправитъ мота? Оштрафовать его? Штрафъ ляжетъ на семью же. Арестовать? Черезъ два дня онъ начнетъ то же. Высѣчь? Это только озлобитъ его. Пьяницу, мота, потерявшаго силу воли, наказаньемъ не исправишь. Тутъ есть пробѣлъ въ законѣ. Но что́ законъ въ этихъ случаяхъ можетъ сдѣлать, это—ослабить зависимость остальныхъ членовъ семьи отъ негодяя. А этого закона нѣтъ. Исправить же его — дѣло добраго священника или частнаго лица, но не начальства. Оно безсильно.

Какой же тутъ выходъ? Очевидно, отдѣлить мота, а то онъ разоритъ не только себя, но и другихъ братьевъ. Лучше ему погибнуть одному, чѣмъ всѣмъ.

Другая причина раздѣла бываетъ, если одному брату невыгодно жить съ другимъ. Напримѣръ, у одного брата одинъ сынъ, т.-е. двѣ души земли, а у другого, положимъ, пять дочерей при одной душѣ. Очевидно, первому приходится работать на дѣтей второго. Первому невыгодно: онъ отдѣляется. Заставьте ихъ жить вмѣстѣ,—выйдетъ, что первый работать не будетъ и никакъ вы его работать не заставите. Побьется многосемейный братъ съ поддержкою начальства, да и самъ придетъ просить: ужъ разведите лучше.

Возьмемъ третій, самый обыкновенный случай. Пошелъ между двумя братьями раздоръ, чаще всего изъ-за бабъ, иногда даже изъ-за пустяковъ. Жизнь становится адскою: дѣти дерутся, бабы ругаются и тоже дерутся, мужики изъ-за всего ссорятся, а выпьютъ, опять-таки дерутся. Нѣтъ страшнѣе вражды, какъ между семейными, не ладящими между особой и принужденными жить вмѣстѣ. Да поставьте себя на ихъ мѣсто: одна семиаршинная изба, все общее, и половина семьи враждуетъ съ другой; каждый тащитъ себѣ, объ общемъ хозяйствѣ не заботятся, руки отваливаются отъ работы, это разореніе. Худшее, чѣмъ при раздѣлѣ, это растлѣніе нравовъ, вѣчное насиліе, могущее дойти до убійства.

Помню,--это было въ началѣ моей службы,—двухъ братьевъ Зудиныхъ изъ деревни Кошелевки и двухъ братьевъ Землянскихъ изъ деревни Варваринки. У нихъ шелъ разладъ. Сколько разъ они, несчастные, ко мнѣ ходили, то тѣ, то другіе, валялись въ ногахъ: я былъ какъ скала. Убѣжденный, что дѣлежка вредна, я не давалъ своей всесильной санкціи: мучайтесь, молъ, хорошій будетъ примѣръ для другихъ! Они, хотя въ одной избѣ, уже жили врозь, пекли хлѣбъ отдѣльно, у каждаго былъ свой горшокъ, домъ съ коровой принадлежалъ одному, а рига съ лошадью другому. Живя все-таки вмѣстѣ, они мучились и мучили другъ друга, и Богъ вѣсть до чего бы дошло, если бы я не опомнился по настоянію, кажется, старшины, и не пересталъ ихъ неволить: ой, какъ опасно иногда опрометчивое рѣшеніе, а многіе ли стараются вникнуть въ глубь дѣла? «Позвольте, ваше благородіе, раздѣлиться». «Нѣтъ, вамъ незачѣмъ, живите вмѣстѣ». «Да позвольте, ради Бога, драка, нелады. «Я сказалъ вамъ, такъ вонъ отсюда». Послѣднее говорится грозно, мужики убѣгаютъ, а дома ругань, драка, у женъ слезы, у дѣтей крикъ. Нѣтъ! Не административнымъ дѣломъ должно быть дѣло о раздѣлѣ! Но объ этомъ послѣ.

Послѣдній случай раздѣла, когда старикъ или старуха богатые, имѣя двухъ, трехъ, четырехъ сыновей, рѣшаются ихъ раздѣлить при жизни. Заготовляютъ сообща двѣ, три, четыре усадьбы, строятъ избы, всѣмъ въ нѣсколько лѣтъ обзаводятся и отдѣляютъ дѣтей по одному, себѣ оставивъ частичку на поминъ. Меня это сначала удивляло: ужъ очень въ разрѣзъ идетъ съ басней о старикѣ, убѣждающемъ жить вмѣстѣ и доказывающемъ вредъ раздѣла ломаньемъ прутиковъ. Но пришлось понять и мужика, дѣлящаго сыновей при жизни. Онъ понялъ, что его богатый домъ держится его палкой, что когда его палки не станетъ, то дѣти разойдутся не добромъ, а послѣ растлѣвающихъ ссоръ и разорительныхъ тяжбъ. Онъ ихъ дѣлитъ при жизни и, можетъ быть, правъ.

Послѣ я буду говорить о раздѣлѣ, какъ онъ у насъ производится по закону, теперь же говорилъ о немъ не съ точки зрѣнія закона, а какъ простой наблюдатель.

Тутъ, какъ и прежде, и послѣ скажу: жизнь крестьянская сложна, ее надо понять, не вставлять ее нужно въ искусственныя, несвойственныя ей рамки, а въ крайнемъ случаѣ, изучивъ, закономъ регулировать, направлять; не ломать ее по-своему, а незамѣтно стараться привести ее къ желаемымъ результатамъ Не коверкать надо мужика, а воспитывать.

IX.

Община.

Рѣдкій вопросъ на Руси возбуждалъ столько споровъ, какъ община; рѣдкій вопросъ рѣшался такъ безапелляціонно—быть общинѣ или не быть?—середины вѣдь нѣтъ. Очевидно, вѣскія основанія имѣютъ противники ея, не менѣе вѣскіе доводы приводятъ ея защитники.

Община особая, своеобразная, исторически сложившаяся у насъ форма землевладѣнія, дорогая защитникамъ нашей самобытности, а по своему соціальному оттѣнку симпатичная и западнымъ прогрессистамъ. Съ другой стороны, община для многихъ является синонимомъ поглощенія личнаго права землепользованія правомъ на землю общества, правомъ неразумнаго большинства; общинное владѣніе влечетъ за собою неизбѣжно, повидимому, полный застой въ хозяйственной культурѣ: ни травосѣянія, ни хорошаго выгона, ни правильнаго унаваживанія—никакого улучшенія община не допускаетъ.

Оставить общину—значитъ, повидимому, обречь крестьянскія поля на вѣчное безплодіе; уничтожить общину—значитъ развить пролетаріатъ. Но пролетаріатъ на Западѣ имѣетъ выходъ: фабрики, заводы, копи. У насъ врядъ ли при нашемъ отсутствіи капитала и духа предпріимчивости разовьется промышленность, по крайней мѣрѣ пропорціонально росту населенія и движенію впередъ въ этомъ отношеніи Запада. Если разовьется, то въ будущемъ, настолько отдаленномъ, что предвидѣть нельзя. Да и желателенъ ли даже и такой пролетаріатъ? Правда, при общемъ

обѣднѣніи крестьянскаго населенія, и съ землей крестьянинъ часто голодаетъ, другими словами, и при землѣ онъ пролетарій; но кто знаетъ, какъ болитъ о землѣ русская душа, тотъ оцѣнитъ и это преимущество нашего пролетарія передъ западнымъ. Свой домъ, на своей землѣ—это идеалъ благополучія для всякаго русскаго безземельнаго человѣка. Чиновникъ лелѣетъ мечту подъ старость купить имѣньице и жить въ немъ на пенсію; подрядчикъ, лавочникъ, накопивъ 5—6 тысячъ, покупаетъ участочекъ земли и бросаетъ работы; безземельный крестьянинъ только и мечтаетъ набрать 2—3 сотни и, снявъ усадьбу, выстроитъ себѣ уголъ подъ старость.

Эта страсть русскаго къ землѣ и объясняетъ отсутствіе предпріятій промышленныхъ, отсутствіе хорошихъ мастеровыхъ. Чѣмъ бы русскій ни занимался, но уголъ свой, хотя бы съ забитыми окнами, хотя бы покосившійся, онъ стремится сохранить.

Желательно ли при такомъ характерѣ народа обезземеленіе массы людей, неизбѣжное при уничтоженіи общины? Чья рука поднимется содѣйствовать потерѣ крестьяниномъ того, что̀ ему дороже всего—своего дома, своей земли? Помню слова одного мудраго нашего помѣщика: «зло общины вижу, пользы ея не вижу, но общину уничтожить никогда бы не рѣшился».

Какой же выходъ? Неужели окончательное истощеніе той самой земли, о которой мы радѣемъ? Обратимся для сравненія къ землѣ частныхъ владѣльцевъ. Какова тутъ культура? Улучшается ли она? Къ сожалѣнію, приходится убѣдиться въ противномъ. Благоустроенныхъ имѣній мало, земля въ большинствѣ случаевъ тоже истощается. Недостатокъ капитала у однихъ, развитія у другихъ, энергіи и любви къ дѣлу у третьихъ, эксплуататорскія наклонности четвертыхъ, наконецъ, измѣнчивость взглядовъ нашего правительства на политико-экономическую жизнь,—все это вредитъ хозяйству нашему. Нѣтъ словъ, земля крестьянская обрабатывается еще хуже; но врядъ ли и съ точки зрѣнія враговъ общины стоитъ производить эту капитальную ломку, для пользы если не сомнительной, то во всякомъ случаѣ небольшой.

Думаю даже, что эта ломка могла бы не пройти гладко, какъ другія, къ которымъ мы привыкли. Право на землю такъ глубоко сидитъ въ нашемъ мужикѣ, что онъ не легко можетъ отъ него отказаться. Это убѣжденіе мужика видно еще въ легкости, съ которою совершаются у нихъ передѣлы. Даже тѣ, которымъ передѣлъ невыгоденъ, даютъ на него согласіе. Рѣдкій случай видимаго безкорыстія нашего мужика! Значитъ, ужъ очень глубоко убѣжденъ онъ, что земля не его, а мірская.

Не хочу, впрочемъ, вѣрить, что положеніе безвыходное. Улучшится культура и у насъ, какъ частно-владѣльческая, такъ и крестьянская. Частно-владѣльческая улучшится, когда, съ одной стороны, возвысится образованіе землевладѣльцевъ, дворянъ, купцовъ, всѣхъ владѣющихъ землею, когда университетовъ будетъ не 7, а 37, сельско-хозяйственныхъ институтовъ не 2, а 22, когда будетъ сѣть среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ; съ другой, когда установится твердый взглядъ на отношеніе государства къ земледѣлію.

Такъ и на крестьянской землѣ при общинѣ земледѣліе стоитъ низко потому, что низко стоитъ все развитіе народа, потому, что рѣшаетъ большинство неразумное. Сдѣлайте его разумнымъ, стройте школы народныя, школы сельско-хозяйственныя, сдѣлайте народъ способнымъ хоть читать сельскохозяйственную литературу, къ которой онъ питаетъ отвращеніе, и вы увидите, что при общинѣ хозяйство можетъ идти не хуже, чѣмъ при владѣніи подворномъ. Взгляните на Финляндію. Неужели климатъ нашъ хуже? Неужели земля черноземная менѣе плодородна? Неужели нашъ народъ глупѣе? Сравните школу тамъ и школу здѣсь, поля финляндскія и поля русскія и увидите, что не въ общинѣ вредъ.

X.

Начальники крестьянъ.

Начальство крестьянское, какъ и всякое начальство, дѣлится на двѣ категоріи: низшее, вышедшее изъ своей среды, и высшее—изъ высшей среды. Своихъ маленькихъ начальниковъ много: староста, старшина, сотскій, урядникъ, волостной писарь. Большихъ начальниковъ тоже много: земскій начальникъ, становой, исправникъ, предводитель и т. д. Кромѣ того, всякій человѣкъ, носящій кокарду, тѣмъ самымъ дѣлается начальникомъ крестьянина, т.-е. считаетъ себя въ правѣ его посылать, ругать, совершенно безнаказанно, причемъ и мужикъ признаетъ за всякой кокардой это право, причемъ сила кокарды такова, что начальниками являются для нихъ и всѣ желѣзнодорожные служащіе, до дорожнаго мастера включительно, лишь бы у нихъ была кокарда!

Взглядъ на мужика, какъ на подчиненнаго, который обязанъ исполнять всевозможныя приказанія, и убѣжденіе самого мужика, что онъ дѣйствительно обязанъ исполнять эти приказанія, создаютъ тѣ ненормальныя отношенія, которыя существуютъ между крестьянами и ихъ начальниками. Отсюда происходитъ масса превышеній власти, изъ коихъ одно на тысячу всплываетъ наружу. Это и есть главная причина, почему крестьянинъ не вѣритъ въ законъ; для него законъ есть приказаніе начальника. «Вы все можете», говоритъ вамъ мужикъ, когда вы ему толкуете про законъ. Большинству же начальниковъ пріятно сознавать, что онъ все можетъ; такіе не разувѣряютъ мужика въ этомъ, а наоборотъ, поддерживаютъ эту иллюзію. Отсюда происходятъ выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Я тебя въ Сибирь упеку»,—и мужикъ вѣритъ, что упекутъ его въ Сибирь.

Неувѣренность мужика въ томъ, что законъ будетъ исполненъ, и убѣжденіе, что начальство все можетъ, является источ-

никомъ многихъ бѣдъ. Избѣгаютъ не противозаконія, а гнѣва начальства, стремятся не законъ исполнить, а угодить начальнику. Что хуже всего, это то, что начальникъ, преступая законъ, не сознаетъ, что онъ дѣйствуетъ преступно, а наоборотъ, убѣжденъ, что законъ плохъ и что его нравственная обязанность исправить его. Является путаница, которая и мужика можетъ сбить съ панталыку. Какъ мужику не быть недовольному, когда онъ видитъ, что въ сосѣднемъ уѣздѣ, участкѣ или даже волости порядки другіе, чѣмъ у него, тогда какъ царь законъ издалъ одинъ для всѣхъ.

Отсюда, т.-е. отъ вѣры во всемогущество начальства, является у мужика страсть къ кляузничеству, любовь къ тяжбамъ. Всегда онъ надѣется упросить, уговорить начальника. «Авось мое дѣло выгоритъ», думаетъ онъ, даже если онъ чувствуетъ себя неправымъ.

Два разряда начальства особенно близко касаются крестьянства, это, во-первыхъ, прямые начальники его: староста, старшина, земскій начальникъ, и, во-вторыхъ—полиція, т.-е. сотскій, урядникъ, становой, исправникъ. Близко они его касаются потому, что имѣютъ обширныя полномочія его сажать подъ арестъ, а это, само собою разумѣется, не можетъ не вселять въ мужика страха. Полиція можетъ сажать мужика или для предупрежденія бѣгства подозрѣваемаго, или во избѣжаніе могущаго произойти несчастія, напримѣръ, для пьянаго. Фактически же рѣдкаго человѣка полиція не можетъ посадить, если захочетъ, и все выйдетъ какъ будто законно. Если присоединить къ этому домашнія расправы, которыми полиція прославилась, то понятно, почему для мужика полиція грозна.

Еще большее значеніе имѣетъ для народа его ближайшее административное начальство: 64 и 86 статьи общаго положенія, 61 статья положенія о земскихъ начальникахъ даютъ старостѣ, старшинѣ, земскому начальнику безусловное право сажать кого угодно, и притомъ всегда законно. Говоря объ отдѣльныхъ должностныхъ лицахъ администраціи, я это докажу подробно.

Такая зависимость отъ начальства, къ сожалѣнію, грозитъ

въ особенности не плохому крестьянину, который привыкъ къ холодной, а хорошему, который ее боится и потому долженъ молчать, какія бы злоупотребленія начальства ни видѣлъ. Охота рисковать арестомъ. Онъ вынужденъ добиваться не правды, не пользы общества или волости, а благорасположенія начальства, опираться не на законъ, а на фантазію и произволъ начальника. Вотъ корень всевозможныхъ злоупотребленій.

Можетъ быть, наружно и лучше сохраняется порядокъ, можетъ быть, благодаря этому, у ловкаго и опытнаго начальника ревизіи сойдутъ глаже, жалобъ будетъ меньше, но желательно ли это въ смыслѣ воспитанія народа? Въ произволѣ старосты, старшины, земскаго начальника надо искать причину усиленія власти кулаковъ и безнаказанности ихъ, сокрытія виновныхъ и привлеченія къ отвѣтственности невинныхъ, любви къ тяжбамъ и проч.

Законъ долженъ бы былъ быть неумолимъ для власть имѣющихъ; тогда и въ мужикѣ воспиталось бы уваженіе къ закону. «Если самъ земскій начальникъ не можетъ отступить отъ закона, то намъ подавно», подумали бы они. У насъ наоборотъ: начальство все можетъ, и всегда право по закону; мужикъ, если не угодилъ начальству—всегда виноватъ.

XI.

Сельскій староста.

Ближайшій начальникъ крестьянина—сельскій староста, избираютъ его не выборные люди, какъ старшину, а всѣ крестьяне, составляющіе сельскій сходъ. Онъ—односельчанинъ избирающихъ, живетъ съ ними, одного съ ними кругозора. Естественно поэтому, что онъ, стоя между высшимъ начальствомъ и крестьянами, стоитъ болѣе на ихъ сторонѣ: весьма рѣдко всплываетъ наружу какое-нибудь неустройство сельское черезъ старосту. Большинство старостъ даже считаютъ себя подчиненными схода. «Общество приказало», «такъ міру угодно»—обычныя въ ихъ устахъ фразы.

Никто не могъ бы такъ влiять на всѣ сельскiя дѣла, какъ староста, если бы онъ былъ на сторонѣ начальства: у него вся родня тутъ же, онъ все знаетъ, все видитъ. Способныхъ на активное начальствованiе поэтому сходъ не избираетъ, а избираетъ любого, преимущественно изъ многосемейныхъ.

Нѣкоторые старосты считаютъ свою службу чуть не за наказанiе и откупаются водкой, только бы ихъ оставили въ покоѣ; другiе, наоборотъ, домогаются этого мѣста, потому что все-таки дѣлаются начальниками, и даже подносятъ водки послѣ выборовъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ выбираютъ недоимщиковъ, чтобы жалованьемъ ихъ покрыть недоимку.

Жалованье платятъ старостамъ самое ничтожное: отъ 10 до 30 рублей въ годъ. Поэтому старосты вознаграждаютъ себя тѣмъ, что при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заставляютъ себя угощать. Обращаются со старостою за панибрата, и если онъ вздумаетъ ругаться, то ему отвѣчаютъ тѣмъ же, и онъ не особенно оскорбляется этимъ.

Между тѣмъ законъ даетъ ему большiя полномочiя. По 64 статьѣ общаго положенiя староста можетъ штрафовать до 1 рубля и сажать подъ арестъ до 2 дней за маловажные проступки. Чтô такое маловажный проступокъ? Очевидно, все можетъ быть подведено подъ этотъ терминъ Громко говорилъ мужикъ, говорилъ подбоченясь, да, наконецъ, и если не къ чему придраться, то всегда можно вызвать нетерпѣливое замѣчанiе и посадить за грубость. Фактически старосты этимъ правомъ почти никогда не пользуются. Статистика записей даетъ другой отвѣтъ: книги постановленiй старостъ испещрены постановленiями объ арестахъ. Происходитъ это такъ: хочетъ земскiй начальникъ, а иногда и старшина или становой приставъ посадить мужика — и приказываетъ старостѣ. Тотъ и сажаетъ: и легче, и законнѣе, такъ какъ (странно сказать) власть земскаго сажать меньше власти старосты: земскiй можетъ посадить только за неисполненiе его законныхъ требованiй, а не за маловажные проступки. Тутъ придраться уже труднѣе.

Бываетъ, впрочемъ, что и староста посадитъ самъ; это слу-

чается въ очень большихъ селахъ, гдѣ староста не такъ близокъ къ населенію и гдѣ его роль уже иная, чѣмъ мною описанная; такой староста скорѣе напоминаетъ старшину и отношенія его къ народу другія, но такихъ очень немного. Бываетъ, наконецъ, что и обыкновенный староста вдругъ разсвирѣпѣетъ или спьяну, или захочетъ власть проявить, или ужъ очень сердитъ на кого по личнымъ дѣламъ—тогда и онъ способенъ посадить, но это опять случай рѣдкій.

Про другое наказаніе, которое староста и старшина имѣютъ право накладывать—про штрафы, я ни разу ни въ практикѣ моей, ни въ съѣздѣ не слыхалъ. Думаю даже, что большинство старостъ, а можетъ быть и старшинъ не знаетъ, что это право за ними есть. Отчего это происходитъ—не знаю. Можетъ быть, отъ глубокаго убѣжденія, что народъ нашъ такъ бѣденъ, что штрафовать его грѣхъ.

Кромѣ права администратора сажать людей въ холодную, у старосты есть еще другія права: староста является еще казначеемъ общества и хранителемъ печати. Для собиранія податей существуетъ сборщикъ, а по 58 статьѣ общаго положенія о крестьянахъ, мірскими суммами, т.-е. различными арендными статьями, отъ лишней неподѣленной земли, отъ кабаковъ и проч., завѣдуетъ староста. Это большая ошибка; тутъ-то и являются всевозможныя растраты, угощенія, пропиванія сходомъ общественныхъ суммъ. Завѣдываніе арендными статьями и наблюденіе за расходованіемъ ихъ должны бы лежать на волостномъ правленіи, храненіе же суммъ предоставлено сборщику, причемъ деньги въ большихъ обществахъ должны бы сдаваться въ банкъ по мѣрѣ накопленія болѣе 2—3-хъ сотъ рублей. Староста не въ силахъ противиться сходу, сборщикъ же, получивъ при старшинѣ деньги, съ записью ихъ, конечно, въ книгу, являлся бы простымъ хранителемъ ихъ, а не распорядителемъ, какъ староста.

Староста учитывается обществомъ, но кто знаетъ, что̀ такое этотъ учетъ, тотъ увидитъ, что это небольшая гарантія: все дѣлается на словахъ; если же при этомъ начальство, то пропиваніе денегъ скроютъ, или умолчавъ про источники дохода, или,

если нельзя, то выдумавъ траты на разные мосты, общественныхъ быковъ и т. п.

Вообще, староста въ дѣлѣ завѣдыванія общественными суммами является простымъ исполнителемъ воли общества, а не начальникомъ; доведи онъ о пропиваніи денегъ схода до свѣдѣнія начальства—ему житья не дадутъ.

Староста имѣетъ особую печать. Сдѣлана она для неграмотныхъ, для замѣны подписи. Въ дѣйствительности же ее прикладываютъ и грамотные старосты. Бланковъ онъ не имѣетъ, а потому эта накопченая печать превращаетъ старостину бумажонку изъ простой грамотки въ оффиціальную бумагу; такъ пишутся аттестаты на крестьянскихъ клячъ съ выдуманными годами, пишутся удостовѣренія о бѣдности профессіональнымъ нищимъ, свидѣтельства о пожарахъ, бывшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ. За все это берутся шкалики водки, а то и гривенники. Думаю, что ущерба не будетъ, если печать у старосты отнять совсѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, дать ему ящикъ въ правленіи, въ которомъ бы онъ хранилъ печать и документы сельскіе, и ключъ котораго былъ бы у него. Меньше было бы злоупотребленій.

Вообще, староста—начальство въ большинствѣ случаевъ для мужика не страшное; злоупотребленія его мелкія; ни большой пользы, ни большого вреда отъ него нѣтъ. Никогда не слыхалъ отъ мужиковъ, чтобы староста ихъ разорилъ.

XII.

Волостной старшина.

Въ противность старостѣ, обычно мало вліяющему на жизнь крестьянина, волостной старшина въ большинствѣ случаевъ играетъ въ волости главную роль. Если старшина хорошъ, то волость въ порядкѣ; подати собираются исправно, мужики арендныхъ статей не пропиваютъ, волостные судьи опасаются пьянствовать и брать взятки, волостное правленіе похоже на при-

сутственное мѣсто, мужики могутъ добиться правды. Но зато горе имъ при старшинѣ-пьяницѣ и взяточникѣ: тогда силу забираетъ кабатчикъ и кулакъ,—пріятели старшины, подати взыскиваютъ или отсрочиваютъ не по состоятельности крестьянина, а за угощенія и поднесенія, все распускается, всякій—будь то писарь, судья, староста, попечитель, сборщикъ—тащитъ что хочетъ, злоупотребленій не перечтешь. При этомъ еще хуже, если старшина опытный и умѣетъ скрывать концы.

Происходитъ это отъ отношеній старшины какъ къ крестьянамъ, такъ и къ земскому начальнику.

Власть старшины очень велика: помимо права арестовать крестьянъ, отъ старшины большею частью зависитъ дать то или другое направленіе всякому крестьянскому дѣлу. Впрочемъ, въ 86 ст. общаго положенія, уполномочивающей старшину сажать крестьянина въ холодную, есть маленькая разница отъ 64 ст., дающей это право старостѣ: старшина можетъ арестовать мужика за маловажные *полицейскіе* проступки, но сути это не измѣняетъ: старшина всегда можетъ посадить кого хочетъ. Правомъ сажанія онъ пользуется, чувствуя меньшую зависимость отъ крестьянъ, чѣмъ староста. Происходитъ это отъ того, что онъ избирается не всѣми крестьянами, а выборными по одному отъ десяти дворовъ; ловкій же старшина всегда устроитъ такъ, что выборными явятся свои люди. Поэтому старшины не смѣняются, подобно старостамъ, каждое трехлѣтіе, а наоборотъ, служатъ иногда по 20 лѣтъ.

Меньше завися отъ крестьянъ, онъ ихъ сажаетъ часто за самые, повидимому, удивительные проступки: ушелъ плотникъ, работающій поденно у помѣщика, скосить свою рожь — садись подъ арестъ на двое сутокъ; не платитъ мужикъ долга кабатчику—садись. Эти примѣры взяты съ натуры.

Недостаточно близкій къ мужикамъ, чтобы ихъ бояться, старшина и не такъ далекъ отъ нихъ, чтобы не знать всю ихъ подноготную. Поэтому онъ является ближайшимъ совѣтникомъ земскаго начальника. Земскій начальникъ большинство жалобъ не судебныхъ разбираетъ словесно при старшинѣ. Къ кому же,

какъ не къ старшинѣ, обратиться за разъясненіями? Тутъ дѣло старшины придать любому дѣлу ту или другую окраску: про Ивана онъ скажетъ, что сидѣлъ въ тюрьмѣ, а про Петра скроетъ; затѣмъ Семенъ извѣстный кляузникъ, Никита буянъ, всѣ сосѣди его боятся; однимъ словомъ, всегда можно незамѣтно расположить земскаго начальника въ пользу той или другой стороны. Я говорю, конечно, не про дѣла судебныя и административныя, а про тѣ многочисленныя жалобы, обращенія за совѣтомъ, просьбы, которыя приходится принимать земскому, не давая имъ оффиціальнаго хода. Тутъ-то, если мужикъ лишнее сказалъ,—а говорятъ они почти всегда лишнее,—онъ слышитъ грозное: «молчи, вонъ отсюда», а затѣмъ, если не замолчалъ, очутится въ холодной, не разобравъ хорошенько за что̀. Не бываетъ этого, если земскій очень терпѣливъ (а терпѣніе нужно громадное), или если старшина справедливъ, что̀ довольно-таки рѣдко.

Какъ послѣ этого крестьянамъ не бояться старшины? И дѣйствительно, власть его, вліяніе его громадны. На сходѣ что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ: захочетъ прибавки жалованья, награды — получитъ единогласно; заведетъ гуртъ овецъ хоть въ тысячу головъ и будетъ пасти на крестьянскихъ поляхъ; затратитъ на общественную постройку 200 руб., заявитъ 500—и сходъ утвердитъ 500.

Шкаликами да гривенниками такой старшина не будетъ собирать. Угостить себя хорошо онъ позволитъ не всѣмъ, а только богатымъ—кабатчикамъ, кулакамъ, міроѣдамъ. Наживаетъ крупными суммами, какъ я выше сказалъ. А то вотъ: вдругъ собираетъ подати свирѣпо, мужики начинаютъ продавать землю, и соберетъ ее по дешевой цѣнѣ братъ того же старшины иногда душъ до 100—150. И капиталъ пріобрѣтетъ, и отъ начальства спасибо. Донести всѣ боятся, а донесутъ—такъ у ловкаго старшины ничего не докажутъ, сами виноваты останутся. Кое-гдѣ можно такого кляузника и подъ волостной судъ подвести, да 19 ударами проучить, чѣмъ и отобьетъ охоту жаловаться.

Бываютъ старшины честные, смирные, Бога боящіеся и людей стыдящіеся. Но вліяніе ихъ небольшое. Такой рѣдко про-

служитъ болѣе трехъ лѣтъ; интриговать онъ не умѣетъ, а къ выборамъ найдутся ловкіе люди, которые и партію себѣ виномъ составятъ и стараго старшину провалятъ, да большею частью такіе и сами отказываются отъ дальнѣйшей службы; на нихъ вѣдь жалобъ больше бываетъ, чѣмъ на прежде описанныхъ, да и начальство не особенно любитъ: не подтянутъ у нихъ народъ, на сходахъ шумятъ, подати собираются вяло,—то того, то другого бѣдняка пожалѣютъ.

Между этими двумя крайностями есть цѣлый рядъ старшинъ различныхъ свойствъ: есть старшины пьяницы, старшины взяточники, старшины вялые, глупые, изрѣдка старшины-молодцы и вмѣстѣ съ тѣмъ честные.

Къ концу моей службы у меня въ участкѣ собрались старшинами люди достойные. Не могу не помянуть ихъ добрымъ словомъ. Увы, года не прошло, и трехъ изъ нихъ уже нѣтъ.

Есть еще важное дѣло, порученное старшинѣ, которое ставитъ въ его зависимость не только крестьянъ, но и землевладѣльцевъ волости. Это приведеніе въ исполненіе рѣшеній волостного суда. Отъ правленія, т.-е. отъ старшины зависитъ признать тѣ или другія вещи крестьянина необходимыми. Одинъ и тотъ же старшина можетъ описать у вдовы послѣдняго ягненка, а сравнительно богатому крестьянину разсрочить исполненіе рѣшенія хоть на года. Жаловаться тому, кто имѣетъ получить съ крестьянина по суду, почти никогда не удается, да и дѣло можно тянуть сколько угодно. Наоборотъ, захочетъ бѣдный жаловаться, что продаютъ чуть не послѣднее—всегда окажется неправъ, да и жизнь ему сдѣлаютъ такую, что и самъ отдастъ все. Угодилъ старшинѣ кабатчикъ, близокъ къ земскому начальнику помѣщикъ и скоро взыщется присужденное имъ съ бѣдняка. Не въ ладахъ кредиторъ со старшиной—не получитъ годами своего и съ зажиточнаго.

Не въ осужденіе я говорю это земскому начальнику, да и зачастую и старшинѣ. Такъ уже родъ человѣческій созданъ, что близкому намъ человѣку многое готовы простить и охъ! какъ строги къ немилому.

XIII.

Власть земскаго начальника.

Ошибется читатель, ожидающій встрѣтить въ моихъ запискахъ разборъ статей закона, статистическія данныя, цифры, которымъ принято придавать такой вѣсъ. Нѣтъ, отдѣльныя статьи не такъ важны: важенъ духъ закона и то, какъ этотъ законъ отражается на жизни. Статистика наука серьезная, но слишкомъ сыръ, необработанъ матеріалъ статистическій, попадающій въ руки ученыхъ и собранный въ громадномъ большинствѣ случаевъ волостнымъ писаремъ. Цифры не всегда имѣютъ абсолютное значеніе. Неужели число уголовныхъ преслѣдованій равно числу проступковъ? Неужели число обвинительныхъ или оправдательныхъ приговоровъ, хоть бы въ рабочемъ вопросѣ, доказываетъ необходимость особаго законодательства о рабочихъ?

Очень возможно, что мои записки отъ этого многимъ покажутся голословными, но лучше это, чѣмъ жонглированье цифрами. Знаю, какъ цифры собираются писарями, знаю (чего грѣха таить!), какъ ихъ самъ выставлялъ въ отчетахъ своихъ, и потому ими обманывать не хочу. Да къ тому же, какой статистическій матеріалъ у земскаго начальника?

Все это мнѣ приходитъ на умъ, потому что я замѣчаю громадную разницу между закономъ и жизнью, отчетностью и дѣйствительностью.

Возьмемъ земскаго начальника: по закону онъ поставленъ въ весьма, повидимому, тѣсныя рамки. Сельскіе сходы составляютъ приговоры, будучи собраны своими старостами, пишутъ ихъ наемные писаря; земскій же начальникъ, если находитъ приговоръ незаконнымъ или вреднымъ, представляетъ его въ съѣздъ къ отмѣнѣ—вотъ законъ. Безъ земскаго начальника не пишется ни одинъ серьезный приговоръ—вотъ дѣйствительность.

По закону староста, старшина, судья увольняются безпри-

страстнымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ—съѣздомъ, фактически онъ зависитъ *всецѣло* отъ земскаго начальника.

Поэтому-то я и предпочитаю говорить не о законѣ, а о дѣйствительности. Въ дѣйствительности власть земскаго начальника въ своемъ участкѣ громадна. Разсмотримъ его отношенія сначала къ крестьянамъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ, а затѣмъ къ съѣзду и губернатору.

61 статья Положенія о земскихъ начальникахъ редактирована лучше, чѣмъ соотвѣтствующія статьи Общ. Пол. о крест., касающіяся старосты и старшины. Штрафовать и сажать подъ арестъ земскій можетъ только за неисполненіе законныхъ его требованій; но такъ какъ, съ одной стороны, эта статья толкуется и самими земскими начальниками, и начальствомъ ихъ всегда расширительно, съ другой—земскій всегда можетъ *приказать* старостѣ или старшинѣ посадить не по своимъ, а по ихъ постановленіямъ,—то въ дѣйствительности каждый мужикъ всегда и за все можетъ быть посаженъ или оштрафованъ.

Староста или старшина по 62 статьѣ тоже вполнѣ въ рукахъ земскаго: арестовать, оштрафовать и уволить ихъ онъ можетъ когда и за что̀ захочетъ. Я говорю—уволить, хотя увольненіе по закону зависитъ отъ съѣзда, потому что всякій знаетъ, что съѣздъ въ своемъ административномъ засѣданіи, состоящій главнымъ образомъ изъ земскихъ начальниковъ, никогда не позволитъ себѣ не утвердить такого представленія своего товарища. Желая быть полновластнымъ у себя, очевидно, каждый исполнитъ желаніе сосѣда, даже если съѣздъ недружный. Покажите иному земскому начальнику, что онъ не всесиленъ по отношенію къ *своему* старшинѣ—да онъ выйдетъ въ отставку; вѣдь такъ служить нельзя.

Говоря о сходахъ, мнѣ придется указать и на то, что ни одинъ приговоръ не будетъ написанъ, если того не пожелаетъ земскій начальникъ, занимающійся своимъ участкомъ. Исключеніями являются земскіе начальники, предоставляющіе крестьянамъ писать приговоры, какъ они хотятъ, и сохраняющіе за собой лишь законное право контроля. Заставить сходъ написать

приговоръ нельзя. Запретить всегда можно. Сколько грѣховъ такого рода и у меня на совѣсти—грѣховъ, которыхъ не откроетъ ни одна ревизія.

Другой способъ воздѣйствія на крестьянъ, находящійся въ рукахъ земскаго, это—судъ: ясно, что волостные судьи, зависящіе всецѣло отъ земскаго начальника, всегда исполнятъ его приказанія. Я всегда уговаривалъ судей судить по совѣсти, за собой же оставлялъ только право разъяснять кое-что, конечно, не въ засѣданіяхъ; но увидавъ, какъ судьи стали держаться этихъ разъясненій, пришлось и отъ нихъ удерживаться. Но что̀ хуже всего, это то, что судьи дѣлали это *противъ* своихъ убѣжденій. А судьи были честные, т.-е. не брали взятокъ и не опивали сторонъ. Приведу примѣръ изъ своей практики. Когда устраивается крестьянская свадьба, то отецъ жениха угощаетъ отца невѣсты: пьютъ, ѣдятъ на его счетъ; если свадьба почему-либо разстроилась со стороны невѣсты, то обыкновенно отецъ жениха ищетъ съ отца невѣсты свои убытки, т.-е. что̀ пропоилъ и что̀ прокормилъ. Я объяснялъ судьямъ, что по такимъ искамъ присуждать не слѣдуетъ, потому что оцѣнить ихъ трудно и потому, что если я кого пригласилъ по дѣлу обѣдать, то не могу же я съ него искать стоимости этого обѣда, когда дѣло разошлось. Такъ и дѣлали. Въ этихъ искахъ отказывали. Не прошло мѣсяца послѣ моей отставки — узнаю, что такого рода дѣла рѣшаются по старому.

Спрашиваю: кто рѣшалъ дѣла—судъ или я? не громадна ли власть земскаго начальника? Я думалъ, что разъяснилъ, что судьи убѣдились. Вовсе нѣтъ, они дѣйствовали изъ-подъ палки. А судьи были отличные.

Перейду къ отношеніямъ земскаго начальника къ съѣзду, предводителю и губернатору. Мы видѣли, что административный съѣздъ, состоящій изъ земскихъ начальниковъ, не пойдетъ противъ товарища. Оговариваюсь: споры бываютъ, и даже часто. Часто не проходятъ представленія земскаго начальника, но это только въ вопросахъ академическихъ, принципіальныхъ: имѣетъ право такой-то на землю или нѣтъ? и тому подобныхъ. Въ

вопросахъ же о лицахъ, о начальникахъ, въ тѣхъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ полновластіе земскаго—въ этихъ вопросахъ съѣзды почти всегда утверждаютъ представленія земскихъ начальниковъ.

То же и о судебныхъ засѣданіяхъ. Въ общихъ гражданскихъ вопросахъ рѣшаютъ по обстоятельствамъ дѣла; но если земскій (имѣющій почему-то право засѣдать при разборѣ дѣлъ волостныхъ судовъ своего участка) скажетъ: «о, я этого знаю, это негодяй, суду можно повѣрить», то невольно у другихъ возникаетъ мысль: «ему должно быть ближе извѣстно», и рѣшеніе утверждается.

Думаю, все-таки, что лучше въ этомъ отношеніи козловскаго съѣзда нѣтъ, благодаря прежнимъ традиціямъ и тридцатилѣтнему руководительству въ уѣздѣ одного и того же лица, выше всего ставившаго право и исполненіе закона.

О предводителѣ и его ревизіяхъ земскихъ начальниковъ говорить нечего. Онъ дворянинъ мѣстный, и они дворяне мѣстные, его же избирающіе. Ревизій нигдѣ почти предводительскихъ и не бываетъ, а если и бываетъ, то въ формѣ дружескихъ бесѣдъ. Предводитель—защитникъ земскихъ начальниковъ, а не контролеръ ихъ.

Остается губернаторъ. Иногда губернаторъ считаетъ, что власть земскаго начальника и должна быть такою, какою мы ее видимъ—тогда и говорить нечего. Но если губернаторъ и захотѣлъ бы убавить произволъ, то это ему трудно; причинъ тому много: самому ревизовать подробно некогда, другіе чиновники, напримѣръ, члены губернскихъ присутствій, тоже завалены работой. Ревизія губернаторская всегда поневолѣ бумажная, а бумага всегда чиста, если письмоводитель хорошъ. Опросами, слѣдствіями боятся почему-то уронить престижъ земскаго начальника, хотя думаю, что это бы его только подняло. Наконецъ, и пожелалъ бы смѣнить кого, законъ такъ сузилъ кругъ лицъ, могущихъ быть земскими начальниками, что страшно, можно попасть изъ огня, да въ полымя.

Изъ этого всего видно, что земскому начальнику ничто не мѣшаетъ быть въ полномъ смыслѣ полновластнымъ и почти

безконтрольнымъ начальникомъ. Статью эту я могъ бы озаглавить иначе: «земскій начальникъ въ своемъ участкѣ—все».

XIV.

Сельскій сходъ.

Сельскіе сходы, въ зависимости отъ числа домохозяевъ, бываютъ весьма различны: есть сходы, состоящіе изъ 4 и изъ 4,000 человѣкъ. Поэтому трудно подвести ихъ подъ одну характеристику.

Сходъ въ 1,000 или болѣе человѣкъ прямо не въ состояніи относиться мало-мальски внимательно къ нѣкотораго рода дѣламъ. Таковы дѣла о назначеніи и учетѣ опекуновъ, дѣла о семейныхъ раздѣлахъ. Какъ рѣшать правильно дѣло о раздѣлѣ семьи, которой большинство членовъ сходъ не знаетъ? Да къ тому же къ каждому сходу накопляется цѣлая кипа такихъ дѣлъ; очевидно, что сходъ рѣшаетъ ихъ съ плеча, не вникая въ дѣло по существу. Но и всѣ остальныя дѣла, затрагивающія ихъ интересы, напримѣръ, о передѣлахъ земли, о постройкѣ школъ, рѣшаются тоже съ большимъ трудомъ вслѣдствіе многолюдства схода и горячности споровъ тысячной толпы. Хотя законъ предсѣдательство возлагаетъ на старосту, но обыкновенно на такихъ сходахъ присутствуетъ старшина, а то и земскій начальникъ. Вести такой сходъ очень трудно: нужно имѣть много такта, авторитета и вмѣстѣ съ тѣмъ громкій голосъ.

Много предлагается способовъ къ уменьшенію числа лицъ, рѣшающихъ дѣла на сходѣ, но всякая такая мѣра поведетъ или къ злоупотребленіямъ, или къ подозрѣнію въ злоупотребленіяхъ, со стороны тѣхъ, которые на сходѣ участвовать не будутъ. На сходѣ безусловно должны участвовать всѣ домохозяева при обсужденіи дѣлъ, касающихся интересовъ всего общества. Дѣла же объ Иванѣ, Петрѣ, Семенѣ не должны рѣшаться сходомъ: онъ ихъ не знаетъ. Вернусь къ этому вопросу въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Другое свойство огромнаго схода, которое часто можетъ возбудить сомнѣніе въ его способности къ самоуправленію, это — его стадность. Сплошь и рядомъ приходилось видѣть, что сходъ единогласно отвергаетъ предложеніе, а на слѣдующій разъ единогласно же принимаетъ то же предложеніе. Перемѣнили мнѣніе нѣсколько коноводовъ, а можетъ быть и одинъ—перемѣняетъ мнѣніе и сходъ. Но если, съ одной стороны, мы вспомнимъ, что почти такое же вліяніе можетъ имѣть одинъ авторитетный голосъ въ собраніи дворянскомъ, земскомъ, съ другой—постараемся не забывать, какое умственное развитіе этого схода—мы убѣдимся, что эта стадность весьма естественна и что она пройдетъ, когда уровень образованія подниметсят.

Другую картину мы видимъ на малолюдномъ сходѣ въ 10—20 человѣкъ. Въ такой деревнѣ, что ни праздникъ, что ни дождливый день—все сходъ. Вышелъ староста, крикнулъ, и сходъ готовъ. Всякое мелочное дѣло разбирается до тонкостей, шума нѣтъ, но зато есть другой недостатокъ: всѣ вопросы рѣшаются на основаніи личныхъ отношеній. Любятъ Ивана—ему многое разрѣшится, чтò не будетъ позволено Петру, который чѣмъ-либо раздражилъ общество; Петру этому все припомнится, чуть не за всю его жизнь. Поэтому рѣшеніе личныхъ дѣлъ и у такого схода слѣдовало бы отнять, оставивъ только дѣла, касающіяся правъ всѣхъ домохозяевъ.

Наиболѣе уравновѣшаннымъ можно считать средній сходъ, состоящій изъ 100—400 домохозяевъ. Тутъ можно болѣе или менѣе сохранить порядокъ, сходъ знаетъ отдѣльныхъ домохозяевъ достаточно, чтобы разбирать дѣла ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не настолько близокъ къ каждому изъ нихъ, чтобы дѣйствовать всегда пристрастно. Но такъ какъ законодательство для всѣхъ должно быть одно и то же, то, очевидно, ограниченія, о которыхъ я говорилъ, должны распространяться и на эти сходы.

Теперь упомяну о злѣ, присущемъ всякому сходу: это— общественныя попойки. Если земскій начальникъ будетъ постоянно за этимъ слѣдить и если сумѣетъ добиться выбора хо-

рошихъ старшинъ, то, конечно, эти попойки могутъ временно перевестись то тамъ, то сямъ, но какъ онъ уйдетъ, такъ и порядки начнутся тѣ же; какъ ни штрафуй, зла не выведешь; надо перевоспитать народъ, тогда только, можетъ быть, и пьянство переведется.

Да и неудивительно. Ни одно дворянское или земское собраніе не проходитъ безъ различныхъ обѣдовъ; только мы пьемъ на свои деньги, и пить умѣемъ; у мужика же денегъ своихъ нѣтъ и онъ пропиваетъ мірскія, которыя тоже считаетъ за свои, да къ тому же мѣры не знаетъ. Вотъ и вся разница.

Какъ ни обширны полномочія схода, но, какъ я уже раньше говорилъ, зависимость каждаго домохозяина отъ начальства такъ велика, что сходъ въ дѣйствительности бываетъ часто слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этого начальства. Въ особенности это замѣтно было въ голодные годы: въ нѣкоторыхъ участкахъ о земскихъ ссудахъ хлопотали чуть-ли не съ августа, въ другихъ, гдѣ mot d'ordre былъ другой, не просили ссуды вовсе. Это давленіе на сходъ въ особенности не желательно, когда приговоръ касается личныхъ интересовъ, положимъ, старшины. Весь сходъ знаетъ, что такой-то подрядчикъ проситъ дорого и сдѣлаетъ хуже, чѣмъ другой, но подъ вліяніемъ старшины, стоящаго за перваго, передаетъ подрядъ, иногда въ нѣсколько тысячъ, именно ему. Старшина знаетъ кого подговорить, кого чѣмъ убѣдить, и всѣ міроѣды за него, а остальные молчатъ и терпятъ: что̀ противъ старшины сдѣлаешь?

Противъ этого зла существуютъ опять только два средства, о которыхъ я уже говорилъ: подъемъ образованія въ массѣ и уменьшеніе произвола начальника надъ каждой отдѣльной личностью. Какъ дѣйствуетъ поднятіе образованія, мы можемъ убѣдиться, сравнивъ Московскую губернію съ другой. Вліяніе начальства на сходъ московскій далеко не такъ безгранично, какъ у насъ. Часто слышимъ, что московскій крестьянинъ испорченъ, что съ нимъ сладу нѣтъ. Не потому ли часто мы жалуемся, что съ нимъ сладу нѣтъ, что не такъ легко его повести куда хочешь, какъ тамбовскаго, и что онъ энергичнѣе отстаиваетъ свои

интересы? Легче, а кому хочется,—и выгоднѣе вести стадо барановъ, чѣмъ людей.

XV.

Выборы на сельскихъ сходахъ.

Особаго вниманія изъ числа рѣшаемыхъ сходомъ дѣлъ заслуживаютъ выборы должностныхъ лицъ. Какъ насъ волнуютъ вопросы о выборѣ предводителя, предсѣдателя управы (извѣстно, что земскія собранія особенно многолюдны, когда бываютъ выборы), такъ и крестьяне задолго до времени выборовъ назначаютъ кандидатовъ въ старосты, судьи и проч.

Изъ многочисленнаго сельскаго начальства двѣ должности считаются пріятными: старосты и судьи; о старостѣ я говорилъ въ особой статьѣ; какъ ни ничтожно его жалованье въ большинствѣ случаевъ, а все пріятно быть начальникомъ, да имѣть возможность всегда выпить на чужой счетъ. Судьи же получаютъ жалованье не по назначенію схода, а по опредѣленію съѣзда, всегда, конечно, по представленію земскаго начальника. Дѣла судьѣ не такъ ужъ много, и то по праздникамъ, жалованье порядочное—въ судьи идутъ охотно. Но все-таки эти мѣста не такъ заманчивы, чтобы угощенія водкой желающихъ попасть на эти мѣста начинались задолго до выборовъ, какъ при выборахъ старшинъ. Обыкновенно желающіе обѣщаются послѣ выборовъ поставить старикамъ ведра два, три, а то и пять, глядя по сходу. Другой факторъ, вліяющій на выборы, это—давленіе старшины, а то и самого земскаго начальника,—давленіе иногда полезное для дѣла, иногда вредное. При введеніи закона о земскихъ начальникахъ, какъ и всякомъ нововведеніи, былъ нѣкоторый подъемъ духа, какъ у вновь назначенныхъ начальниковъ, такъ и у мужиковъ, которые были сбиты съ толку всевозможными слухами о новомъ законѣ. Поэтому первые выборы дали вездѣ замѣтное улучшеніе старостъ, а въ особенности судей. Волостной судъ, послѣ прежняго безобразія, превратился дѣйствительно въ порядочное присутственное мѣсто.

Охладѣлъ пылъ и начальства, и крестьянъ и увы! во многихъ мѣстахъ пошло по старому: пьянство, подкупы и лицепріятія!

Выборы—одинъ изъ лучшихъ случаевъ неоднократно попьянствовать на сходѣ. Если немного поднесутъ избранные, то сколько можно содрать съ нежелающихъ! Мнѣ извѣстны деревни въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ всѣ живущіе на сторонѣ крестьяне, болѣе или менѣе состоятельные, положительно платятъ дань, чтобы не быть выбранными въ сотскіе, вахтеры и проч.

Этому способствуетъ еще многочисленность разныхъ низшихъ должностей: смотрителей хлѣбозапасныхъ магазиновъ, сборщиковъ, десятскихъ, пожарныхъ старостъ и всевозможныхъ караульныхъ, законно и незаконно избираемыхъ. Побужденій для выборовъ того или другого въ эти должности очень много.

Бываютъ соображенія справедливыя и симпатичныя; такъ, знаю мѣста, гдѣ на всѣ эти нежелательныя должности избираютъ молодыхъ людей, неимѣющихъ льготы и почему-либо,—напримѣръ, по размѣру груди,—не попавшихъ въ военную службу; въ другихъ въ сотскіе или караульные выбираютъ одного изъ трехъ или четырехъ работниковъ.

А то выбираютъ въ эти должности въ видѣ наказанія: судился ли съ обществомъ, донесъ ли правильно или неправильно и тѣмъ подвелъ подъ штрафъ, пожаръ ли начался съ его дома—все это причины для выборовъ.

Зато и выборные себя чѣмъ-либо да утѣшаютъ: вахтеръ пользуется изъ магазина, школьный попечитель—изъ школьныхъ дровъ, лѣсной караульный за деньги даетъ порубить лѣсъ, полевой возьметъ за загнанную скотину по двугривенному и скроетъ потраву.

Сколько я ни убѣждалъ мужиковъ сдѣлать эти должности платными и избирать или, скорѣе, нанимать лучшихъ людей, по возможности совмѣщая должности,—но добивался этого рѣдко и только на время. Усилится мірской платежъ на 20 копѣекъ въ годъ, это они чувствуютъ, а пропадетъ десятина лѣса или

30 четвертей хлѣба изъ магазина—это не бѣда. Такой недостатокъ простого разсчета меня всегда удивлялъ. А впрочемъ, можетъ быть, они и правы; можетъ быть, они чувствуютъ, что и при хорошемъ жалованьѣ красть все-таки будутъ; можетъ быть, безъ кражи имъ и не обойтись: вѣдь знаютъ же и караульные, и прочіе, кому и какъ угодить надо въ міру, чтобы въ холодной не бывать.

Когда я перечитываю свои наброски, я чувствую, что сказалъ правду, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю, что картина выходитъ безотрадная, хотя въ душѣ она мнѣ представляется иною. Дѣло въ томъ, что выходъ изъ всего этого для меня ясенъ и вѣрую, что и мы въ эту дверь толкнемся. Боюсь надоѣсть читателю, кончая чуть не всякое письмо моимъ вѣчнымъ ceterum censeo: школой поднимите уровень крестьянъ; возвысивъ образовательный цензъ, поднимите уровень начальниковъ; уменьшите произволъ начальства надъ отдѣльными лицами, усильте контроль надъ земскимъ начальникомъ, не оставляйте его вершителемъ всѣхъ крестьянскихъ дѣлъ, убѣдитесь, что гласностью, слѣдствіями и опросами населенія его авторитетъ возвысится, а не умалится, такъ какъ онъ явится представителемъ закона, а не властью, дѣйствующею по произволу,—и картина измѣнится. Народъ нашъ мудръ и благочестивъ: дайте же его мудрости проявиться, его благочестію—перейти въ жизнь.

XVI.

Административная ссылка по приговору схода.

Опытный и мудрый членъ нашего съѣзда говорилъ мнѣ, что ссылка въ Сибирь по приговору схода есть прекрасное средство для крестьянскихъ обществъ избавляться отъ вредныхъ членовъ. Священникъ одной пересыльной тюрьмы говорилъ, что этого рода арестанты худшій элементъ въ тюрьмѣ, худшій даже, чѣмъ ссылаемые за крупныя преступленія судомъ.

Поступивъ въ земскіе начальники, я рѣшился очистить уча-

стокъ отъ дрянныхъ элементовъ и внушить остальнымъ полезный страхъ. Въ одной изъ волостей есть деревушка Развалы, славившаяся конокрадствомъ: я собираю сходъ сельскій и волостной (такъ какъ маленькій сходъ ссылаетъ только съ утвержденія приговора волостнымъ сходомъ), уговариваю и тотъ и другой сослать Мандрова, Лактюшкина и Вадюнина, извѣстныхъ конокрадовъ, разъ уже отбывшихъ наказаніе. Сходы соглашаются и въ тотъ же день я ввергаю ихъ въ тюрьму. Все было сдѣлано законно. Лактюшкинъ умеръ въ тюрьмѣ отъ тифа, Мандровъ и Вадюнинъ и поднесь въ Сибири.

Такимъ же путемъ я уговорилъ сходъ громаднаго села сослать четырехъ негодяевъ—и ихъ сослали. Про судьбу этихъ четырехъ и ихъ семей я ничего не знаю, зато много мученій причинили мнѣ развальскіе конокрады.

Сославъ этихъ семь человѣкъ, я торжествовалъ и гордился, что у меня негодяямъ не мѣсто. Обращаю вниманіе на слово «у меня». «Я»—говоритъ старшина про свою волость. «Я освѣщаю городъ такъ-то и такъ-то—говоритъ городской голова. «У меня» значитъ «въ губерніи, гдѣ я служу»—въ устахъ губернатора. Всякій этимъ «я» хочетъ показать, что онъ все можетъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ схода развальскаго являются ко мнѣ три старухи-вдовы, матери сосланныхъ, просятъ долго, на колѣняхъ, вернуть ихъ дѣтей. Я объясняю, за что̀ они сосланы, и, довольный собой, ухожу. Шесть лѣтъ они ходили ко мнѣ сперва всѣ три, потомъ умерла Лактюшкина, потомъ Мандрова, годъ тому назадъ успокоилась и Вадюнина; ходили просили о сыновьяхъ, не понимая, что я, сославшій ихъ, не могу ихъ вернуть. Писали мы просьбы и общественный приговоръ объ ихъ помилованіи—конечно, ничего не вышло; ходили ко мнѣ старухи и разсказывали, какъ онѣ разоряются, какъ имъ ѣсть нечего. Пока живъ, буду помнить ихъ, спрашивающихъ, что̀ я сдѣлалъ съ ихъ кормильцами. Нѣтъ, Боже насъ сохрани отъ усердствованія, отъ вѣчнаго проявленія нашего «я», дадимъ дѣйствовать закону, а ссылать негодяевъ суду—и совѣсть наша будетъ спокойнѣе.

Поговорите съ ссыльными, да и съ мужиками ссылавшими, и вы услышите: такого-то сослалъ Иванъ Кондратьичъ, такого-то Петръ Ефимычъ—все старшины, а иногда и высшіе начальники; тутъ картина бываетъ еще хуже: старшина ссылаетъ, т.-е. составляетъ общественный приговоръ часто за то, что мужикъ его не уважилъ, за то, что мужикъ жаловался. Вѣдь описать, очернить въ приговорѣ всегда можно; приговоръ провѣряетъ членъ крестьянскаго присутствія или земскій начальникъ, уже заранѣе приготовленный къ тому старшиной; старшина присутствуетъ на сходѣ при провѣркѣ, и сходъ, по слабости своей, побуждаемый старшиной и его клевретами, повторяетъ все изложенное въ приговорѣ. Мужикъ идетъ въ Сибирь, самъ не зная за что.

Чаще, конечно, ссылаютъ дѣйствительно негодяевъ, чѣмъ и объясняются вышеприведенныя мнѣнія члена нашего съѣзда и священника; но что и невинно сосланныхъ много, убѣдиться легко, поговоривъ съ мужиками по душамъ.

Черезъ три года послѣ ссылки развальскихъ конокрадовъ въ одномъ селѣ стали мужики сами просить о томъ, нельзя ли сослать нѣкоего вора, уже три раза судившагося за кражи волостнымъ судомъ и способнаго, по ихъ словамъ, на поджоги и другія преступленія. Я счелъ долгомъ на сходѣ предложить имъ сослать его; многіе соглашались, но большинство не пожелало; я давленія не производилъ, онъ остался, и поднесь никого не убилъ, никого не поджогъ.

Наконецъ, годъ тому назадъ въ одномъ селѣ было два—три пожара. Молва народная приписывала ихъ поджогамъ трехъ молодыхъ пьяницъ, не гнушавшихся и угрозами выманивать водку. Пріѣзжалъ ко мнѣ мѣстный помѣщикъ, человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія, и старшина, человѣкъ трезвый и честный. Картина, ими описанная, была ужасная: такіе-то и такіе-то должны скоро горѣть; мужики ночей не спятъ, завели особые караулы—все село въ осадномъ положеніи отъ трехъ негодяевъ.

Я уже тогда собирался подавать въ отставку, на сходѣ в

былъ, негодяи дома, мужики успокоились, а пожаровъ нѣтъ. Сослали мы ихъ тогда,—а сослать было можно, судя по настроенію крестьянъ,—и насъ бы благодарили, какъ спасителей села и судей праведныхъ, но строгихъ—плакались бы только на насъ ихъ жены, матери и дѣти. Нѣтъ, слава Богу, что не сослали! Не всегда гласъ народа—гласъ Божій!

Сколько я теперь ни думаю, не могу понять, зачѣмъ нужна административная ссылка и высылка во всѣхъ ея формахъ. Неужели нельзя усилить законовъ о рецидивистахъ, ввести условное осужденіе, но все-таки вести дѣло черезъ судъ. Неужели не лежатъ на совѣсти администраторовъ всѣ сдѣланныя ошибки? А сколько ихъ сдѣлано!

Не легко было мнѣ писать про развальскихъ конокрадовъ, но цѣль моя будетъ достигнута, если три земскихъ начальника на Руси, а можетъ быть и одинъ, прочитавъ эти строки, удержатся, если намѣрены ссылкой карать негодяевъ и избавить отъ нихъ свой участокъ. Можетъ быть, невинные не пойдутъ въ Сибирь и не будутъ на этихъ начальниковъ всю жизнь плакаться три несчастныхъ старухи. Право, легче будетъ имъ на совѣсти.

XVII.

Семейные раздѣлы на сельскомъ сходѣ.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я выяснилъ, что семейные раздѣлы, являющіеся одной изъ главныхъ причинъ разоренія крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ суть зло неизбѣжное и что никакія административныя мѣры этого зла не уменьшатъ. Въ другомъ письмѣ я замѣтилъ, что сходы по разнымъ причинамъ не въ состояніи этихъ дѣлъ рѣшать какъ слѣдуетъ.

Теперь остановлюсь подробнѣе на томъ, какъ разрѣшается на практикѣ вопросъ о раздѣлахъ, и что̀, по-моему, слѣдовало бы сдѣлать, чтобы его регулировать.

Раздѣлъ семьи есть внутренній актъ этой семьи; поэтому,

когда къ старшинѣ или земскому приходятъ отецъ съ сыномъ или два брата за разрѣшеніемъ дѣлиться, знайте, что они уже раздѣлились, т.-е. помолились Богу и хлѣбъ ѣдятъ врозь. Ни уговорами, ни административными карами вы ихъ болѣе не соедините въ одну семью.

Начальство таковыхъ посылаетъ на сходъ. Кромѣ маленькихъ деревушекъ, гдѣ эти вопросы рѣшаются слишкомъ пристрастно, обыкновенно сходъ соглашается Ивана съ Петромъ раздѣлить, а въ приговорѣ потомъ пишутся условія раздѣла съ описями имущества дѣлящихся сторонъ, а между тѣмъ ни условій, ни описей на сходѣ даже не читаютъ. Это является источникомъ большихъ злоупотребленій: каждый старается подкупить старосту, старшину, чтобы больше получить. Суду эти дѣла не подсудны, такъ какъ по закону они рѣшаются сходомъ, на практикѣ же— старшиной.

Сходу это предоставляется потому, что онъ якобы долженъ указать усадьбу и имѣть сужденіе объ обезпеченіи платежа недоимки. На практикѣ объ усадьбахъ сходъ часто и не говоритъ; дѣлящіеся сами уже подыскали усадьбу либо покупкой, либо вымѣняли ее на полевую землю у домохозяина, коего нива подходитъ къ порядку. Это въ особенности практикуется въ большихъ селахъ.

О податяхъ сходъ тоже не говоритъ, такъ какъ знаетъ, что если насильно держать семью вмѣстѣ, то уплата недоимки не облегчится, а затруднится,—какъ недоимку подѣлить, тоже дѣло старшины. Такова практика. Законъ, давая сходу полномочія, которыхъ онъ часто физически не можетъ исполнить, тѣмъ самымъ фактически передаетъ дѣло въ руки сельскаго и волостного начальства, рѣшающаго дѣло по произволу.

Мнѣ кажется, что можно бы обставить вопросъ о раздѣлахъ такъ, что и интересы общества были бы болѣе сохранены, и интересы дѣлящихся.

Сходъ, не компетентный въ разборѣ дѣлъ между частными лицами, Иваномъ, Петромъ и т. д., можетъ всегда на извѣстный срокъ, напримѣръ, на время отъ передѣла до передѣла ил

впредь до его же усмотрѣнія издать правила, обязательныя для всѣхъ дѣлящихся. Законъ можетъ предоставить сходу выработать и приговоромъ утвердить правила надѣленія вновь дѣлящихся усадьбами и правила собиранія недоимокъ и податей послѣ раздѣла.

Напримѣръ, сходъ можетъ опредѣлить, что при новыхъ раздѣлахъ усадьбы отводятся въ такомъ-то мѣстѣ, что усадьбы вымѣниваются на полевой надѣлъ. При передѣлахъ изданіе этихъ правилъ для схода должно быть обязательно. Если же передѣловъ нѣтъ и землей владѣютъ по старымъ душамъ, то правила должны быть изложены въ особыхъ приговорахъ.

Также и о недоимкахъ могутъ быть изданы правила сходомъ; напримѣръ, что если кто хочетъ раздѣлиться, то впредь подати должны платить каждый по числу душъ, а недоимки—или по числу душъ, или пропорціонально суммамъ имуществъ послѣ дѣлежа, или по круговой другъ за друга порукѣ.

При соблюденіи этихъ двухъ условій, интересы общества будутъ соблюдены, и притомъ для всѣхъ равномѣрно. Будетъ обязательное постановленіе для всѣхъ, а не различныя для разныхъ отдѣльныхъ лицъ.

Тогда всякій отдѣльный случай можетъ быть оформленъ въ волостномъ правленіи записью сдѣлки въ особой книгѣ; если же раздѣла въ полномъ согласіи не произойдетъ, то дальнѣйшее производство дѣла должно происходить въ волостномъ судѣ, какъ простое гражданское дѣло. Постановленіе схода въ видѣ приговора должно бы въ такомъ случаѣ быть для суда обязательно.

Размѣры моихъ записокъ не позволяютъ подробно излагать всѣ неудобства теперешняго положенія. Трудность положенія такъ называемыхъ самовольно отдѣлившихся была бы уменьшена, такъ какъ каждый такой случай могъ быть разрѣшенъ судомъ.

Положеніе отдѣльныхъ лицъ было бы обезпеченнѣе, сходъ не былъ бы принужденъ разбирать дѣла, которыхъ онъ разбирать не въ состояніи, уменьшился бы произволъ старшины, безапелляціонно рѣшались бы дѣла о раздѣлахъ не административной властью земскаго начальника, а судебнымъ присутствіемъ съѣзда.

XVIII.

Крестьянскія опеки.

Когда умираетъ крестьянинъ, оставляя малолѣтнихъ дѣтей, то по закону долженъ быть избираемъ опекунъ. Исполняется этотъ законъ тогда, когда въ семьѣ умершаго не остается другихъ взрослыхъ мужчинъ. Если же у сироты остаются неотдѣленный дядя, дѣдъ или братъ, то таковые, не будучи избираемы въ опекуны, являются опекунами сами по себѣ: имущество общее, они имъ распоряжаются; ни описей, ни разрѣшеній губернскаго присутствія на продажу его не требуется.

Если семья зажиточная, то родственники сироты продолжаютъ увеличивать общее благосостояніе, поспѣшивъ, конечно, какъ возможно использовать сироту, отдавши его въ пастухи или работники. Если же семья бѣдная, родственники пьяные, то и имущество ихъ быстро проматывается, и въ жизнь сирота вступаетъ буквально въ одной рубашкѣ.

Вздумаетъ мать жаловаться, то ей же хуже: дѣлиться не дадутъ, такъ какъ сходъ не увѣренъ, что она сумѣетъ съ малолѣтними дѣтьми оправдать подати. Поэтому волей-неволей ей придется жить съ своими разорителями и за свою жалобу страдать какъ непосредственно, такъ и въ дѣтяхъ.

Въ этихъ случахъ выбираетъ сходъ опекуна, причемъ въ таковые попадаетъ не мать, а опять тотъ же дядя, пьяница. Какое дѣло сходу до того, какъ живутъ сироты: онъ заботится только объ одномъ, чтобы подати не запускались, и потому опекуномъ является именно тотъ домохозяинъ, отъ дѣйствій котораго и происходитъ разореніе сиротъ.

Если въ семействѣ мужиковъ больше нѣтъ и остается вдо[illegible] съ сиротами—опекунъ избирается всегда, причемъ таковы[illegible] опять-таки является не мать (мать запуститъ недоимку), отдѣленный дядя или двоюродный братъ. Въ лучшемъ случ[illegible]

онъ сиротскимъ имуществомъ не занимается, а если что̀ и сдѣлаетъ для сиротъ, спашетъ десятину земли, поправитъ заборъ, то за все это положитъ втридорога. Если же опекунъ недобросовѣстенъ, то онъ разоритъ опекаемыхъ такъ, что къ совершеннолѣтію ихъ ничего не останется.

Такое положеніе сиротъ является оттого, что сходу въ этомъ случаѣ опять поручено дѣло, котораго онъ вести не въ силахъ,— дѣло личное. Говоря о раздѣлахъ, я уже доказалъ, что личныя дѣла должны быть вовсе изъяты изъ вѣдѣнія схода.

Дѣйствительно, при выборѣ опекуна сходъ руководствуется не столько пользой опекаемыхъ, сколько опасеніемъ запустить недоимку. Еще хуже исполняетъ свои обязанности сходъ при учетѣ опекуна. Учетъ опекуна требуетъ усидчивой работы нѣсколькихъ часовъ, а тутъ это дѣло поручается собранію иногда тысячи лицъ, безграмотныхъ и собравшихся подъ открытымъ небомъ. Очевидно, результатомъ такого учета явится приговоръ, что все обстоитъ благополучно.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ ходили слухи, что предстоитъ преобразованіе крестьянской опеки. Къ сожалѣнію, это такъ слухомъ и осталось.

По-моему, въ каждой волости должны дѣйствовать особыя крестьянскія опеки съ привлеченіемъ къ этому дѣлу, кромѣ особенно выбранныхъ на сей предметъ крестьянъ, и священниковъ, учителей и т. д. Эти опеки должны не только избирать опекуновъ, но и учитывать ихъ, провѣрять имущество, оставшееся послѣ отца; въ случаяхъ же сомнительныхъ передавать дѣла въ судъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ порядкѣ. Очевидно, нельзя лишать права передавать эти дѣла непосредственно въ судъ какъ самихъ опекаемыхъ по достиженіи ими 17-лѣтняго возраста, такъ и ближайшихъ ихъ родственниковъ: мать, сестру.

Такимъ образомъ, можно надѣяться, что отчетъ опекуна, имѣя пройти три инстанціи: опеку, судъ и съѣздъ, не будетъ такъ легко утверждаться, какъ теперь.

Тогда, очевидно, опекуншей большею частью являлась бы

природная опекунша—мать. Въ настоящее же время я знаю мѣста, гдѣ убѣждены, что женщина, хотя бы и мать, опекуншей быть не можетъ.

Вообще, законъ объ опекаемыхъ, мнѣ кажется, очень плохо разработанъ. Возьмемъ хоть продажу сиротскаго имущества, которая должна производиться не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія. Помню, что вскорѣ послѣ моего поступленія въ земскіе начальники мнѣ чуть-ли не годъ пришлось держать на своемъ дворѣ и кормить двухъ сиротскихъ лошадей, пока позволено было ихъ продать. И дѣйствительно, если бы по всѣмъ продажамъ сиротскаго имущества составлялись приговоры, и если бы всѣ эти приговоры поступали на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, то штаты присутствія пришлось бы утроить. Поэтому большинство сиротскихъ имуществъ продается не только безъ разрѣшенія губернскаго присутствія, но и безъ приговоровъ. Всю же эту процедуру продѣлываютъ тогда только, когда опасаются жалобъ, тяжбъ и т. п.

Происходитъ это отъ убѣжденія нашего законодательства, что зла будетъ меньше при большей централизаціи и увеличеніи количества исписанной бумаги. Такъ и тутъ: думаютъ, что сиротское имущество будетъ цѣлѣе, если его нельзя будетъ продать на 10 рублей безъ разрѣшенія губернатора и всѣхъ высшихъ губернскихъ чиновъ.

На дѣлѣ же выходитъ обратное; бумаги исписывается масса, губернаторъ сидитъ надъ ненужными дѣлами, а имущество расхищается на законномъ основаніи.

Лучше было бы, если бы права опекуна были больше, но онъ бы зналъ, что учетъ будетъ производиться часто и строго, по строго составленнымъ описямъ, и что отвѣтственность его будетъ не фиктивной, а дѣйствительной при малѣйшемъ злоупотребленіи съ его стороны.

XIX.

Призрѣніе неспособныхъ къ труду.

Кромѣ вопросовъ о раздѣлахъ и опекахъ, есть еще разрядъ дѣлъ, гдѣ на сходѣ приходится заниматься личными дѣлами: это дѣла о призрѣніи стариковъ, неизлѣчимо больныхъ, сиротъ. Вопросъ о сиротахъ кончается выборомъ и учетомъ опекуновъ, производимыхъ такъ, какъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ: очевидно, что сироты тѣмъ самымъ лишены даже того воспитанія, которое доступно кое-гдѣ крестьянскимъ дѣтямъ: въ школу ходить сиротѣ нельзя, такъ какъ съ десятилѣтняго возраста дѣвочка изъ хлѣба отдается въ няньки, мальчикъ—въ подпаски или работники, а то посылаются на поборъ. Да и въ чемъ имъ ходить въ школу? Ни шубенки, ни обуви нѣтъ: сирота растетъ нерѣдко даже безъ возможности въ праздникъ сходить въ церковь—гдѣ ужъ тутъ думать о школѣ?

Между тѣмъ, какъ имъ хочется въ школу! Чувствуя свою безпомощность, они стремятся въ нее, просятъ, чтобы ихъ приняли, и наталкиваются на неумолимую дѣйствительность: безъ пищи, безъ одежды принять не можемъ. Я восемь лѣтъ завѣдываю школой съ общежитіемъ и вижу это стремленіе. И какъ тяжело имъ отказывать, за недостаткомъ средствъ! Жизненна, глубоко драматична картина Бѣльскаго, изображающая нищенку, смотрящаго въ открытую дверь школы, гдѣ учатся дѣти.

Есть и у насъ второклассныя школы съ общежитіями, но и школъ этихъ мало, а стипендій—увы! нѣтъ почти вовсе—для сиротъ онѣ закрыты.

За недостаткомъ времени, я не могъ, несмотря на все свое желаніе, посѣтить Жеденовскіе пріюты, а какъ симпатична, какъ гуманна его мысль! Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ ошибку: онъ хотѣлъ сдѣлать то, что̀ лежитъ на обязанности государства—и его мечта не осуществилась.

Трудно мнѣ говорить о томъ, какъ надо это сдѣлать; къ разработкѣ такого сложнаго всероссійскаго дѣла, какъ призрѣніе сиротъ, должны бы быть привлечены различныя вѣдомства и земства. Школы-пріюты должны бы быть устроены при волости или на нѣсколько волостей, такъ какъ устройство общежитій въ каждомъ приходѣ не удовлетворитъ требованіямъ воспитанія: не будетъ надзора, за недостаткомъ средствъ. Средства на содержаніе этихъ школъ-пріютовъ должны бы дать лучше, чѣмъ теперь поставленныя опеки, обязанныя на то закономъ крестьянскія общества, земства, частныя благотворительныя общества, государство Страшно сказать, что для сиротъ крестьянскихъ мы ничего не дѣлаемъ, но это такъ!

Гораздо труднѣе дѣло призрѣнія стариковъ и старухъ. Я знаю примѣры устройства богадѣленъ при церквахъ, при волостныхъ правленіяхъ. Богадѣльни эти пустуютъ; почему, не знаю; можетъ быть потому, что ужъ очень плохо съ ними тамъ обращаются; можетъ быть, потому, что вообще старики и старухи предпочитаютъ жить въ нищетѣ и побираться, чѣмъ подчиняться какой бы то ни было дисциплинѣ, а мы только умѣемъ ругать сварливыхъ старухъ, забывая, что вѣдь и мы подъ старость будемъ сварливы. Въ сельскую богадѣльню я, по-правдѣ сказать, не вѣрю. Думаю, что̀ лучшее, что̀ могло бы быть устроено, это—наблюденіе, чтобы крестьянскія общества выдавали пособія безроднымъ старикамъ. Это кое-гдѣ и дѣлается, преимущественно у государственныхъ крестьянъ, но пособія эти слишкомъ уже незначительны. Такъ, чаще всего имъ даютъ по душѣ земли. Землю эту они сами, очевидно, обрабатывать не могутъ и вынуждены ее сдавать по 5—10 рублей въ годъ: за эту душу ихъ и кормятъ, и содержатъ, но такъ кормятъ, что они все-таки идутъ подъ окнами просить Христа-ради.

Само собою разумѣется, что я говорю о безродныхъ старикахъ, не имѣющихъ взрослыхъ дѣтей. Бываетъ, какъ я уже говорилъ, что при дѣтяхъ еще хуже старикамъ приходится, но тутъ не мѣсто благотворительности. Пришлось бы скоро всѣмъ старикамъ давать пособія. Нѣтъ, этихъ стариковъ положеніе

улучшится только съ подъемомъ нравственности, при помощи воспитанія и образованія въ доброй школѣ.

Въ деревню Михайловку, Спасской волости, привезли разъ неизлѣчимо-больного; онъ въ молодости ушелъ куда-то; теперь его привезли, никто его не помнилъ почти. Привезли его по этапу и сдали старостѣ. Болѣзнь не позволяла ему двигаться, онъ издавалъ зловоніе. И начали его до самой смерти перебрасывать чуть не поденно изъ избы въ избу. Да и куда его дѣвать? Въ больницу не берутъ, какъ больного хроническаго; пріюта для неизлѣчимыхъ нѣтъ. Если только подумать, что̀ за этотъ годъ перестрадалъ этотъ человѣкъ, какое обращеніе видѣлъ, какой голодъ переносилъ, и все это будучи недвижимъ—то поневолѣ придешь къ заключенію, что мы, т.-е. общество, передъ нимъ виноваты.

Другой примѣръ: въ прошлый голодъ въ деревнѣ Черемушкѣ, Никольской волости, оказалась женщина, брошенная мужемъ, *ослѣпшая*, съ двумя малолѣтними, неспособными побираться дѣтьми, лежащая раздѣтою на кучкѣ навоза. Я не преувеличиваю. Неужели мы не виноваты?

А законъ вѣдь гласитъ категорично: крестьянское общество обязано заботиться о такихъ-то и такихъ-то несчастныхъ. Мы свое дѣло сдѣлали—законъ написали, позаботились о несчастныхъ, а посмотрите этихъ несчастныхъ на мѣстѣ, посмотрите, гдѣ этотъ законъ исполняется, и увидите, что мы ровно ничего не сдѣлали и дѣлать, кажется, не собираемся.

XX.

Передѣлы.

Рѣдкій вопросъ такъ волнуетъ крестьянское общество, какъ передѣлъ земли по наличнымъ душамъ. Говорю про первый передѣлъ послѣ владѣнія по ревизскимъ душамъ. Послѣдующіе передѣлы происходятъ гораздо спокойнѣе. Объясняется это тѣмъ, что передѣлы, до изданія послѣдняго закона, воспрещающаго

дѣлиться менѣе, чѣмъ на 12 лѣтъ, происходили лѣтъ черезъ 6, 9, 12—не болѣе. За этотъ періодъ времени происходитъ недостаточно измѣненій въ семьяхъ, чтобы нельзя было добиться законнаго числа двухъ третей крестьянъ, нужныхъ для составленія приговора. Большинство отъ передѣла ничего не теряетъ или теряетъ настолько мало, что передѣлу не противится.

Иное дѣло, гдѣ крестьяне владѣютъ землей по ревизскимъ душамъ: тутъ образуется кружокъ крестьянъ состоятельныхъ, владѣющихъ большими надѣлами,—крестьянъ, тормозящихъ всякое движеніе къ передѣлу. И чѣмъ больше времени проходитъ съ ревизіи, тѣмъ труднѣе становится переходъ со старыхъ душъ на новыя.

Замѣчу явленіе на первый взглядъ странное: казалось бы, въ маленькихъ обществахъ легче добиться передѣла, въ большихъ—труднѣе. На дѣлѣ наоборотъ: всѣ большія села государственныхъ крестьянъ владѣютъ по новымъ душамъ; старыя души сохранились только въ небольшихъ поселкахъ помѣщичьихъ крестьянъ. Объясняется это просто: государственные крестьяне менѣе дорожатъ землей, потому что у нихъ ея больше. Помѣщичьи крестьяне по новымъ душамъ имѣютъ теперь отъ $1^1/_2$ до 2 десятинъ на душу, надѣлъ государственныхъ крестьянъ и теперь на новую душу доходитъ до 4 десятинъ.

За мою службу, переходъ со старыхъ душъ на новыя произошелъ только въ одной деревнѣ; нѣсколько мѣсяцевъ шли объ этомъ толки: несогласныхъ поили водкой неоднократно, нѣкоторыхъ подкупили, давъ имъ по лишней душѣ; этихъ душъ добровольно лишились нѣкоторые мужики, которымъ уже очень много прибавилось земли.

То же происходитъ и при послѣдующихъ передѣлахъ, но въ меньшей степени.

Тутъ умѣстно указать еще разъ, какъ законъ часто не достигаетъ цѣли. Я говорю о законѣ, запрещающемъ производить передѣлы раньше, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ. Законъ прекрасный, направленъ къ тому, чтобы, давъ каждому крестьянину болѣе долгій срокъ для владѣнія той же десятиной, побудить его лучше

унаваживать его. А вотъ вамъ дѣйствительность: ѣду разъ по полямъ села Никольскаго и вижу въ полѣ весь сходъ, со старостой и старшиной. Подъѣзжаю: оказывается, дѣлятъ землю, а приговора не было, и владѣютъ въ Никольскомъ по старымъ ревизскимъ душамъ. Я изъ разспросовъ узнаю, что дѣлается это у нихъ часто, когда окажутся выморочныя души. Они это и за передѣлъ не считаютъ. Передѣломъ они называютъ, когда Иванъ, владѣвшій одной душой, получаетъ ихъ три; а тутъ нѣтъ: сколько у Ивана было душъ, столько и остается, только надѣлы дѣлаются больше или меньше, смотря по числу выморочныхъ, выбывшихъ или прибывшихъ домохозяевъ. Хорошей стороны передѣловъ—равномѣрности въ распредѣленіи земли—не достигалось, а непрочность владѣнія десятиной однимъ и тѣмъ же лицомъ усиливалась отсутствіемъ приговора, и законъ былъ приведенъ къ нулю. Что́ было дѣлать? Сажать старшину? Да вѣдь онъ этого за передѣлъ не считалъ. Пришлось циркуляромъ объявлять, что́ такое передѣлъ, и больше ничего. Знаю, что это практикуется во многихъ мѣстахъ, но многимъ даже неизвѣстно, такъ какъ жалобъ не бываетъ.

Другая бываетъ картина, когда дѣлятъ по новымъ душамъ. Тутъ сходъ стремится кого возможно обезземелить. Послѣ 61 года крестьяне землей не дорожили и многимъ безземельнымъ и даже вовсе постороннимъ дали пріемные приговоры, утвержденные впослѣдствіи казенной палатой. Теперь рѣдкій бываетъ передѣлъ, чтобы сходъ не стремился отнять у нихъ землю, утверждая, что приговоръ подложный. По существу они, можетъ быть, правы, можетъ быть, дѣйствительно эти лица обдѣлали дѣло, поговоривъ съ старшиной и съ писаремъ, а мужиковъ неграмотныхъ въ приговорѣ записали, да двое полуграмотныхъ расписались не читая. Но дѣлать нечего,—разбирай черезъ тридцать лѣтъ!

Этимъ жалобамъ, спорамъ, тяжбамъ, проволочкамъ много способствуетъ неопредѣленность закона. Напримѣръ: можетъ ли общество отнять надѣлъ у семьи, отсутствующей и неимѣющей осѣдлости? Есть рѣшеніе Сената, что можетъ, но практика раз-

лична въ различныхъ мѣстахъ, да и въ одномъ и томъ же съѣздѣ часто рѣшается дѣло различно.

Вообще, законы о крестьянахъ до такой степени неясны, разбросаны въ разныхъ положеніяхъ, уставахъ, правилахъ, временныхъ и постоянныхъ, со всевозможными ссылками на прежніе законы, что положительно не разберешься. Чѣмъ скорѣе будетъ все это сведено воедино—тѣмъ будетъ лучше, тѣмъ меньше будетъ произвола, такъ какъ ничто не плодитъ такъ беззаконія, какъ многозаконіе. Работа эта, какъ законодательная, такъ и кодификаціонная, громадна, но чѣмъ скорѣе и энергичнѣе къ ней приступятъ, тѣмъ легче будетъ житься крестьянину.

XXI.

Земельные надѣлы.

Я еще не былъ земскимъ начальникомъ, когда разъ услыхалъ, что одинъ изъ нашихъ крестьянъ получилъ отъ общества одну душу на дѣвокъ. Въ данномъ случаѣ это былъ міроѣдъ, которому общество многое позволяло, чего бы не разрѣшило другому. Тѣмъ не менѣе, съ того времени пришлось задуматься надъ горькой участью отца многихъ дѣвочекъ. Самъ, жена и пять дочерей должны кормиться однимъ душевымъ надѣломъ, иногда въ полдесятины въ полѣ. Рядомъ у мужика жена и пять сыновей, и земли ему дается на шесть душъ, т.-е. по три десятины въ полѣ. А ѣдятъ они одинаково, хлѣба обоимъ нужно столько же.

Земскимъ начальникомъ, роясь въ законахъ и безчисленныхъ къ нимъ дополненіяхъ, я нашелъ сенатское разъясненіе, кажется, по Самарской губерніи, что крестьяне вправѣ надѣлять землей и женщинъ. Такъ это и по буквальному смыслу закона. Между тѣмъ, я не слыхалъ нигдѣ не только про надѣленіе женщинъ землей, но даже разговоровъ объ этомъ. Душа (поразительная метафора!), значитъ мужская душа, т.-е. надѣлъ на мужчину. Женщинѣ надѣла нѣтъ, иначе—у женщины нѣтъ

души. Самое слово «душа», въ смыслѣ мужского надѣла, не есть ли остатокъ древняго презрѣнія къ женщинѣ? Самый обычай надѣлять землей только мужчинъ не есть ли результатъ того же презрѣнія, не дающаго женщинѣ даже права имѣть хлѣбъ.

Въ селѣ Спасскомъ, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ деревняхъ 9 участка, шли усиленныя хлопоты большинства крестьянъ о передѣлѣ, но двухъ третей не составлялось и владѣли по ревизскимъ душамъ. Разъ, вооружившись храбростью, ѣду въ Спасское на сходъ съ предложеніемъ дать земли и бабамъ. Думаю, что̀ выйдетъ? Разговоры были долгіе. Первый доводъ, самый въ ихъ глазахъ важный, былъ таковъ: коли бабѣ дать земли, то баба слушаться не будетъ, отъ рукъ отобьется, уйдетъ, пожалуй. На это я, конечно, объяснилъ, что никакихъ это поводовъ къ бабьей эмансипаціи не дастъ, такъ какъ земля дается не бабѣ, а старшему же домохозяину на прокормленіе бабы. Мужики согласились.

Возразили, что полоски будутъ уже очень малы, въ 7 саженъ на 80 въ полѣ. Другіе крестьяне возразили сами, что вѣдь земля будетъ отводиться на семью въ одномъ мѣстѣ и что, поэтому, безразлично, какой будетъ счетъ, на пятьсотъ ли душъ мужскихъ или на тысячу душъ обоего пола

Затрудненіе представило вотъ какое соображеніе: уйдетъ дѣвка замужъ въ чужое село, и земля отойдетъ; я предложилъ въ приговорѣ оговорить, что если дѣвка выходитъ въ чужое село, то земля остается у ея родителей, а если въ свое, то переходитъ съ ней.

Были еще возраженія, не имѣвшія прямого отношенія къ дѣлу, напримѣръ: какъ же дѣвкамъ давать землю, вѣдь ее въ солдаты не берутъ, на должности не выбираютъ. Говорили мы долго, наконецъ, я приступаю къ счету голосовъ: оказывается болѣе двухъ третей за передѣлъ. Думаю, что я испытывалъ чувства побѣдителя въ сраженіи. И передѣлъ совершился, и бабы землей надѣлены.

Оказалось, что многіе, бывшіе за старыя души, перешли въ

лагерь желавшихъ передѣлить землю: таковы были всѣ крестьяне, у которыхъ въ семействѣ много женскихъ душъ, мало мужскихъ.

Приговоръ написали и привели въ исполненіе; проходитъ годъ, и я спрашиваю, какъ дѣла идутъ; говорятъ,—ничего, только вотъ бѣда: родители невѣстъ, чтобы не лишиться ихъ земли, стараются отдать ихъ въ чужое село, а женихи наоборотъ, чтобы имѣть жену съ землей, хотятъ непремѣнно брать своихъ невѣстъ; кладка, т.-е. не то выкупъ, не то подарки, не то приданое, даваемые женихами невѣстамъ, возвысилась: невѣста своя стала дороже.

Не сомнѣваюсь, что и въ отношеніяхъ къ женщинамъ произошла бы перемѣна, будь у нихъ земля. Рожденіе дѣвочки не было бы семейнымъ горемъ, не смотрѣли бы на дочерей какъ на лишній ротъ; отъ этого бабой стали бы больше дорожить, меньше стали бы ее бить.

Послѣ Спасскаго передѣла я предлагалъ то же и въ разныхъ другихъ поселкахъ, но нигдѣ не удавалось; вездѣ слышалось одно: съ бабами сладу не будетъ; бабы не служатъ ни царю, ни міру; статочно ли дѣло на бабъ давать землю? Такъ я съ своимъ опытомъ и остался. Да и въ Спасскомъ, навѣрное, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣдуетъ перемѣна и возвращеніе къ старымъ порядкамъ, т.-е. къ мужскимъ душамъ. Я теперь уже слышалъ, что мужики недовольны. Причинъ вѣскихъ не выставляютъ, а говорятъ, что крестьяне сосѣднихъ деревень надъ ними смѣются.

Вообще, боязнь смѣха сильно вкоренилась въ нашъ народъ. Боятся гораздо менѣе зла, чѣмъ насмѣшки. На самые хорошіе совѣты часто приходилось слышать: смѣяться будутъ; въ школу дѣвочкѣ ходить, гдѣ это не принято, нельзя—смѣяться будутъ; говорить правильно по выходѣ изъ школы стремятся разучиться изъ боязни насмѣшекъ. Стричься ученики часто не хотятъ тоже изъ страха передъ смѣхомъ. Вернуться мнѣ къ этому, можетъ быть, придется, когда я возьмусь описывать крестьянскіе нравы, такъ мало изученные, такъ мало извѣстные.

XXII.

Подворное владѣніе.

Въ моемъ 9-мъ участкѣ Козловскаго уѣзда подворнаго владѣнія ни въ одномъ обществѣ не было; поэтому познакомиться мнѣ съ нимъ пришлось, частью исправляя обязанности сосѣда, частью объѣзжая сосѣдніе участки по школьнымъ дѣламъ.

Что́ меня больше всего удивило въ этихъ селеніяхъ, это — поля, вовсе не лучше обработанныя, чѣмъ при общинномъ землепользованіи. Происходитъ это оттого, что при подворномъ владѣніи крестьяне рѣзко раздѣлились на богатыхъ, у которыхъ число наличныхъ ѣдоковъ незначительно въ сравненіи съ числомъ земельныхъ надѣловъ, и бѣдныхъ, получившихъ, наоборотъ, мало земли, а между тѣмъ многосемейныхъ. Первые являются арендаторами участковъ этихъ послѣднихъ, которые, въ свою очередь, обратились въ батраковъ богачей. Ясно, что вторыхъ, т.-е. бѣдныхъ, громадное большинство. Другими словами, кулачеству, ростовщической съемкѣ земли подворное владѣніе способствуетъ болѣе, чѣмъ общинное.

Очевидно, что надѣлы бѣдныхъ никогда не удобряются вовсе, т.-е. меньше даже, чѣмъ при общинѣ. Да и богатые немногимъ лучше другихъ ведутъ свое полевое хозяйство, потому что они не избавлены отъ такъ называемаго хозяйственнаго передѣла, о которомъ я уже разъ говорилъ. Поясню это примѣромъ: крестьяне владѣютъ подворно. До недавняго времени крестьянинъ при подворномъ владѣніи имѣлъ право свой надѣлъ продать постороннему лицу. Многіе такъ и дѣлали; крестьянская земля переходила къ частнымъ владѣльцамъ. Владѣлецъ же нѣсколькихъ такихъ душъ могъ требовать отмежеванія себѣ всей купленной земли къ одному боку. Вотъ вамъ и поводъ къ хозяйственному передѣлу.

Для перехода съ общиннаго владѣнія на подворное и наобо-

ротъ требуется согласіе всѣхъ домохозяевъ. Какъ же это достигалось при преданности русскаго мужика общинѣ? Тутъ даже для меня является загадка, какъ могло быть велико давленіе старшины, чтобы приговоръ вышелъ хотя бы формально законный.

Въ одной волости старшина захотѣлъ себѣ, дочерямъ, друзьямъ накупить земли подешевле, и вотъ, въ четырехъ деревняхъ составляются обманами, подлогами, угрозами и истязаніями приговоры о переходѣ на подворное владѣніе; часть крестьянъ переселилась въ Томскую губернію, продавъ свои надѣлы родственникамъ и друзьямъ старшины. Съ перваго же года начались безпорядки: крестьяне оспаривали законность пріобрѣтенія и убирали у новыхъ владѣльцевъ хлѣбъ, чтобы возить къ себѣ. Пошли суды, экзекуціи, и грабители восторжествовали. Благодаря стараніямъ какого-то сосѣдняго землевладѣльца, врага старшины, одинъ изъ сдѣланныхъ имъ подлоговъ былъ обнаруженъ, и хотя старшина былъ оправданъ (гдѣ мужику доказать подлогъ!), но долго просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи и, конечно, потерялъ мѣсто.

Это было тридцать лѣтъ назадъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того является изъ Сибири крестьянинъ; его и братьевъ его надѣлы были проданы ихъ опекуномъ, когда они были малолѣтними, и вотъ онъ является отыскивать свою землю. На видъ спокойный, какъ душевно-больной съ idée fixe, онъ съ радостью принимается однообщественниками; они собираютъ ему денегъ, и начинается многолѣтняя подача прошеній земскому начальнику, въ съѣздъ, губернатору, прокурору, въ окружный судъ, судебную палату и въ разныя присутственныя мѣста, даже отношенія къ дѣлу не имѣющія; начинается упорная работа маніака, имѣющаго одну мысль, одно вожделѣніе: вернуть свой родной уголъ. При этомъ крестьяне опять берутся за самоуправства: пускаютъ свой скотъ на владѣльческіе выгоны, убираютъ владѣльческіе луга, поля. Снова суды, наказанія. Я знакомъ со всѣмъ этимъ какъ по съѣзду, такъ и потому, что самъ судилъ, сажалъ и проч., исполняя обязанности земскаго начальника. Я старался уговорить крестьянъ, что ихъ дѣло не выгоритъ, что

если ошибка и была, то она узаконена временемъ—не помогало ничего: легче было бы проповѣдывать о логикѣ въ домѣ умалишенныхъ.

Вотъ до какого фанатизма можетъ довести мужика любовь къ своей землѣ! Уничтожьте-ка общину послѣ этого!

Не знаю, успокоились ли они теперь навсегда или снова загорится въ ихъ сердцахъ безумное желаніе вернуть навѣки потерянное.

Былъ я по школьному дѣлу въ одной деревнѣ другого участка: мужики жаловались, что у нихъ подворное владѣніе, разсказывали, какъ они перешли къ нему, говорили, что дольше всѣхъ сопротивлялся одинъ, но что и того начальство уломало; какъ уломало—не сказали, только махнули рукой и, кажется, прибавили, что ему грозила бы смерть.

Вотъ какъ насаждалось на Руси подворное владѣніе. Слава Богу, и эти времена прошли: теперь это немыслимо: какія ни на есть, но тамъ и сямъ свѣтятся школки, явилось понятіе о правѣ мужика на защиту закона.

Однимъ словомъ, цѣлаго общества такъ не скрутишь. Вотъ почему и перестали переходить отъ общиннаго къ подворному владѣнію. Не знаю, есть ли гдѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія объ этихъ переходахъ на Руси, но въ нашихъ губерніяхъ уже многіе годы перемѣнъ нѣтъ въ способѣ владѣнія землей.

Но и отъ подворнаго владѣнія къ общинному переходовъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо требуется единогласный приговоръ *всѣхъ* домохозяевъ. Ясно, что его получить нигдѣ нельзя.

Такъ какъ положеніе крестьянъ при подворномъ владѣніи то же, что̀ и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ владѣютъ еще по ревизскимъ душамъ, то думаю, что ничто бы не препятствовало измѣнить законъ въ томъ смыслѣ, чтобы приговоръ для возвращенія къ общинѣ требовался не единогласный, а обыкновенный, т.-е. составленный по большинству двухъ третей. Права крестьянъ, забравшихъ въ свои руки надѣлы (я говорю, конечно, не о владѣльцахъ, купившихъ надѣлы — тутъ дѣлать нечего), были бы

только сравнены съ правами всѣхъ остальныхъ крестьянъ на Руси. А между тѣмъ, какъ это соотвѣтствовало бы духу русскаго землевладѣнія, сколько оказалось бы случаевъ возстановленія права крестьянъ, нарушеннаго ужасными преступленіями!

XXIII.

Крестьянскія усадьбы.

Говоря объ общинѣ, я указалъ на любовь нашего крестьянина къ родному углу. Уголъ этотъ съ землей, на которой онъ построенъ, т.-е. усадьбой, это—предметъ его главныхъ заботъ; но домъ сгоритъ, а усадьба останется; усадьба, это—единственная его неотъемлемая собственность. Ни пожаръ, ни продажа за недоимки, ни разореніе въ голодный годъ, ничто не отниметъ отъ него и его наслѣдниковъ дорогой его усадьбы. Ее онъ лелѣетъ, удобряетъ, за каждый клочокъ ея держится.

Возьмите волостные суды; они то и дѣло заняты дѣлами объ усадьбахъ. Уйдетъ ли на много лѣтъ крестьянинъ въ другія мѣста, промѣняетъ ли усадьбу добровольно — никогда вы не гарантированы, что онъ или дѣти его не начнутъ вновь тяжбу объ отцовской усадьбѣ. Тяжбы эти длятся подолгу; дѣло переходитъ черезъ всѣ инстанціи.

Вылилась въ законѣ эта привязанность мужика къ усадьбѣ въ 110 статьѣ мѣстнаго положенія о крестьянахъ. Эта статья, какъ мы увидимъ, противорѣчитъ строительному уставу, мѣшаетъ распланированію селеній, но Боже сохрани ее трогать: этимъ нарушились бы самые близкіе для крестьянскаго сердца интересы, сопряженные съ главными интересами — имущественными. Не говоря объ усадьбахъ крестьянъ пригородныхъ, имѣющихъ иногда на своихъ усадьбахъ дорогія постройки, иногда даже заводы и фабрики, замѣтимъ, что всѣ наши крестьяне десятками лѣтъ возятъ весь свой навозъ на усадебные огороды. Многіе кормятся исключительно огородами, занимаясь дорогой культурой табака, конопли и т. под. Усадьбы своей часто не продадутъ за тысячу

рублей. Между тѣмъ, я слыхалъ неоднократно мнѣніе, что 110 статью слѣдуетъ уничтожить въ виду ея противорѣчія съ строительнымъ уставомъ. Но объ этомъ послѣ.

Какъ и города, села и деревни наши, по большей части, строятся близъ рѣчекъ и ручьевъ. Какъ крестьяне дорожатъ близостью рѣки, видно изъ примѣра ново-александровскихъ крестьянъ. Растянувшись вдоль всей рѣчки, протекающей черезъ ихъ надѣлъ, они вынуждены были открыть новый порядокъ, т.-е. строить дома по другую сторону улицы съ огородами, обращенными не къ рѣчкѣ, а къ полю. При дѣлежахъ главный вопросъ, кому переходить на новый огородъ. Сплачиваютъ отходящимъ довольно большія суммы и все-таки идутъ нехотя. Въ большихъ селахъ эта нелюбовь сглаживается поневолѣ, такъ какъ улицъ и переулковъ образуется много. Говорю это потому, что хочу доказать, какъ иногда мужику приходится дорожить усадьбой, и какъ поэтому несправедливы тѣ законы, которые заставляютъ его эту усадьбу бросать. Увидимъ мы это въ слѣдующемъ письмѣ.

Какъ въ городахъ есть главная часть и пригородныя слободы, такъ и въ большихъ селахъ. Центръ села съ церковью, училищемъ, волостнымъ правленіемъ, иногда лавками и базарной площадью окруженъ усадьбами старинныхъ хозяевъ, усадьбами дорогими. Столѣтній навозъ, густой ветельникъ, — все такую усадьбу дѣлаетъ дорогой.

Затѣмъ радіусами отъ центра идутъ порядки въ полѣ, съ плохими постройками, безъ деревьевъ. Называютъ ихъ мужики различно: «Бутырки», «Чибизовка», «Погорѣловка» и т. п. Тутъ селятся вновь отдѣлившіеся крестьяне; тутъ живетъ крестьянская голь.

Всякій, скопившій немного денегъ, прежде всего спѣшитъ или пріобрѣсти себѣ у переселяющагося въ Томскъ, или вымѣнить у разоряющагося хорошую усадьбу. Построится онъ послѣ, скотину заведетъ послѣ, лишь бы была усадьба. И при этомъ нѣкоторые совѣтуютъ отмѣнить 110 статью! При этомъ послѣ пожара строительный уставъ заставляетъ это сокровище бросать!

Старинныя большія села отличаются удивительнымъ безпорядкомъ въ распредѣленіи усадебъ и построекъ на нихъ. Одинъ домъ стоитъ фасадомъ на югъ, сосѣдній обернулся къ сѣверу, третій стоитъ бокомъ, лицомъ въ какой-то переулокъ, длиной съ этотъ домъ. Теперь новыя усадьбы строятся по плану, гнѣздами въ опредѣленное число дворовъ, съ переулками. Но по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ и тутъ порядокъ нарушается. Происходитъ это отъ раздѣловъ, большею частью самовольныхъ.

Хотятъ два брата раздѣлиться, усадьба хорошая, уходить ни тому, ни другому не хочется—и вотъ у нихъ происходитъ такъ называемый самовольный раздѣлъ: сперва строятъ два дома подъ одну крышу, затѣмъ эти дома раздвигаются, усадьба дѣлится пополамъ и становится маломѣрною у каждаго.

Чтó считать раздѣломъ самовольнымъ? Есть ли для него давность? Вотъ вамъ новый источникъ для злоупотребленій. Доложитъ старшина устно или письменно, что раздѣлились самовольно (иногда 20 лѣтъ назадъ)—и пошли гоненія на мужиковъ: и постройки-то ломаютъ, и съ усадьбы-то сгоняютъ. А то умолчитъ старшина или писарь, въ качествѣ дѣлопроизводителя суда, о самовольности раздѣла—и считаютъ и административное начальство, и судъ крестьянъ раздѣлившимися законно. Нѣтъ, давно пора смотрѣть на раздѣлы, какъ на зло неизбѣжное, и только заботиться объ ихъ регулированіи.

Поставьте, напримѣръ, условіемъ возведенія двухъ домовъ на одной усадьбѣ, чтобы оба были крыты вмѣстѣ съ дворами желѣзомъ: повѣрьте, многіе согласятся, лишь бы не трогали ихъ съ мѣста. Надо и закону считаться съ фактами, а любовь мужика къ усадьбѣ—фактъ неоспоримый.

XXIV.

Распланированіе селеній.

Законъ поручилъ земству слѣдить за правильностью возведенія крестьянскихъ построекъ и за составленіемъ плановъ поселковъ. Если крестьяне желаютъ распланировать поселокъ, то составляютъ приговоръ единогласный.

Повидимому, единогласнаго приговора добиться трудно, но вѣдь бывавшіе на сходахъ знаютъ, что всѣ приговоры какъ будто единогласные! Дѣлается это такъ: является начальникъ, въ данномъ случаѣ членъ управы, и предлагаетъ составить приговоръ. Большинство согласно—дѣло хорошее, да и послѣдствій его не знаютъ. Меньшинство же, если оно и есть, не знаетъ, что требуется единогласіе, а потому, видя, что большинство согласно, молчитъ и подписываетъ. Думаю, что если бы объяснить имъ, что одинъ голосъ помѣшаетъ исполненію дѣла, то такой голосъ нашелся бы. Вотъ почему и тутъ единогласнаго приговора добиться не трудно.

Хорошо знаютъ законъ и слѣдятъ за счетомъ голосовъ крестьяне, когда вопросъ задѣваетъ ихъ за-живое, напримѣръ, при передѣлахъ. Тутъ ихъ не проведешь.

Итакъ, приговоръ написанъ. Пріѣзжаетъ земскій землемѣръ, составляетъ планъ.

Большею частью при выдѣлахъ новыхъ дворовъ планъ соблюдается; затѣмъ, при новыхъ передѣлахъ, опять усадьбы, какъ мы уже видѣли, начинаютъ дробиться, переулки застраиваются и село распланированное принимаетъ хаотическій видъ. Главное же горе съ усадьбами, когда произойдетъ большой пожаръ. Тутъ мы сталкиваемся съ противорѣчіемъ 110 статьи мѣстнаго положенія о крестьянахъ съ законами строительнаго устава. 110 статья устанавливаетъ наслѣдственное пользованіе крестьянской усадьбой и тѣмъ самымъ ея неотчуждаемость. Строительный уставъ предъявляетъ послѣ пожара свои требованія, противорѣ-

чащія 110 статьѣ. Если завѣдующій этимъ дѣломъ старшина дастъ погорѣльцу селиться на прежнемъ мѣстѣ, то нарушитъ строительный уставъ; если поселитъ по плану, то крестьянинъ долженъ лишиться усадьбы, т.-е. нарушена будетъ 110 статья. Положимъ, сенатское разъясненіе гласитъ, что если домъ сгоритъ, то строить его нужно по плану, а крестьянинъ можетъ не согласиться на новую усадьбу и сохранить старую. Но это рѣшеніе хорошо на бумагѣ; выходитъ, что Иванъ, сидя на усадьбѣ Петра, будетъ владѣть усадьбой, на которой поселился Семенъ, иногда въ верстѣ разстоянія. Очевидная несообразность. Это я говорю не въ осужденіе закона, а констатируя фактъ. Мы видѣли, что 110 статья необходима, очевидно, и строительный уставъ долженъ быть соблюденъ, но и комбинировать эти два требованія, какъ указываетъ сенатъ, невозможно. Законъ неудовлетворителенъ, но и исправить его нельзя, не сдѣлавъ послабленій въ самомъ законѣ.

Тутъ-то и является широкій просторъ для произвола начальства. Хорошо, когда у этого начальства побужденія хорошія: жалость къ крестьянину и желаніе по возможности принести пользу и обществу, предотвращая опасность отъ дальнѣйшихъ пожаровъ. Горе, когда дѣло рѣшается суммой взятки.

Я не знаю ни одного случая, чтобы поступлено было согласно сенатскаго разъясненія, т.-е., чтобы крестьянинъ переселился по плану, сохранивъ старую усадьбу. Обыкновенно или строятся на старой усадьбѣ, или же по плану, причемъ и усадьбу берутъ новую, чаще же на старой усадьбѣ. Дѣйствительно, очень тяжело бываетъ крестьянину, у котораго сгорѣлъ домъ, еще переноситься на новое мѣсто. Бросить насиженную, удобренную усадьбу, быть вынужденнымъ переносить часто оставшіяся постройки: ригу, амбаръ, иногда каменный или кизяковый, для него худшее несчастіе, чѣмъ пожаръ. Рука не поднимается его разорять окончательно, и вотъ мы основываемся на 110 статьѣ. По-моему, слѣдовало бы сдѣлать послабленіе въ строительномъ уставѣ и въ такихъ случаяхъ разрѣшать ему строиться на старомъ мѣстѣ, вмѣнивъ, напримѣръ, въ обязанность строить домъ, крытый желѣзомъ.

Очень въ этихъ случаяхъ нравится крестьянамъ разрѣшеніе двумъ-тремъ бѣднякамъ переселиться на окраины съ платой въ ихъ пользу съ остальныхъ. Въ этомъ должно бы заключаться другое послабленіе строительнаго устава, о которомъ я говорилъ. Сгорѣло 20 домовъ: по уставу надо перерѣзать 20 усадебъ, и будетъ 20 недовольныхъ. Разрѣшите 16 изъ нихъ сохранить свои усадьбы, удовлетворивъ четырехъ остальныхъ по соглашенію, лишь бы были должные интервалы между новыми постройками,—и будетъ 20 довольныхъ.

Когда законъ неумолимо строгъ къ людямъ неповиннымъ, то у исполнителей его является желаніе его смягчить—законъ не исполняется, произволъ въ ту и въ другую сторону усиливается.

Къ числу такихъ законовъ принадлежитъ нашъ строительный уставъ.

XXV.

Сельскіе пожары.

Распланированіе селеній — главная профилактическая мѣра отъ крестьянскаго бича — пожара. Кромѣ неудобствъ, которыя оно влечетъ за собой и о которыхъ я уже говорилъ,—неудобствъ, причиняющихъ тому же погорѣльцу еще большій ущербъ, чѣмъ самъ пожаръ, я позволю себѣ усомниться въ самой дѣйствительности этой мѣры въ пожарномъ отношеніи. Слышалъ въ нашемъ земствѣ, будто въ распланированныхъ селеніяхъ меньше горятъ, чѣмъ въ нераспланированныхъ, но эта статистика, мнѣ кажется, требуетъ еще провѣрки многолѣтней. Знаю, по крайней мѣрѣ, нѣсколько случаевъ большихъ пожаровъ въ селахъ, гдѣ по одному порядку огонь вырывалъ массу домовъ. Въ нынѣшнемъ году еще въ Козловскомъ уѣздѣ такимъ образомъ погорѣло 199 дворовъ. Дѣйствительно, что̀ можетъ сдѣлать прогалъ въ нѣсколько саженъ, когда огонь, идущій по вѣтру, заиграетъ въ этомъ царствѣ соломы?

Другая предупредительная мѣра отъ пожаровъ, это—посадка

деревьевъ. О ней такъ много говорятъ и пишутъ, что даже скучно стало слушать и читать. У насъ крестьянское дерево одно (я не говорю про лѣса), это — ветла. Дѣйствительно, она имѣетъ массу преимуществъ: 1) посадить ее ничего не стоитъ: обрубилъ колъ, толстый или тонкій, и воткнулъ въ землю, и пошла расти; 2) растетъ она чрезвычайно быстро, и 3) это вѣчное дерево, потому что стоитъ срубить ее подъ корень, и отъ пенька пойдетъ нѣсколько стволовъ, которые черезъ 15 лѣтъ обратятся въ толстыя деревья.

Подъѣзжайте къ селу Новому Сеславину, увидите—лѣсъ лѣсомъ стоитъ; всякая усадьба кругомъ обсажена, да и посрединѣ чуть не роща. Подъѣзжайте къ Спасскому—ни одного деревца не увидите. А то въ Чурюковѣ половина обсажена, половина голая. Дѣло въ томъ, что наша степь очень капризна по отношенію къ растительности. Гдѣ мѣсто пониже, тамъ все растетъ великолѣпно, гдѣ повыше,—вовсе не растетъ. Лучше всего растетъ не у рѣкъ, а въ котловинахъ, гдѣ вода долго стоитъ.

Неужели же такъ мало знаютъ мужика наши выколачиватели мужицкой лѣни, чтобы предположить, что онъ настолько самъ себѣ врагъ? Неужели мужикъ не понимаетъ, что съ ветельникомъ онъ богатъ: и строительный матеріалъ есть, и топливо, и мелкій лѣсъ для хозяйственныхъ принадлежностей? Неужели онъ, почти не знающій сна въ лѣтнюю страду, полѣнится осенью воткнуть нѣсколько кольевъ? Нѣтъ. Гдѣ лѣсъ растетъ, тамъ онъ и есть, и пожаровъ тамъ меньше. Гдѣ не растетъ—дѣлать нечего.

Что̀ еще рекомендуется отъ пожаровъ? Да, огнеупорныя постройки. Тутъ тоже бѣда: кизяковые дома сыры, да и для кизяковъ нужна подходящая глина. Крыши глинобитныя тяжелы для легкаго сруба, да и непрочны. Кабы было возможно, и этого бы не упустили.

Остается пожарная труба, бочки. Можетъ быть, есть [illegible] уѣздѣ 10—20 селъ большихъ, которыя могутъ содержать пожа[illegible]ный инструментъ, но въ большинствѣ случаевъ это дѣло воло[illegible]ное. Держатъ этотъ инструментъ по приказанію начальства. [illegible]

кто живалъ въ деревняхъ, видѣлъ пожары сельскіе, тотъ знаетъ, что вся дѣятельность этой трубы заключается въ поливаніи головешекъ послѣ пожара. Какъ опереточные жандармы, въ этой мужицкой трагедіи труба всегда опаздываетъ. Происходитъ это не отъ неудовлетворительности команды: дайте хоть петербургскую команду и та опоздаетъ; въ вѣтеръ сельскій пожаръ захватываетъ все то, чему горѣть суждено, въ какія-нибудь 10—15 минутъ. Ну, гдѣ тутъ поспѣть за 3, за 5, а то и за 12 верстъ? Загорѣлось въ городѣ—черезъ три дома уже всѣ спокойны, моментально собирается толпа, готовая работать. Загорѣлось въ селѣ—все село бросается вытаскивать свой скарбъ, такъ какъ всѣ чувствуютъ, что могутъ сгорѣть: солома загорится и по вѣтру, и противъ вѣтра.

Говорятъ про обученіе народа работѣ на пожарахъ. Да на чемъ, кому обучать? Ужъ не учителю ли, какъ писали? Да хоть разученый петербургскій пожарный бросится прежде спасать свое имущество. Не остановите вы панику. А паника во время пожара происходитъ отъ того, что вездѣ солома: соломой крыты избы, дворы, погреба; солома кругомъ постройки, между постройками. Издали иногда не разберешь: деревня это или ометы соломы. Ну, что̀ тутъ сдѣлаетъ волостная труба?

Труба, деревья, распланированіе, это—все палліативы; опять наша вѣчная привычка ограничиваться полумѣрами. Написали законъ о трубахъ, о деревьяхъ и успокоились, что приняли мѣры противъ пожаровъ, но огонь не спитъ, и попрежнему горитъ русская деревня. Какое-то земство продаетъ кровельное желѣзо въ разсрочку; воспользовался этимъ десятокъ богатыхъ мужиковъ, которые и безъ того покрыли бы дома желѣзомъ, и стучитъ телеграфъ объ успѣшной борьбѣ съ пожарами такого-то земства.

Но гдѣ же средство пособить горю? Тутъ, признаюсь читателю, я буду говорить не авторитетно; я не финансистъ, не политико-экономъ. Тѣмъ не менѣе не могу не высказать, что̀ думаю.

Кровельное желѣзо у насъ стоитъ 3 рубля пудъ. Въ Германіи пудъ его стоитъ 1 рубль. На крестьянскую 8-аршинную избу его идетъ 10 пудовъ, т.-е. у насъ на 30 рублей, а въ Германіи

на 10 рублей. Будь желѣзо и у насъ рубль пудъ, повѣрьте, сами мужики стали бы крыть желѣзомъ сперва дома, потомъ амбары и дворы, и, глядь, въ десятокъ, другой лѣтъ Россія стала бы не соломенной, а желѣзной, и разрѣшился бы пожарный вопросъ.

Но какъ сдѣлать, чтобы желѣзо стоило рубль? Откровенно говорю—не знаю; можетъ быть, усилить техническое образованіе на Уралѣ, да не черезъ часъ по ложкѣ, а широкимъ штрихомъ. Можетъ быть, уничтожить пошлину и удешевить провозъ. Можетъ быть, привлечь иностранные капиталы, если нѣтъ своихъ. Не компетенціи земскаго начальника это дѣло. Знаю одно: желѣзо у насъ есть, руки есть, голова не хуже нѣмецкой, а въ Германіи желѣзо втрое дешевле, чѣмъ у насъ. Очевидно, у Германіи есть что-то еще, чего у насъ нѣтъ. Чего—не знаю. Я не финансистъ.

А до тѣхъ поръ Россія будетъ горѣть, а мужикъ бояться строиться, ибо на огонь не напасешься.

XXVI.

Волость.

Оказывается очень не легко расположить мои письма въ такомъ порядкѣ, чтобы не было видимыхъ скачковъ. Начавъ съ сельскаго схода и его обязанностей, я незамѣтно дошелъ до сельскихъ пожаровъ, ничего общаго, повидимому, со сходомъ неимѣющихъ.

Продолжаю и перехожу къ болѣе крупной единицѣ—волости. Село единица, которая создалась естественно—это собраніе людей, имѣющихъ общую землю. Село величина постоянная. Нельзя перечислить крестьянина изъ села въ село безъ его согласія. Каково было село двадцать лѣтъ назадъ, таково болѣе или менѣе и теперь, развѣ если захочетъ громадное село раздѣлитьс. на двѣ части.

Другое дѣло волости: это искусственно созданный аггломе ратъ селъ и деревень. Законъ можетъ установить большія ı маленькія волости, сословныя и всесословныя. Переведите одн

село изъ волости въ волость и ни на чемъ особенно важномъ это не отразится; будутъ ходить мужики въ другое волостное правленіе; вотъ и вся разница.

Поэтому естественно обсудить вопросы, какая волость удобнѣе, большая или маленькая, при какой волости будетъ житься лучше, сословной или всесословной.

Старшина, писарь, судьи, старосты работаютъ столько же на землевладѣльцевъ волости, сколько на крестьянъ. Волостное правленіе нужно одинаково и тѣмъ и другимъ. Написать условіе, взыскать долгъ съ мужиковъ, вызвать рабочаго, составить актъ о потравѣ нужно и землевладѣльцу, и мужику. По этому поводу вспоминается мнѣ случай: приходитъ староста, недурной, умоляетъ уволить отъ службы. Я ему говорю, что вѣдь деревушка небольшая, а жалованье 30 рублей, пригодится, отъ хозяйства же своего онъ не оторванъ. Тогда онъ говоритъ, что заваленъ дѣломъ и именно тогда, когда идетъ работа, заваленъ дѣломъ мѣстной помѣщицы. Не слушается рабочій, плохо пашетъ мужикъ, хочется составить актъ—давай сюда старосту. А какъ старостѣ не идти?

То же бываетъ, очевидно, и со старшиной, съ писаремъ и судьями. А между тѣмъ всѣ эти лица жалованье получаютъ отъ крестьянъ—явная несправедливость. Такимъ образомъ обязанность содержать низшую полицейскую и судебную власти лежитъ на мужикѣ.

Очевидно, что это дѣло государственное; служа всѣмъ сословіямъ, они и жалованье должны бы получать изъ всесословной кассы, т.-е. изъ казны. Да если бы этотъ расходъ сдѣлать обязательнымъ для земства, и то было бы лучше. Вѣдь все равно и теперь онъ лежитъ на землѣ и тогда лежалъ бы на землѣ, только болѣе равномѣрно распредѣленный.

У насъ же казна главнымъ образомъ заботится о томъ чтобы бюджетъ слишкомъ не разрастался, земство думаетъ о томъ же, и потому на крестьянское сословіе взваливаютъ расходы непосильные. Но въ сущности не все ли равно, изъ какихъ суммъ расходъ будетъ производиться, разъ онъ уже про-

изводится? А мы все валимъ на землю, которой уже не подъ силу нести это бремя, да еще на землю крестьянскую.

Это принесло бы и другую выгоду: болѣе равномѣрное распредѣленіе жалованья, а то теперь скромнаго старшину мужики могутъ совсѣмъ обездолить, а старшина грозный можетъ добиться не заслуженныхъ и не нужныхъ жалованій и наградъ въ ущербъ волости. Вѣдь назначаетъ же съѣздъ жалованье судьямъ.

Эта несправедливость по отношенію къ крестьянамъ, обязаннымъ нести расходы за всю волость, и породила мысль о всесословной волости. Много я о ней читалъ, много обдумывалъ, но никогда не могъ представить себѣ, что́ изъ этого бы вышло. Мнѣ кажется, что защитники ея ошибаются.

Воображаю себѣ всесословную волость. На волостной сходъ кромѣ сотни крестьянъ явилось бы еще пять-шесть лицъ другихъ сословій. Во-первыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы они всегда имѣли вліяніе на сходъ. Да если бы и имѣли это вліяніе, то всегда ли бы это вліяніе было полезно для крестьянъ и безкорыстно? Думаю, что нѣтъ.

Сходъ у насъ дикъ, неразвитъ; мало поможетъ, если къ нему присоединить нѣсколько людей образованныхъ или, скорѣе, полуобразованныхъ, или они явятся не авторитетными, или эксплуататорами. Поднять уровень всего схода—дѣло другое. Недостатокъ людей сильно ощущается и въ уѣздныхъ земствахъ; гдѣ уже тамъ думать о болѣе мелкой земской единицѣ или о всесословной волости?

Далѣе—кто изъ не-крестьянъ пойдетъ въ старшины? Жалованье въ 300—400 рублей не привлечетъ никого. А кто и пойдетъ, у того будутъ свои не безкорыстныя цѣли. Наконецъ, какія будутъ отношенія помѣщика-старшины къ начальству? Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что пока состава волостного схода и волостного начальства измѣнять нельзя. Несправедливость же, заключающаяся въ томъ, что на однихъ крестьянахъ лежитъ обязанность содержать волостное начальство, могла бы быть устранена такъ, какъ я выше сказалъ.

Перейду къ другому вопросу. Какъ должны распредѣляться волости, т.-е. должны ли онѣ быть большія или маленькія?

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ предразсудкомъ: принято считать, что для крестьянъ маленькая волость болѣе обременительна. Замѣтно стремленіе соединять волости. Если взглянуть только на сумму волостныхъ расходовъ, то дѣйствительно замѣтимъ, что расходъ на душу больше при маленькой волости. Старшина получаетъ сравнительно больше, писарь тоже, ставка волостныхъ лошадей сравнительно дороже. Не та картина получится, если мы одновременно возьмемъ и волостные и сельскіе расходы; при маленькой волости все сконцентрировано въ волости: писарь одинъ или съ помощникомъ, ставки только при правленіи. Въ большихъ же волостяхъ при меньшемъ волостномъ расходѣ мы видимъ лишніе расходы въ бюджетахъ отдѣльныхъ селеній: приходится держать сельскихъ писарей, сельскія ставки. Я дѣлалъ эти подсчеты и убѣдился, что расходъ одинаковъ.

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, сколько времени и тратъ вызываютъ поѣздки въ волость крестьянъ на суды, за паспортами, для написанія условій и т. д., то убѣдимся, что крестьянамъ выгоднѣе имѣть маленькую волость.

Это стремленіе крестьянъ существуетъ вездѣ, но ему не дается хода. Повидимому, впрочемъ, большая волость и удобнѣе, такъ какъ надзоръ легче для земскаго начальника, да и хорошихъ старшину и судей легче избрать. На дѣлѣ же выходитъ наоборотъ: въ маленькой волости старшины скромнѣе; въ большой—старшина очень часто превращается въ волостного властелина. Старшины грабители, о которыхъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ, главнымъ образомъ являются въ большихъ волостяхъ. Да это и понятно: старшина богаче, дальше отъ мужика; мужикъ это чувствуетъ и начинаетъ еще больше его бояться; чувствуетъ это и старшина и естественно начинаетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ.

Мнѣ кажется, что нужно бы дать больше свободы крестьянскимъ обществамъ перечисляться изъ одной волости въ другую и дѣлить свои большія волости на двѣ поменьше. Теперь тре-

буется для перечисленія деревни къ другой волости не только пріемный приговоръ новой волости, но и отпускной приговоръ старой. Выходитъ, что деревня могла бы ходить, въ правленіе, отстоящее отъ нея въ двухъ верстахъ, а не ходитъ; потому что ее держитъ старая волость съ правленіемъ въ 10 верстахъ. Сходъ же не отпускаетъ большею частью подъ вліяніемъ старшины, которому уменьшеніе волости невыгодно.

То же препятствіе со стороны старшины встрѣчается и при желаніи волости раздѣлиться на двѣ части. А между тѣмъ, въ смыслѣ удобства крестьянъ и въ смыслѣ большей сдержанности старшинъ, маленькія волости лучше.

XXVII.

Волостной сходъ.

Волостной сходъ состоитъ изъ выборныхъ по одному человѣку на десять дворовъ. Такіе выборные у насъ называются волостными стариками. Вся ихъ обязанность, по закону, состоитъ въ томъ, чтобы являться на волостные сходы—больше ничего.

Между тѣмъ, поступивъ въ земскіе начальники, я часто при разговорахъ съ крестьянами сталъ слышать слово «судейскіе». Оказалось, что въ нѣкоторыхъ селахъ волостные выборные играютъ роль судей, мужики же ихъ таковыми признаютъ. Если водка и подкупъ играютъ большую роль въ судахъ волостныхъ, официальныхъ и подконтрольныхъ, то можно себѣ представить, чтó происходитъ на этихъ разборахъ судейскихъ.

Очень много дѣлъ разбирается такъ: дѣла о побояхъ, объ оскорбленіяхъ, семейныя распри, даже маленькія кражи. Судъ этотъ можно бы вполнѣ назвать судомъ патріархальнымъ, основаннымъ на обычаѣ и внутреннемъ убѣжденіи, безъ малѣйшей тѣни писаннаго закона, если бы главную роль не играла водка. Каждое рѣшеніе, каждая мировая сдѣлка закрѣпляется возліяніями, причемъ, конечно, львиную долю получаютъ старики съ ихъ предсѣдателемъ старостой.

Замѣчу при этомъ, что ни одинъ крестьянинъ никогда не приносилъ на этотъ судъ формальной жалобы: всѣ убѣждены, что такъ и быть должно; когда начнешь замѣчать выборнымъ или старостѣ, что они допускаютъ такое безобразіе, то слышишь самый откровенный отвѣтъ, что не ходить же изъ каждой бездѣлицы на судъ или что пили по Божію—съ виноватаго.

Въ крошечныхъ деревняхъ роль этихъ судей часто исполняется сходомъ. Случалось, что староста сейчасъ собираетъ сходъ, который и разбираетъ дѣло. Разборъ сопровождается обычными угощеніями.

Выборы въ волостные старики служатъ прологомъ важной крестьянской драмы—выбора старшины. Въ волости всегда дватри интригана, желающихъ попасть въ старшины; они заранѣе начинаютъ ухаживать за міроѣдами, отъ которыхъ зависитъ въ большинствѣ случаевъ рѣшеніе схода. Когда наступаетъ день выборовъ стариковъ на сельскомъ сходѣ, спереди по обыкновенію становятся эти міроѣды и начинаютъ выкрикивать имена другъ друга; остальной сходъ, т.-е. смирные, безгласные мужики молчатъ, но во всякомъ случаѣ не протестуютъ; вѣдь и они признаютъ превосходство надъ собой міроѣдовъ,—превосходство, основанное на выдающихся ораторскихъ способностяхъ и на знаніи общественнаго дѣла. Такимъ образомъ въ волостные выборные попадаютъ самые нежелательные элементы, которые изъ своей среды изберутъ и старшину нежелательнаго.

Другой способъ избранія волостныхъ бываетъ, когда бразды правленія держитъ уже ловкій и энергичный старшина. Онъ на бумажкѣ выписываетъ имена своихъ друзей и, явившись на выборы, начинаетъ выкрикивать ихъ или велитъ выкрикивать ихъ одному изъ своихъ клевретовъ. Друзья его кричатъ: «хорошъ», сходъ молчитъ или тоже кричитъ: «хорошъ». Проходятъ въ этомъ scrutin de liste всѣ старшинины сторонники—обезпечилъ себѣ старшина избраніе на новое трехлѣтіе, а друзья его разныя льготы и вообще поддержку старшины.

Такъ какъ законъ, опредѣливъ число выборныхъ въ обществѣ, не указываетъ, какъ ихъ выбирать, то я на послѣднихъ

произведенныхъ мною выборахъ употребилъ однажды новый способъ избранія. Явившись на сходъ, я предлагалъ выбрать стариковъ не всему сходу, а, разбивъ сходъ на группы въ десять домохозяевъ по порядку ихъ жительства, приказывалъ каждой группѣ выбрать по одному. Такимъ образомъ обошлось безъ криковъ, и были устранены міроѣды, впередъ подготовленные людьми, искавшими счастья попасть въ старшины. Затѣмъ списокъ избранныхъ читался всему сходу и утверждался имъ. На одномъ сходѣ мнѣ потомъ одинъ самый отчаянный міроѣдъ замѣтилъ, что Богъ знаетъ, кто пролѣзъ въ выборные. Думаю, что это и были лучшіе люди села.

Такъ какъ никто не станетъ отрицать, что выборы, какъ они производятся теперь, даютъ на волостной сходъ самые нежелательные элементы, то замѣна существующаго scrutin de liste только что описаннымъ мною scrutin d'arrondissement, будучи узаконена, несомнѣнно повела бы къ улучшенію выборныхъ, что́ въ свою очередь часто закрыло бы доступъ въ старшины тѣмъ грознымъ міроѣдамъ, которые теперь разоряютъ народъ.

Перехожу къ дѣятельности волостныхъ сходовъ. Вопросовъ, разрѣшаемыхъ волостнымъ сходомъ, очень немного: выборы старшины, назначеніе жалованья старшинѣ и писарямъ, выборы кандидата въ гласные, содержаніе правленія и ставокъ, а кое-гдѣ еще вопросъ о волостной школѣ и о пособіи безземельнымъ старикамъ, сиротамъ.

Послѣднее, т.-е. вопросы о школахъ и благотворительности поднимаются въ рѣдкихъ волостяхъ, такъ какъ волостная школа неудобна по величинѣ волости, а потому отживаетъ свой вѣкъ; про помощь же отъ волости нуждающимся безземельнымъ я слышалъ только одинъ разъ. Такимъ образомъ на волостномъ сходѣ обсуждается только дѣло волостного управленія.

Я гдѣ-то уже упоминалъ о томъ, что не слѣдовало сходамъ предоставлять назначеніе жалованья старшинѣ и писарю. Вредно какъ неумѣренное увеличеніе его, такъ и произвольное его уменьшеніе. Почему не опредѣлить жалованье старшинѣ и пи-

сарямъ закономъ? На 2,000 наличныхъ мужскихъ душъ въ волости можно бы назначить, положимъ, 240 руб. старшинѣ и 300 писарю; на 3,000 душъ—300 и 360 и т. д., при этомъ и награды должны бы быть запрещены. Это устраняло бы какъ излишнюю зависимость слабаго старшины отъ схода, такъ и разореніе волости въ пользу старшины-міроѣда Вѣдь дѣлается же это для судей?

Другой законъ, по-моему необходимый, былъ бы запрещающій старшинѣ или писарю содержать волостную ставку; это ведетъ не къ удешевленію, а къ излишней дороговизнѣ ея содержанія. Съ другой же стороны, старшинѣ при этомъ естественно сокращать свои выѣзды по волости. Знаю случай въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ старшина, содержащій ставку, поднялъ непомѣрно цѣну на нее, а всякое слово мужика на сходѣ противъ этого злоупотребленія подавляется арестомъ, а разъ повлекло даже за собой наказаніе розгами.

Сельскій сходъ собирается по закону старостой, волостной же—старшиной, но не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ земскаго начальника, на разсмотрѣніе коего представляется и списокъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію на этомъ сходѣ. Для чего это—я не знаю. Вѣдь все равно приговоръ долженъ придти рано или поздно къ земскому и быть имъ одобренъ.

Перейду теперь къ самому животрепещущему вопросу для земскаго начальника и для крестьянъ—къ выбору старшины.

XXVIII.

Выборы волостного старшины.

Мы видѣли, какую громадную роль въ крестьянской жизни играетъ старшина. Поэтому вопросъ о его выборѣ заслуживаетъ большого вниманія со стороны законодательства. Между тѣмъ что́ мы видимъ? Законъ говоритъ, что волостной сходъ выбираетъ кандидатовъ въ старшины, причемъ одинъ изъ нихъ утверждается земскимъ начальникомъ въ званіи старшины, а

другой—кандидата. Больше ничего. Какъ избираетъ, не сказано Этотъ просторъ для дѣйствій земскаго начальника, по-моему, часто губителенъ для крестьянъ.

Разсмотримъ это подробнѣе и изъ жизни выведемъ свои заключенія.

Въ предыдущей статьѣ мы видѣли, что волостные выборные уже такъ подготовлены, что успѣхъ старшины или желающаго имъ быть почти обезпеченъ. Приходитъ день выборовъ; на волостной сходъ является земскій начальникъ и, пользуясь неясностью закона, можетъ производить выборы какъ хочетъ.

Желающіе какъ можно менѣе насиловать волю схода, объявляютъ закрытую баллотировку шарами. Если при этомъ крестьянамъ сказана рѣчь о значеніи ихъ отвѣтственности передъ другими, ихъ избравшими, и о томъ, какъ грѣшно будетъ, ради личныхъ выгодъ или угощеній, руководствоваться своими симпатіями, а не пользой волости, то иногда и подкупленные старики кладутъ шары по совѣсти. Это правильные выборы, увы, встрѣчающіеся далеко не всегда.

Другая система выбора—баллотировка, шарами въ открытую. Садится земскій начальникъ за столъ, беретъ двѣ тарелки и шары и предлагаетъ мужикамъ, вызывая ихъ по списку, говорить ему куда класть шаръ, направо или налѣво. Очевидно, страхъ передъ старшиной заставляетъ всѣхъ говорить «направо», и старшина оказывается выбраннымъ.

Когда же земскій начальникъ не убѣжденъ въ успѣхѣ своего кандидата и при такомъ способѣ баллотировки, то онъ просто предлагаетъ выбрать старшину на голосъ, какъ старосту на сельскомъ сходѣ. «Чтó, старики, стараго, что-ль, желаете?» И кричатъ нѣкоторые не надо , да ихъ голоса заглушаются криками «стараго» друзей старшины, и старшина, возбудившій справедливую ненависть цѣлой волости, оказывается выбраннымъ.

Иногда при баллотировкѣ въ закрытую выбираютъ пять-шесть кандидатовъ, а земскій начальникъ утверждаетъ не получившаго наибольшее число, а наоборотъ, шестого. Если бы даже земскій начальникъ и счелъ нужнымъ объяснить это въ сво-

емъ постановленіи, то вѣдь всегда окажется, что первые пять или подпаивали выборныхъ, или неспособны, или недомовиты, такъ что имъ нельзя довѣрить казны. Такимъ образомъ попадаетъ человѣкъ, котораго сходъ вовсе не желалъ.

Нельзя же послѣ этого говорить, что старшину избираетъ волостной сходъ. Онъ его избираетъ, когда земскому начальнику угодно ему предоставить это право. Часто же давленіе начальника такъ велико, что по-истинѣ эти выборы болѣе похожи на назначеніе старшины земскимъ начальникомъ.

Тутъ мнѣ опять приходится каяться. Въ началѣ моей службы я самъ былъ сторонникомъ назначенія и разъ на сходѣ употребилъ все свое вліяніе, чтобы провести одного крестьянина въ старшины. Мнѣ это удалось, а черезъ годъ пришлось его уволить самому! Нѣтъ, мужики ошибаются часто въ односельчанинѣ, а мы и подавно ошибемся.

Законъ долженъ дать свободу мужикамъ выбирать, кого они хотятъ не только безъ давленія земскаго начальника, но и безъ давленія, по возможности, ихъ собственныхъ кулаковъ. Въ особенности же оградить ихъ нужно отъ часто пагубнаго вліянія ужъ служащаго старшины, такъ какъ ему легче всего заставить себя выбрать вторично.

Позволю себѣ указать на тѣ мѣры, которыя наиболѣе охранятъ свободу выборовъ старшины крестьянами.

1) Волостные выборные избираются на сельскихъ сходахъ въ присутствіи земскаго начальника по одному отъ десяти дворовъ, при чемъ сходъ разбивается на группы изъ десяти домохозяевъ, живущихъ рядомъ и избирающихъ изъ своей среды одного выборнаго.

2) Выборы волостныхъ выборныхъ производятся въ одинъ день, много въ два дня, причемъ при большомъ числѣ маленькихъ деревень два, три или четыре схода могутъ быть созываемы въ одинъ пунктъ. Выборы старшины на волостномъ сходѣ должны производиться новыми выборными въ тотъ же день или на второй день, но не позже, во избѣжаніе попоекъ и угощеній.

3) Выборы старшины производятся земскимъ начальникомъ

закрытой баллотировкой, причемъ вновь баллотируемый и прежній старшина не должны находиться въ комнатѣ.

4) Старшиной утверждается получившій большее число голосовъ, а кандидатомъ—слѣдующій по числу шаровъ. До выборовъ не допускаются всѣ бывшіе подъ судомъ и признанные виновными, а также уже бывшіе старшинами и уволенные съѣздомъ за проступки по должности.

Эти правила закону не противорѣчатъ и, думаю, могли бы быть введены министерскимъ распоряженіемъ.

Чѣмъ скорѣе таковое бы воспослѣдовало, тѣмъ меньше возможны были бы старшины-міроѣды, тѣмъ больше было бы утерто крестьянскихъ слезъ.

XXIX.

Волостной судъ.

Настоящій волостной судъ неизмѣримо лучше поставленъ, чѣмъ прежній судъ при крестьянскихъ присутствіяхъ. Тогда судьи, подсудимые, жалобщики, писарь—всѣ вмѣстѣ составляли пьяную компанію; рѣшенія ставились по количеству выставленнаго вина. Ставились рѣшенія даже о назначеніи розогъ, причемъ, не стѣсняясь, судьи говорили: «такого-то выпороть велѣлъ старшинѣ такой-то членъ присутствія». И эти рѣшенія были безапелляціонны, а кассировались они присутствіемъ, въ которомъ не было ни одного юриста и однимъ изъ членовъ котораго былъ исправникъ!

Теперь дѣло обставлено гораздо лучше, хотя далеко еще волостной судъ нельзя назвать совершеннымъ. Главный его недостатокъ заключается въ томъ, что всякое рѣшеніе суда можетъ быть законно, лишь бы въ концѣ было написано «по мѣстному обычаю». Этотъ судъ «по мѣстному обычаю» даетъ полный простор судьямъ ставить самыя нелѣпыя рѣшенія. Знаю, что это считается одной изъ незыблемыхъ основъ волостного суда, но никогда не сознаю, что такъ быть должно. Конечно, нельзя дл

Архангельска и Кишинева написать одинъ законъ; надо дать мѣстному обычаю право гражданства, сообразуясь съ нимъ на судѣ, но все же этотъ обычай долженъ быть извѣстенъ всѣмъ. Тогда только съѣздъ можетъ сознательно разрѣшать апелляціи на дѣла волостного суда.

Юридическое общество предприняло, кажется, эту разработку мѣстныхъ обычаевъ и для этого собираетъ рѣшенія волостныхъ судовъ. Но врядъ ли это къ чему-либо поведетъ, такъ какъ мѣстный обычай можетъ быть извѣстенъ только мѣстнымъ людямъ, которымъ и должна быть поручена его разработка—какъ ни громадна эта работа, но она необходима. Пока судъ будетъ руководствоваться не писаннымъ закономъ, это будетъ не судъ.

Второй недостатокъ волостного суда—это недостаточное развитіе судей. Судья долженъ быть не только честенъ, но и щепетиленъ по отношенію къ своей чести, избѣгая малѣйшей тѣни пристрастья. Можно ли ожидать этого отъ нашихъ волостныхъ судей? Когда поймутъ они, что нехорошо принимать угощенія тяжущихся? Они это и за грѣхъ не считаютъ. Отсюда происходитъ недовѣріе населенія къ суду, вѣчныя заявленія въ апелляціонныхъ жалобахъ, что судьи судили не по совѣсти, а по родству, дружбѣ и угощеніямъ. Отсюда кляузничество, отсюда шаткость права собственности.

Это же неразвитіе судей дѣлаетъ, что главнымъ двигателемъ суда часто является одинъ въ судѣ грамотный—дѣлопроизводитель, онъ же волостной писарь. Если запретить ему вмѣшиваться хоть однимъ словомъ въ пренія или въ обсужденіе рѣшенія, то всѣ приговоры выйдутъ явно несообразными: или обвинятъ обвинителя, или присудятъ то, чего не просятъ. Поэтому часто рѣшеніе всецѣло зависитъ отъ писаря. При томъ съѣздъ при вторичномъ разборѣ дѣла, не имѣя передъ собой всѣхъ свидѣтелей, поневолѣ руководствуется протоколомъ, а понятно, что окраску можно дать дѣлу какую угодно.

Тутъ встрѣчаемся еще съ удивительнымъ требованіемъ не то закона, не то исполнителей: законъ требуетъ, чтобы дѣло записывалось въ особую книгу рѣшеній—и вотъ на основаніи

этого, у насъ, да и въ другихъ губерніяхъ, даны формы, по которымъ все дѣло, т.-е. жалобы, объясненія на судѣ, показанія свидѣтелей и мотивированное рѣшеніе,—все должно быть написано писаремъ тутъ же въ засѣданіи. Мировымъ судьямъ, земскимъ начальникамъ дается нѣсколько дней, чтобы написать мотивированное рѣшеніе; въ московскомъ съѣздѣ, пишущемъ мотивированныя рѣшенія тутъ же въ засѣданіи—это считается за подвигъ юридическаго искусства. Между тѣмъ это вмѣняется въ обязанность волостному писарю! Можно себѣ представить послѣ того, что̀ пишется въ этихъ рѣшеніяхъ и можно ли имъ вѣрить. Тутъ же, при полной добросовѣстности всѣхъ участвующихъ, иногда рѣшеніе выходитъ таковымъ, что поневолѣ кассируется съѣздомъ.

Многое можно бы еще написать по этому вопросу, но размѣры записокъ этого не позволяютъ. Впрочемъ, не могу обойти молчаніемъ одного пробѣла: волостному суду не дано права предварительнаго обезпеченія иска. Мужикъ подастъ на другого жалобу и, положимъ, ищетъ копны съ одной десятины. Обыкновенно эти жалобы возникаютъ, когда рожь уже скосили; да иначе и быть не можетъ: не могу же я искать того, чего у меня еще не взяли. Судъ не можетъ разобрать дѣла раньше мѣсяца. Поэтому выходитъ, что копны свозитъ физически сильнѣйшій. Иногда старшины, земскіе начальники велятъ такую рожь свезти на постороннее гумно—но это явное превышеніе власти. Такихъ пробѣловъ въ законѣ много.

Очевидно, самъ законодатель видѣлъ несовершенство этого положенія. Правила о волостномъ судѣ названы временными. Оказывается, что когда является насущная потребность перемѣнить законъ, а некогда выработать хорошаго, вырабатывается законъ временный, но, къ сожалѣнію, онъ временнымъ остается десятки лѣтъ, пока не замѣнится новымъ временнымъ закономъ

Не могу не высказать своихъ мыслей относительно радикальной перемѣны, которая, мнѣ кажется, поставила бы на должную высоту крестьянскіе суды.

Въ земскомъ участкѣ въ среднемъ 4 волости. Волостной судъ

стоитъ каждой волости въ среднемъ 300 рублей, итого 1,200 рублей на участокъ. Если на эти деньги содержать не четыре суда, а одинъ участковый, то судъ былъ бы все-таки достаточно близокъ къ населенію и притомъ гораздо лучше. Судьи выбирались бы по одному отъ волости волостными сходами. Имъ бы можно предоставить болѣе мелкія дѣла, дѣла же о кражахъ и гражданскихъ искахъ свыше, положимъ, 50 рублей предоставить предполагаемымъ участковымъ судьямъ, причемъ судъ былъ бы не единоличный, а коллегіальный съ этими же волостными судьями. Получилось бы нѣчто въ родѣ суда шеффеновъ. Судъ по духу былъ бы также близокъ къ народу, благодаря участію крестьянъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, направлялся бы компетентнымъ лицомъ. Само собою разумѣется, что судьи изъ крестьянъ не должны бы зависѣть отъ ихъ предсѣдателя. Времени бы хватило, такъ какъ и теперь въ волости число дней разбирательства варьируетъ между 15 и 75.

Конечно, это было бы сопряжено съ нѣкоторымъ расходомъ, но, во всякомъ случаѣ, не очень большимъ. Мыслимо ли при полутора милліардномъ бюджетѣ говорить о лишнихъ двухъ милліонахъ, когда дѣло идетъ о всемъ низшемъ судѣ крестьянскаго населенія Россіи. Вѣдь, помнится, волостными судами разбирается болѣе милліона дѣлъ.

Мы постоянно говоримъ о народѣ, судимъ его, а когда дѣло коснется его исправленія, то два милліона могутъ быть задержкой. Не есть ли плохой судъ источникъ растлѣнія народа, какъ хорошій—одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ.

XXX.

Наказанія, налагаемыя волостнымъ судомъ.

Категорій наказаній, которымъ могутъ быть подвергнуты крестьяне въ волостныхъ судахъ,—три: штрафъ, арестъ, розги; впрочемъ, послѣдніе два могутъ быть соединяемы; арестъ бываетъ простой и строгій.

Я уже говорилъ про штрафы: какъ старосты и старшины административно никого не штрафуютъ, такъ не присуждаютъ почти никогда къ штрафу и волостные суды. Дѣйствительно, арестъ есть наказаніе личное, касающееся того лица, которое сидитъ, штрафъ ложится на весь крестьянскій домъ: страдаютъ и невиновные. Этимъ я себѣ и объясняю то, что примѣненіе штрафовъ волостными судами я, кажется, въ своей практикѣ не встрѣчалъ. Съ другой стороны, часто трудно привести такое рѣшеніе въ исполненіе. На мужикѣ уже и такъ лежитъ непосильная недоимка. Оштрафуй его—только увеличится недоимка.

Другое дѣло — арестъ: разорительнымъ онъ бываетъ только, если старшина хочетъ изъ личныхъ мотивовъ повредить мужику, а то онъ всегда найдетъ такое время его заставить отсидѣть, когда это не принесетъ особаго ущерба его хозяйству.

У нѣкоторыхъ начальниковъ рекомендуется старшинамъ пригонять исполненіе наказанія къ храмовымъ праздникамъ, масленицѣ, а то и къ свадьбѣ сына или дочери. Дѣлалъ это и я, когда въ стремленіи исправить мужика все находилъ законъ недостаточно суровымъ. Теперь же это представляется мнѣ излишнею жестокостью, да и притомъ противозаконною. Законъ установилъ наказаніе, далъ право суду его отсрочивать изъ милости къ осужденному, но изобрѣтать различныя ухищренія, чтобы сдѣлать его чувствительнѣе—намъ права не давалъ. Какъ дѣти ждутъ праздника, московскіе студенты—Татьянина дня, да и нашъ братъ — какого-нибудь торжества или эстетическаго удовольствія, такъ и мужики ждутъ храмового праздника, чтобы погулять. Вѣдь не онъ виноватъ, что нѣтъ у него другого развлеченія. Отрывать же его отъ свадьбы сына или дочери, омрачить для семьи эти дни—это уже утонченная жестокость, на которую способенъ только разъѣвшійся старшина, когда преслѣдуетъ личную месть, или нашъ братъ, подтягиватель, когда очень сильно начнетъ печься объ исправленіи мужика.

Строгій арестъ, т.-е. арестъ на хлѣбѣ и на водѣ,—арестъ, налагаемый взамѣнъ тѣлеснаго наказанія,—по-моему есть прост недоразумѣніе: вѣдь забываютъ, что часто мужикъ въ этом

смыслѣ и у себя дома подъ строгимъ арестомъ. Да и всегда-то, когда ему идти въ холодную, чего же ему еще даютъ? Развѣ холоднаго разваренаго картофеля. А если на арестованнаго семейство злится, то приходится получить ему кусокъ хлѣба отъ сердобольнаго писаря или сторожа.

Зато часто арестъ весьма легокъ для богача, пріятеля старшины, кума писаря. Тутъ онъ сидитъ не въ арестантской, а въ волостномъ правленіи, распивая съ нимъ чай. Впрочемъ, для такого чувствителенъ арестъ, какъ ударъ для его самолюбія: смѣяться будутъ, что и ты, молъ, сидѣлъ.

Перехожу къ розгамъ. Въ Крестномъ календарѣ мы читаемъ въ числѣ великихъ событій на Руси — уничтоженіе тѣлеснаго наказанія. Что же въ этомъ событіи великаго? То ли, что не причиняется излишняя боль? Да вѣдь 20 лѣтъ каторги больнѣе. Зубная боль тоже часто больнѣе. То ли, что плети и кнутъ позорны, а розги нѣтъ? Да не все ли равно? Думаю, что не то. Велико въ этомъ событіи то, что за частью населенія русскаго признано право воспитанія безъ позора тѣлеснаго наказанія; то, что судья болѣе не палачъ, а каратель; то, что тѣло многихъ людей признано собственностью ихъ, неотъемлемою и ненарушимою. Такъ почему же не распространить этого на всѣхъ? Неужели для мужика утѣшеніе, что сѣкутъ его тоже мужики (что имъ са́мимъ дано право *сѣчься*, какъ я слышалъ въ одномъ собраніи)? Неужели этотъ позоръ для одного—шутка для другого? А если это и такъ, то неужели это желательно? Неужели признать, что въ насъ нужно воспитывать страхъ Божій, а въ мужикѣ—страхъ розогъ?

Мы слышимъ, что незачѣмъ отмѣнять законъ, который самъ мало-по-малу перестаетъ примѣняться. Дѣйствительно, съ каждымъ годомъ сами земскіе начальники стали болѣе и болѣе пользоваться правомъ отмѣны розогъ; большинство съѣздовъ всегда стало дѣлать то же; самымъ закоренѣлымъ сторонникамъ розогъ стало совѣстно въ съѣздахъ подавать за нихъ голосъ. Слава Богу! Это доказываетъ еще болѣе, что и законъ долженъ быть отмѣненъ, если всѣми признается, что примѣнять его вредно. Дорого провозглашеніе извѣстнаго принципа.

Можетъ быть, вопросъ о разоруженіи не приведетъ ни къ чему; можетъ быть, намѣренія Русскаго Царя разобьются о мелкія національныя самолюбія западныхъ державъ. Но все-таки я горжусь, и буду гордиться, и не я одинъ, что слово о мирѣ впервые услышали изъ устъ моего Царя. Выше я буду держать голову за границей. Почему это? Потому что принципъ гуманный провозглашенъ Царемъ. Это не миръ еще, а благовѣстъ мира, и, какъ всякій великій принципъ—онъ не умретъ!

Вотъ значеніе принципа. Вотъ почему дорогъ не фактъ только, что не будутъ пороть, а дорого провозглашеніе принципа, что розги вредны.

Возвращаюсь къ волостному суду, чтобы указать на аномалію, которая давно меня смущаетъ. Укралъ мужикъ у меня охабку мякины, идя съ гумна; я обращаюсь къ урядникку или самъ подаю земскому; мужикъ идетъ въ тюрьму отъ полутора мѣсяцевъ до шести. Я же подаю не къ земскому, а въ волостной судъ: онъ сидитъ отъ трехъ дней до двухъ недѣль. Мѣра наказанія зависитъ отъ меня: подсудность зависитъ отъ жалобщика. Неужели же это терпимо? Мы видѣли мужика, укравшаго у меня охабку мякины. Возьмемъ его, если онъ укралъ у сосѣда послѣднюю мѣру пшена или послѣдній рубль—онъ посидитъ отъ 3 до 14 дней въ холодной.

Оказывается, что законъ иначе охраняетъ меня и мужика отъ кражи. У меня украсть—преступленіе большое, у мужика—это не преступленіе, а проступокъ. У мужика кради, только не кради у помѣщика. Неужели же это хорошо? Неужели право на собственность и на огражденіе ея отъ посягательства вора неодинаково у всѣхъ подданныхъ Царя? Положимъ, укравшій 299 рублей отсидитъ въ тюрьмѣ, а укравшій 301 рубль окружнымъ судомъ будетъ отправленъ въ арестантскія роты; но вѣдь гран[ь] гдѣ-нибудь нужна; нельзя же наказывать одинаково краж[у] одного рубля и десяти тысячъ. Это пойметъ и мужикъ. Но чтоб[ы] преступленіе судилось различно, смотря по сословію обокраде[н]наго, этого не пойметъ мужикъ, не пойму, признаюсь, и я.

Въ какой же судъ направлять вора? Думаю, что и укравша[г]

у меня, и укравшаго у мужика судить волостнымъ судомъ нельзя. Надо оградить болѣе отъ кражъ какъ меня, такъ и мужика. Земскому же начальнику, судьѣ ли, дать право за маловажныя кражи присуждать и къ аресту. А то поднялъ мужикъ, идя съ поденной, подкову—тяжело сажать его на полтора мѣсяца въ тюрьму. И испортится-то онъ, да и просто жестоко.

XXXI.

Волостной писарь.

Одна изъ самыхъ трудныхъ должностей на свѣтѣ, по-моему— должность волостного писаря; получить двѣ тысячи входящихъ нумеровъ и отправить три тысячи исходящихъ, быть дѣлопроизводителемъ въ трехстахъ судебныхъ дѣлахъ, писать при этомъ громадные списки, страховые, посемейные, статистическіе объ урожаѣ, о количествѣ скота, о податяхъ; въ голодный годъ писать томы со списками нуждающихся по разнымъ формамъ, да въ нѣсколькихъ экземплярахъ—вотъ вамъ обязанности писаря и одного при немъ помощника. Если волость очень велика, то писарю дается другой помощникъ, но и дѣла больше; если очень мала, то на него наваливается писаніе условій, веденіе податныхъ тетрадей, однимъ словомъ—вся работа сельскихъ или такъназываемыхъ посельныхъ писарей.

Какое вѣдомство не имѣетъ отношенія къ волостному писарю? Не говоря о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, чины почти всѣхъ вѣдомствъ обращаются въ волостное правленіе: военное—по разнымъ призывнымъ спискамъ, по спискамъ ополченцевъ, по перекличкамъ запасныхъ чиновъ и пр.; финансовое—въ видѣ податныхъ инспекторовъ слѣдитъ за податями, въ видѣ акцизныхъ чиновъ—за табачными свидѣтельствами, а иногда заставляетъ мѣрить плантаціи; судебное — въ лицѣ слѣдователей и приставовъ; народнаго просвѣщенія—въ лицѣ инспекторовъ; духовное— въ лицѣ благочинныхъ; вѣдомство земледѣлія—по статистикѣ; удѣловъ, гдѣ есть таковые—по своимъ дѣламъ—всѣ, кромѣ мор-

ского и иностранныхъ дѣлъ—всѣ обращаются въ волостное правленіе съ требованіями, предписаніями. Всѣмъ отвѣть писарь скоро, правильно, по формѣ.

При этой массѣ дѣла посмотримъ жизнь писаря. Жалованья онъ получаетъ отъ 15 до 30 рублей въ мѣсяцъ, причемъ живетъ съ семьей, нанимается, по закону, волостнымъ правленіемъ, увольняется и правленіемъ, и земскимъ начальникомъ; если оскорбитъ его кто, то отвѣчаетъ какъ за оскорбленіе частнаго лица, если же писарь согрѣшитъ, то отвѣчаетъ передъ судомъ какъ лицо должностное (и того, и другого случая я имѣю примѣры); наградъ, т.-е. медалей, не получаетъ, пенсіи не выслуживаетъ.

А между тѣмъ, всякій земскій начальникъ знаетъ, какъ трудно найти хорошаго писаря и какъ много нужно писарю знать. Въ отношеніи необезпеченности писарь можетъ быть сравненъ развѣ только съ сельскимъ учителемъ. Но учитель имѣетъ хоть свободное вакаціонное время, учитель видитъ плоды своихъ трудовъ; писарь—нѣтъ, такъ какъ фактическаго вліянія на крестьянскую жизнь не имѣетъ. Да съ учителемъ, слава Богу, обращаются послѣднее время лучше: говорятъ ему «вы», подаютъ ему руку; начальникомъ у него только инспекторъ, да предводитель.

Писарь же всякому проѣзжающему чиновнику долженъ подать пальто и калоши и за это кромѣ «ты» ничего не получаетъ, а при «ты» идутъ, конечно, разные эпитеты, въ родѣ дурака, скотины, если чиновникъ не въ духѣ или если писарь провинился. По этому поводу я разъ говорилъ съ однимъ гуманнымъ и умнымъ крестьянскимъ дѣятелемъ; я возмущался этимъ «тыканьемъ». Онъ, наоборотъ, находилъ даже необходимымъ: иначе, говоритъ, писарь забудется.

Я говорилъ пока объ отношеніяхъ писаря къ начальству Такъ же мудрены его отношенія и къ старшинѣ и крестьянамъ Съ мужиками онъ долженъ быть за-панибрата, потому что инач сочтутъ его гордымъ, да и забывать ему не слѣдуетъ, что жало ванье назначаютъ мужики (правомъ представлять къ жалованью

писерей въ губернское присутствіе земскіе начальники пользуются рѣдко), со старшиной ладить писарю обязательно. Если самъ старшина не чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то и писарю многое сойдетъ съ рукъ: и выпить лишнее можно, и взятки брать; если же старшина хорошій, а тѣмъ болѣе если плохой, да не въ ладахъ съ писаремъ, то ужъ очень строго надо ему держать себя, чтобы усидѣть на мѣстѣ.

Какъ же быть? Перемѣнить контингентъ писарей немыслимо. Жалованье назначить достаточное, чтобы шелъ человѣкъ съ образованіемъ,—нельзя, да и не выдержитъ онъ такой воловьей работы; наконецъ, не согласится онъ жить въ той конурѣ, въ которой живетъ писарь. Очевидно, нужно остаться при старыхъ писаряхъ, но улучшить ихъ положеніе можно и должно. Можно ту же волость обязать платить ему больше по нормѣ, выработанной закономъ, какъ я говорилъ относительно старшинъ, и тѣмъ ослабить зависимость отъ крестьянъ. Если ужъ не давать имъ правъ службы, то во всякомъ случаѣ хоть немножко ихъ поощрить необходимо, сравнивъ ихъ хоть съ швейцарами и курьерами всевозможныхъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ. За каждое чуть не пятилѣтіе они получаютъ медали, которыхъ подъ старость набирается чуть не дюжина, съ ними и министры обращаются вѣжливо. Между тѣмъ,—это швейцаръ, и ничего отъ него не требуется, кромѣ сниманія шинелей въ опредѣленные часы. Отъ писаря требуется знаніе законовъ, хорошее поведеніе и громадная работа.

Увольненіе писаря должно зависѣть отъ съѣзда по мотивированнымъ представленіямъ земскаго начальника; оскорбленіе его судится какъ оскорбленіе должностного лица, наконецъ, обращеніе съ нимъ человѣческое должно быть вмѣнено въ обязанность какъ прямому, такъ и косвенному его многочисленному начальству. Тогда улучшится и составъ писарей.

Позволю себѣ по поводу волостного писаря остановиться немного на отношеніи вообще закона и исполнителей его къ низшимъ служащимъ въ столицахъ и деревнѣ. Возьмите многочисленныхъ писцовъ канцелярій и департаментовъ — ихъ жизнь

сносная, потому что зависятъ они отъ людей, власть имѣющихъ, заботящихся о нихъ и настолько высокопоставленныхъ, что имъ и въ голову не входитъ, что съ ними забудутся.

Другое дѣло—деревня или уѣздный городъ: кто думаетъ объ уѣздныхъ писцахъ, писаряхъ, почтальонахъ? Ихъ начальникамъ впору о себѣ подумать, а между тѣмъ, они гораздо щепетильнѣе насчетъ обращенія съ ними ихъ несчастныхъ подчиненныхъ. Чтобы поддержать это уваженіе къ своей особѣ, они думаютъ, что лучшее средство — ихъ «тыкать», обращаться съ ними свысока, при случаѣ обругать—все это, чтобы тѣ не забылись. Все это естественно.

Но тѣмъ болѣе долженъ самъ законъ о нихъ подумать. Если уже не деньгами (гдѣ ихъ взять на все?), то хоть какими-нибудь приманками—медалями, почетнымъ гражданствомъ—ихъ слѣдовало бы привлекать и возвышать. Первыми, конечно, должны бы стоять въ этомъ отношеніи на очереди волостные писаря, какъ люди, ведущіе самостоятельно отвѣтственное дѣло.

XXXII.

Земскій начальникъ.

Законъ о земскихъ начальникахъ много волновалъ общество последнее десятилѣтіе. Распущенность народа, проявившаяся послѣ освобожденія крестьянъ и явившаяся естественною реакціею послѣ ужасовъ крѣпостного права, должна была вызвать и соотвѣтственныя мѣры: должны были быть введены начальники, близкіе какъ по мѣсту жительства, такъ и по сердечнымъ отношеніямъ къ крестьянамъ. Введены земскіе начальники съ большими полномочіями, какъ я уже показалъ раньше. Чтобы быть земскимъ начальникомъ, надо имѣть образовательный цензъ и сословно-имущественный цензъ; если нѣтъ людей, удовлетворяющихъ обоимъ условіямъ, то предпочтеніе дается не образовательному, а сословному цензу; при отсутствіи и тѣхъ, и дру-

гихъ, назначаются чиновники безъ того и другого. Главное условіе, чтобы быть земскимъ начальникомъ—это принадлежность къ помѣстному дворянству, второе—образованіе, и то невысокое.

Попробую разобрать, въ чемъ нуждался народъ нашъ и какъ эта нужда была удовлетворена. Народъ въ восьмидесятыхъ годахъ оказался крайне распущеннымъ. Иначе и быть не могло. Столѣтія онъ держался страхомъ, но не страхомъ Божіимъ, а страхомъ розги, ссылки, продажи жены, отдачи въ солдаты чуть ли не безъ срока. Наконецъ признано было, что людей такъ держать нельзя и крестьянинъ получилъ человѣческія права. Онъ вышелъ изъ этого страха, но вышелъ невоспитанный, неприготовленный къ борьбѣ со зломъ. Тридцать лѣтъ дѣлались робкія и непослѣдовательныя попытки его воспитывать, но зло невѣжества торжествовало.

Тогда обратились къ прежнему средству—къ страху. Ввели строгое начальство. Можетъ быть, хотя и въ этомъ я сомнѣваюсь, распущенность стала меньше, но лучше ли сталъ народъ? Позволю себѣ привести примѣръ: дикарь сидѣлъ на короткой цѣпи; это нашли безчеловѣчнымъ и отпустили на волю, не приставивъ къ нему миссіонера добра; дикарь сталъ безобразничать, тогда его посадили на длинную веревку. Лучше ли онъ сталъ?

Или другой примѣръ: отецъ держалъ сыновей какъ держали въ старину у насъ, да и теперь у крестьянъ, страхомъ розги, но безъ иного ученья. Сыновья слушались волей-неволей. Затѣмъ рѣшилъ отецъ ихъ сдѣлать самостоятельными хозяевами, но учителя все-таки не приставилъ, хозяйство пошло скверно, дѣти загуляли. Тогда того же отца имъ дали въ опекуны; только права отцовскія уменьшились. Неужели выйдетъ какой прокъ изъ этой системы?

Чѣмъ же замѣнить давно прошедшую розгу? Воспитаніемъ, воспитаніемъ и воспитаніемъ, т.-е. тѣмъ, чтобы вселить въ мужика, во-первыхъ, пониманіе добра и зла, во-вторыхъ, любовь къ добру, въ-третьихъ, привычку къ добру. Въ началѣ моихъ записокъ я старался доказать, что народъ нашъ далекъ отъ по-

ниманія добра и зла—и только школа хорошая можетъ привить къ нему добро. Какъ бы ни дорогъ былъ «привой», нельзя останавливаться передъ этимъ расходомъ, нельзя и медлить, иначе яблоня состарится.

Но, прививши яблоню, надо за ней ухаживать постоянно; въ чемъ же долженъ состоять уходъ за народомъ? Въ постоянномъ веденіи его по пути добра, т.-е. по закону. Законъ гражданскій, основанный на законѣ нравственномъ, при строгомъ неуклонномъ исполненіи *всѣми*, вселитъ въ народъ привычку дѣлать добро. Шатаніе закона, произволъ начальства ведутъ къ шатанію въ народныхъ понятіяхъ о добрѣ и къ произволу его въ исполненіи закона. Итакъ, народу нужна школа и законность.

Хотя школа у насъ вводится туго, ужасно туго, но все-таки въ принципѣ она признана нужной; противъ нея если и раздаются голоса, то исподтишка, съ маской на лицѣ.

Законность же призванъ насаждать земскій начальникъ. Посмотримъ, какъ онъ справляется съ этой задачей.

Земскій начальникъ—помѣстный дворянинъ, тотъ самый, который привелъ народъ къ теперешнему состоянію; другихъ воспитателей у народа не было; воспитательныхъ пріемовъ, кромѣ розги и отдачи въ солдаты, дворянинъ не зналъ. Розга и отдача въ солдаты отмѣнены, народъ распустился и его опять отдаютъ во власть прежнихъ властителей безъ розогъ и солдатчины. Не дикарь ли это, пересаженный съ цѣпи на веревку?

Теорія, съ начала невѣрная, не можетъ дать благотворныхъ результатовъ на практикѣ. Народъ если, — что все-таки сомнительно,—наружно и подтянулся, но въ воспитаніи не подвинулся ни на іоту. Земскій начальникъ, хотя и членъ отдѣленія, хотя и членъ училищнаго совѣта, о школѣ не радѣетъ, къ законности не пріучаетъ.

Но почему же къ дворянству обратились? Потому, что дворянинъ воспитанъ въ традиціяхъ чести, обычной и спеціально дворянской. Вытекаетъ ли изъ этого, что онъ воспитатель народный? Нѣтъ. Со времени крестовыхъ походовъ дворянинъ вездѣ (и у насъ со временъ Петра) былъ во главѣ войскъ. Его

традиціи ведутъ его къ смерти за вѣру, за Царя. Неужели этого поприща мало, въ особенности въ нашъ вѣкъ милитаризма? Дворянство наше всегда стремилось дѣтей своихъ отдавать въ военную службу. Кадетскій корпусъ былъ всегда гнѣздомъ для дворянскихъ дѣтей. Это стремленіе есть и теперь. Чтѣ же мы видимъ?

Съ одной стороны кадетскій корпусъ демократизируется, съ другой—народъ хотятъ воспитывать какъ роты солдатъ. У насъ принято думать, что дворянство ближе всего знаетъ народъ, его потребности, его идеалы.

Не думаю: наши предки и отцы всегда смотрѣли на народъ сверху, съ высоты боевого коня или чиновничьяго кресла, и мы такъ смотримъ на него. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о воспитаніи народномъ?

Многіе смотрятъ на дворянъ какъ на благодѣтелей народа. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что этого нѣтъ. Благодѣтельствовали дворяне народу, когда были богаты; благодѣтельствовали хлѣбомъ, деньгами; любили, чтобы крестьяне были богаты, какъ любили, чтобы лошади были сыты. Обѣдняли дворяне и благодѣтельствовать перестали, кромѣ нѣсколькихъ меценатовъ, которыхъ богатство противостоитъ всѣмъ экономическимъ невзгодамъ. Такъ же, и еще больше, благодѣтельствуетъ милліонеръ купецъ. Отдѣльные факты повели къ нежелательному обобщенію. Нужно смотрѣть не на отдѣльныя явленія, а на будничныя повседневныя отношенія.

Эти отношенія были всегда отношеніями хозяина къ рабу, а не учителя къ ученику, не воспитателя къ воспитаннику. А эти-то отношенія, основанныя на любви къ нему въ самомъ высокомъ, христіанскомъ смыслѣ, и нужны для народа.

XXXIII.

Близость земскаго начальника къ народу.

Когда былъ введенъ законъ о земскихъ начальникахъ, я радовался ему, ожидалъ перерожденія народа, но увы! пришлось разочароваться. Земскій начальникъ, по мысли законодателя, долженъ былъ явиться властью, близкою для народа какъ по своимъ къ нему отеческимъ отношеніямъ, такъ и по непосредственной близости.

Послѣднее, т.-е. большая легкость добраться до начальства, конечно, достигнута. Нечего крестьянину раздумывать, куда идти, къ мировому ли, или въ городъ къ непремѣнному члену. По всѣмъ дѣламъ онъ можетъ обращаться къ земскому начальнику. Участки небольшіе—отъ 3 до 5 волостей. Исключеніе составляетъ, когда земскій начальникъ въ своемъ участкѣ не живетъ. Послѣднее явленіе стало встрѣчаться все чаще и чаще. По-моему, оно должно бы быть безусловно запрещено закономъ. Бываетъ, что у земскаго начальника нѣтъ даже опредѣленныхъ дней, когда его можно застать навѣрное въ извѣстномъ мѣстѣ. Тогда, очевидно, мужикъ лишенъ всякой возможности сноситься съ нимъ иначе, чѣмъ на бумагѣ. Какая же тутъ близость? Впрочемъ, это—исключенія. Вообще же, въ смыслѣ большой легкости для мужика добиться совѣта или разбора его дѣла, земскій гораздо ближе къ мужику, чѣмъ прежнее его начальство.

Посмотримъ теперь, какова его близость въ смыслѣ довѣрія со стороны крестьянина, въ смыслѣ заботливости со стороны начальника. Мужикъ смотритъ на земскаго начальника, какъ на барина. Многимъ это слово кажется синонимомъ отца крестьянъ. Мы уже видѣли, что такое понятіе далеко отъ истины. Наоборотъ, мужикъ въ баринѣ видитъ врага: онъ ему не довѣряетъ, онъ его боится. Мы подъ словомъ «баринъ» воображаемъ встрѣтить Аѳанасія Ивановича или, въ худшемъ случаѣ, Обломова, а

забываемъ, какъ жилось мужику у Собакевича, у Ноздрева и другихъ.

Такъ и со стороны земскаго начальника мы видимъ не знанія мужика, а предвзятое убѣжденіе, что мужикъ — негодяй, и что надо держать его въ ежевыхъ рукавицахъ.

Это-то предвзятое убѣжденіе и составляетъ отличительную черту помѣстныхъ дворянъ. Еще хуже было положеніе при крестьянскихъ присутствіяхъ и мировыхъ судьяхъ. Выборное начало было примѣнено весьма неудачно, такъ какъ съуженъ былъ кругъ лицъ, которыхъ можно было выбирать.

Какъ же быть? Кто же будетъ близокъ къ народу?

По этому поводу отмѣчу удивительную разрозненность между деревенскими дѣятелями и чиновниками столичными и даже губернскими. Какъ прежде мировые судьи и непремѣнные члены, такъ теперь земскіе начальники безусловно не могутъ разсчитывать на дальнѣйшее повышеніе въ смыслѣ карьеры, имѣющей въ Россіи такое важное значеніе. Отъ этого и происходитъ, что всѣ окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ стремятся идти въ Петербургъ въ разныя канцеляріи и департаменты. Чиновники сената и министерствъ, даже гвардейскіе офицеры гораздо ближе къ губернаторству, чѣмъ мѣстные дѣятели.

Выходитъ, что жизнь—жизнью, канцелярія—канцеляріею, и что при этомъ канцеляріи дается большее преимущество передъ жизнью.

Другое было бы дѣло, если бы служба въ деревнѣ и знакомство съ мужикомъ на мѣстѣ считались необходимыми условіями для дальнѣйшаго служебнаго движенія. Выигралъ бы и составъ высшихъ чиновниковъ, и составъ мѣстныхъ дѣятелей.

Вотъ главная причина, почему избѣгаютъ службы земскихъ начальниковъ массы молодыхъ людей, бросающихся въ Петербургъ по окончаніи университетскаго курса.

Положимъ, не всѣ изъ нихъ были бы помѣстными дворянами, но опасно ли это? Мы видѣли, что помѣстность сопровождается предвзятымъ представленіемъ о мужикѣ, которое не только не

приближаетъ начальника къ мужику, а наоборотъ, отдаляетъ отъ него. Другое дѣло—окончившій курсъ университета; хотя и не помѣстный дворянинъ, онъ явился бы въ деревню, можетъ быть, и не зная крестьянской жизни, но съ непогасшими еще идеалами, которые быстро заставятъ его изучить мужика и работать для него. Возьмите массу кандидатовъ на судебныя должности. Многіе изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ живутъ безъ содержанія, пока не получатъ мѣстечка. Лучшіе годы они не работаютъ. И такимъ-то людямъ не даютъ мѣстъ земскихъ начальниковъ! А если онъ и попадетъ, то дальше не пойдетъ. Между тѣмъ, земскій начальникъ — и администраторъ, и судья, да и канцелярскому дѣлу не чуждъ. Неужели онъ земскій начальникъ былъ бы плохой, да и поживъ лѣтъ 5 въ деревнѣ, не годился бы на службу какъ въ судъ, такъ и по администраціи?

Остается сказать нѣсколько словъ объ избитомъ вопросѣ соединенія въ одномъ лицѣ власти административной и судебной. Буду говорить не съ точки зрѣнія науки, а по указанію практики. Если соединеніе этихъ функцій въ одномъ лицѣ и приближаетъ къ мужику власть въ смыслѣ легкости найти расправу, то и удаляетъ тѣмъ, что увеличиваетъ власть надъ нимъ, а слѣдовательно, возможность произвола.

Чтò бы было, если бы изъ шести земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ трое было судей и трое администраторовъ? Конечно, часто мужику пришлось бы не въ ту дверь толкнуться, но зато власть администратора часто кончалась бы въ виду перенесенія дѣла въ судъ, т.-е. къ другому начальнику. Теперь же, какъ дѣло ни поверни, оно всегда въ рукахъ одного. Но, очевидно, сосредоточивать слишкомъ большую власть въ однѣхъ рукахъ опасно.

Впрочемъ, по слухамъ, такого рода преобразованіе уже проектируется. Дай Богъ, чтобы оно осуществилось!

Еще одно слово о близости власти. Близка власть можетъ быть двояко: для начальника, если ему легко и *близко* расправиться съ мужикомъ, для мужика,—если ему легко и *близко* обращаться къ власти. Для второго нужно, чтобы мужикъ могъ обращаться къ власти безбоязненно. Безбоязненность же эта

явится, во-первыхъ, когда отношенія начальника къ мужику будутъ основаны не на чувствѣ презрѣнія, а на чувствѣ соболѣзнованія его горю и даже его недостаткамъ; во-вторыхъ, когда сама власть будетъ не черезчуръ велика, такъ какъ чѣмъ больше власть, тѣмъ больше еще хочется ее усилить. А мы видѣли, что пока народъ будетъ воспитываться страхомъ, а не законностью—онъ не исправится.

XXXIV.

Отношенія земскаго начальника къ народу.

Я неоднократно указывалъ, что земскій начальникъ исполнитъ свою обязанность вполнѣ только тогда, когда явится властью близкою, воспитательною. Всякій произволъ съ его стороны долженъ быть изгнанъ. Мужикъ долженъ видѣть въ немъ неукоснительнаго исполнителя закона. Страха онъ внушать не долженъ: надо, чтобы къ нему шли съ довѣріемъ. Для этого онъ долженъ близко знать мужика и входить въ его нужды, стараясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ войти въ его положеніе.

Мы часто говоримъ съ мужикомъ на разныхъ языкахъ, потому что не поняли его, не вникли въ его кругозоръ. Чтобы узнать его, нужно не гнушаться его, говорить съ нимъ больше, не сердиться на него, если онъ не во́-время пришелъ, лишнее сказалъ. Двери земскаго должны быть всегда открыты. Иной разъ приходитъ мужикъ, и вамъ кажется, что онъ несетъ околесицу, что онъ пришелъ зубы чесать: вникните — и увидите, что для него это—вопросъ большой важности. Тутъ-то и дорогъ бываетъ совѣтъ начальника.

Постоянное, непосредственное общеніе мужика съ земскимъ начальникомъ имѣетъ еще хорошую сторону. Зная эти отношенія, лучше будетъ относиться къ мужику и низшее начальство: староста, судьи, старшина. Конечно, имъ должна быть предоставлена власть, указанная закономъ; но и они, зная, что при случаѣ все дойдетъ до земскаго начальника, будутъ воздержи-

ваться отъ превышенія этой власти. Видя обращеніе съ мужикомъ начальника, и они съ нимъ будутъ обходиться хорошо. Воспитательное значеніе земскаго распространится и на нихъ.

Нашъ народъ не привыкъ встрѣчать въ начальствѣ ласковаго къ себѣ отношенія. Крикъ, бранныя слова для него — явленія обычныя; поэтому онъ на нихъ и не обижается. Даже побои ему часто не страшны. Но хорошимъ врядъ ли можно счесть такое къ нему отношеніе. Я убѣжденъ, что вліяніе земскаго на мужиковъ, хотя бы на сходѣ, будетъ гораздо больше, если мужики увидятъ, что начальникъ съ ними обращается хладнокровно. Часто приходилось ихъ уговаривать что-нибудь постановить, а если и удавалось добиться своего, то только потому, что съ терпѣніемъ подолгу имъ разъяснялъ, что̀ казалось хорошимъ. Облай ихъ, раскричись—и они еще упорнѣе будутъ отказываться... Сильно вліяніе только тогда, когда оно основано на довѣріи, на убѣжденіи, что имъ по совѣсти что-либо рекомендуется, для ихъ же пользы.

Если въ мужикѣ это довѣріе укоренится къ начальнику, то и «аблакатъ» не страшенъ. Кляузы, тяжбы ненужныя, подпольная работа адвокатовъ сельскихъ—все это имѣетъ корнемъ неувѣренность мужика въ своемъ начальствѣ. Понятно, что безобразія, которыя творились съ мужиками, хотя бы при переходѣ къ подворному владѣнію, установили взглядъ мужика на начальника, какъ на врага. Гдѣ же имъ искать помощи, какъ не у адвоката? Не скоро это, конечно, искоренится, но искоренить можно непоколебимою законностью и ласковымъ обращеніемъ.

Перехожу къ вопросу, въ которомъ, заранѣе знаю, не получу сочувствія почти ни у кого. Это вопросъ о «вы» и о «ты». Когда я поступилъ въ земскіе, я, конечно, всѣмъ, не только мужикамъ, но и старшинамъ и писарямъ говорилъ «ты». Въ числѣ писарей моего участка былъ человѣкъ, служившій писаремъ тридцать лѣтъ,—человѣкъ почтенный, опытный, честный, трудолюбивый. Языкъ не повертывался говорить ему «ты». Съ другой стороны, есть въ моемъ участкѣ село, гдѣ много крестьянъ-богачей, торгующихъ хлѣбомъ. Это—уже не крестьяне, а купцы. Такъ какъ

они бывали на сходахъ, то и имъ приходилось говорить «вы». Съ этого и пошло: не могъ же я говорить одному писарю «вы», а другимъ «ты», не могъ «тыкать» старшинѣ, когда нѣкоторымъ крестьянамъ говорилъ «вы».

То же чувство неловкости испытывалъ я на судѣ. Судится какой-нибудь приказчикъ землевладѣльца съ мужиками. Говорить однимъ «ты», другимъ «вы» казалось неловкимъ. Сразу, какъ будто, не относишься одинаково къ сторонамъ и, кажется, это чувствуется и сторонами... Пришлось и на судѣ всѣмъ говорить «вы». Тутъ я вполнѣ оцѣнилъ практику мировыхъ судовъ: «ты» говорить по сословіямъ или по общественному положенію судьѣ и вообще начальнику невозможно. Такимъ образомъ, я незамѣтно перешелъ на «вы» со всѣми.

Знаю, что возраженій противъ этого много. Первое состоитъ въ томъ, что смѣшно говорить «вы» мужику или бабѣ, когда они сами начальнику часто говорятъ «ты». Между тѣмъ, у нихъ это—дѣло привычки, разницу же между «вы» и «ты» они знаютъ хорошо. Постоянно мужикъ, сказавъ «ты», поправляется и переходитъ на «вы». Наконецъ, что они сознаютъ эту разницу, видно изъ того, что большинство обращается на «вы» къ своимъ же сельскимъ начальникамъ, къ кулакамъ, богачамъ; послѣдніе же бѣднякамъ неизмѣнно говорятъ «ты».

Другое возраженіе таково: «ты» доказываетъ близость, «вы» холодно, оффиціально. Смѣю не согласиться и съ этимъ. Я убѣжденъ, что «тыканье» у насъ есть результатъ не близости или добродушной ласки, а скорѣе презрѣнія. «Ты—дуракъ», «ты—негодяй», «ты—мошенникъ»—какая же тутъ ласка? А между тѣмъ, эта-то нотка и слышится.

Обращеніе на «вы» хорошо еще въ смыслѣ сдерживанія самого себя отъ дальнѣйшихъ злоупотребленій словомъ, въ родѣ «ты—скотина»—и прочее. Если перейти на «вы», то тѣмъ самымъ можно отучить себя ругаться, и мы видѣли, что этимъ сильно роняется авторитетъ начальника.

Остается еще сказать нѣсколько словъ про отношенія земскаго начальника къ старшинамъ и другимъ властямъ. Если зем-

скій начальникъ долженъ быть близкимъ и снисходительнымъ начальникомъ для частныхъ лицъ, т.-е. для крестьянъ, то совсѣмъ другое отношеніе должно быть къ крестьянскимъ властямъ. Я говорю, конечно, не про близость, а про снисходительность. Близокъ онъ долженъ быть еще болѣе къ начальникамъ, никогда не отказывая имъ въ совѣтѣ или въ руководствѣ. Но снисходительнымъ онъ быть не долженъ.

Разъ старшина или судья получаетъ жалованье, разъ онъ— начальникъ и отъ него зависятъ многіе, то онъ долженъ быть неумолимо строгъ къ себѣ, работать по совѣсти, сколько можетъ, вести себя безукоризненно. Если онъ самъ этого не исполняетъ, то его начальникъ, земскій, не имѣетъ права быть къ нему снисходителенъ, помня, что послабленіе старшинъ будетъ жестокостью по отношенію къ подчиненнымъ ему крестьянамъ. Къ сожалѣнію, мы часто видимъ обратное.

Поэтому-то мнѣ и приходилось такъ часто возмущаться въ моихъ запискахъ излишнею властью и произволомъ старшинъ.

Тѣмъ не менѣе, не могу стоять за дискреціонную власть земскаго начальника штрафовать и сажать подъ арестъ старшинъ, писарей, судей. Не понимаю даже, зачѣмъ это нужно. Если они этого заслужили, то почему нельзя земскому начальнику, истребовавъ письменнаго объясненія отъ нихъ, представлять ихъ въ съѣздъ для наложенія взысканія? Если они виновны, и притомъ виновны очевидно (а безъ очевидности и сажать нельзя), то и съѣздъ ихъ, конечно, накажетъ или уволитъ. Дѣло въ томъ, что не всегда можно уличить начальника въ проступкѣ и что поэтому сажать его приходится не на основаніи неопровержимыхъ фактовъ, а на основаніи чуть ли не подозрѣній. А это расшатываетъ власть ихъ, вселяетъ въ нихъ страхъ къ земскому начальнику вмѣсто довѣрія. Произволъ родитъ произволъ.

XXXV.

Рабочій вопросъ.

При введеніи института земскихъ начальниковъ, кромѣ общаго подтягиванія мужика, имѣлось еще въ виду умиротворить нѣсколько отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ,—отношенія, считавшіяся очень натянутыми, во вредъ землевладѣльца. И теперь еще постоянно слышишь жалобы на распущенность рабочихъ и на громадные убытки, которые мы терпимъ отъ неисполненія рабочими условій. Нѣкоторыми это ставится даже въ основаніе при разрѣшеніи дворянскаго вопроса.

Между тѣмъ, я веду свое хозяйство пятнадцать лѣтъ, изъ коихъ болѣе шести былъ земскимъ начальникомъ, и никакого рабочаго вопроса не видалъ. Мало того: нахожу, что крестьяне удивительно добросовѣстно исполняютъ свои обязательства. Происходитъ невѣрный взглядъ на рабочихъ отъ того, что въ этихъ отношеніяхъ одна сторона — землевладѣльцевъ — легко можетъ заставить себя слушать, другая же сторона—рабочихъ—безгласна. Между тѣмъ отношенія двухстороннія, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться трудно: кто правъ и кто виноватъ.

Постараюсь, насколько сумѣю, анализировать эти отношенія. Вопросъ идетъ, конечно, о договорахъ письменныхъ, когда крестьяне забираютъ деньги впередъ. Начнемъ съ того: зачѣмъ мы даемъ деньги впередъ? Очевидно, чтобы, пользуясь безвыходной нуждой крестьянъ, обезпечить себя, насколько возможно, дешевыми рабочими. Такъ, у насъ за полную обработку десятины мужикъ впередъ получаетъ зимой пять рублей. За это онъ долженъ вспахать землю въ три пашки (считая и сѣвъ), посѣять, скосить, связать, свозить и складь въ скирды. Если не нанимать заранѣе, а платить по отработкѣ, то эта же работа обойдется въ десять рублей. Итакъ, при наемкѣ впередъ мы платимъ полтинникъ за рубль. Практика показываетъ, что пропадаетъ

десятая часть, т.-е. что десятина обходится въ 5 руб. 50 коп. Спрашивается, кто въ барышѣ?

Кто же не отрабатываетъ эту десятую часть? Мужики, у которыхъ случилось несчастіе: или смерть работника, или смерть лошади, или пожаръ, и т. д. Случаевъ, чтобы мужики не отработали такъ себѣ безпричинно — очень мало. Бываетъ, конечно, что мужика гонитъ нужда забрать работы не подъ силу, но я знаю, что онъ все-таки это дѣлаетъ не съ намѣреніемъ обмануть, а надѣясь какъ-нибудь сработать. При этомъ замѣтьте, что онъ прежде всего стремится исполнить свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, у которыхъ онъ закабалился. Взгляните на его поля, почему они засѣяны не во-время? Почему хлѣбъ его на корню часто сыплется отъ перестоя? Потому, что онъ впередъ исполняетъ свою такъ-называемую обязательную работу. Не оттого ли и требуются всегда въ статистикѣ двѣ графы—одна для землевладѣльцевъ, другая для крестьянъ? Вѣдь не врагъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, себѣ?!

Наши же землевладѣльцы весьма склонны свои несчастья приписывать другимъ. Плохо идетъ хозяйство — виноваты рабочіе: и пашутъ плохо, и косятъ нечисто... А на дѣлѣ онъ и у себя не работаетъ лучше: пашетъ, насколко можно, на измученной клячѣ, коситъ и вяжетъ нечисто, если хлѣбъ запутанъ.

Между тѣмъ, что же дѣлать мужику, если пала лошадь? А вѣдь по двѣ-то встрѣчается у мужика все рѣже и рѣже! Тутъ-то и кроется причина всякихъ исковъ съ мужика. Большею частью судятся управляющіе, причемъ объясняютъ, что намъ, молъ, права прощать не дано. Помню, какъ теперь, искъ трехъ рублей за неисполненную косьбу съ мужика, который ничего, кромѣ жены и дѣтей, не имѣлъ, и у котораго отъ костоѣды отвалились три пальца на рукѣ. И такихъ случаевъ масса! Въ худшемъ случаѣ мужикъ забралъ лишнюю работу, и когда выѣхалъ, хлѣбъ уже былъ убранъ. А то бываютъ и ошибки. Мои служащіе не разъ искали убытки съ мужиковъ, а на судѣ оказывалось, что они сработали, что они и удостовѣряли свидѣтелями.

Насколько добросовѣстны крестьяне, покажутъ слѣдующія

цифры, взятыя изъ моей конторы за нѣсколько лѣтъ. Подъ различныя работы денегъ мы раздаемъ впередъ тысячъ на семь. Изъ нихъ сотъ на шесть или на семь крестьянами не исполняется. Неотработавшимъ по уважительнымъ причинамъ, т.-е по несчастію, вина прощается; если же не отработалъ мужикъ по недобросовѣстности, то взыскивается съ него судомъ втрое. Такихъ денегъ взыскивается до сто рублей ежегодно; другими словами, не отрабатывается рублей на 30. Процентъ недобросовѣстности, если можно такъ выразиться, меньше $^1/_2$%. Это ли не удивительная честность? Одинъ мошенникъ на 200 честныхъ! Другой случай нарушеній рабочими договоровъ является въ глазахъ владѣльцевъ, когда рабочій, нанявшійся на все лѣто, уходитъ. Тутъ весьма трудно бываетъ разобрать: кто правъ, кто виноватъ. Знаю экономіи, гдѣ рабочіе живутъ годами, и ихъ не прогонишь; въ другихъ то и дѣло смѣняются, да судятся. Знаю экономію, часто судящуюся, куда мнѣ приходилось ѣздить съ докторомъ сжигать мясо, которымъ кормили рабочихъ. Мясо издавало такое зловоніе, что сзади нельзя было ѣхать. А то разныя придирки начинаются, вычитаютъ за всякій поломъ, хотя бы невольный, точно орудія земледѣльческія вѣчны. Впрочемъ, у такихъ они дѣйствительно оказываются вѣчны! Или рабочаго не отпускаютъ мѣсяцъ рубашку перемѣнить. Кто тутъ виноватъ? Вѣдь смѣна рубашки договоромъ не предусмотрѣна...

Обратимся къ судебнымъ дѣламъ, вызваннымъ недобросовѣстностью рабочихъ. Мы увидимъ, что иная экономія за пять лѣтъ не подала никуда ни одной жалобы, другая, сосѣдняя, то и дѣло судится съ рабочими. Что ни день разбора у земскаго начальника или на волостномъ судѣ—то жалоба. Какой же это рабочій вопросъ? По совѣсти думаю, что это — вопросъ не рабочій, а земледѣльческій. Совсѣмъ другая получится картина, если на дѣло взглянуть съ этой точки зрѣнія.

Перейдемъ къ другому разряду дѣлъ между землевладѣльцами и рабочими,—къ дѣламъ по жалобамъ крестьянъ на владѣльца. Рѣдко, очень рѣдко они состоятъ въ просьбахъ кре-

стьянъ о нарушеніи договоровъ. Обыкновенно, если рабочіе экономіей недовольны, то прямо уходятъ, иногда зашедши къ земскому начальнику заявить, что, молъ, пусть будетъ вамъ извѣстно, что я ухожу потому-то и потому-то. На совѣтъ не нарушать договора они обыкновенно молчатъ и все-таки уходятъ.

Обыкновенно рабочіе ищутъ недополученныя деньги, задержанныя или по недостатку ихъ у помѣщика, или по недоразумѣнію. Никакого и тутъ вопроса нѣтъ,—ни политическаго, ни соціальнаго.

Взглянемъ теперь, какъ смотритъ на дѣло законодательство. Придуманы рабочія договорныя книжки. Условія нанимателя съ нанимаемымъ тамъ написаны всѣ подробно. Не исполнилъ чего рабочій или по несчастію, его постигшему, или по невозможности жить у землевладѣльца, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, по безсовѣстности своей—начинается длинная процедура сперва усовѣщеванія черезъ полицію или старшину,—усовѣщеванія, никогда, конечно, ни къ чему не ведущаго, затѣмъ—суда у земскаго и сажанія подъ арестъ.

Къ чему все это ведетъ? Къ тому, что книжки эти становятся въ тягость и тому, и другому. Возьмите всѣхъ подрядчиковъ, всѣхъ помѣщиковъ и спросите, боятся ли рабочіе этого суда. Всѣ скажутъ, что нѣтъ, и что число неисполненныхъ рабочими договоровъ не уменьшилось. Для нихъ гораздо чувствительнѣе строгое взысканіе по гражданскому иску. Зачѣмъ же это перенесеніе гражданскаго дѣла на уголовную почву? Зачѣмъ искусственно раздражать мужика, потому что не можетъ же онъ не сознать, что на него взваливается какая-то надоѣдливая отвѣтственность, притомъ односторонняя?

Гораздо, повидимому, чувствительнѣе вопросъ не о рабочихъ, а о мастеровыхъ для подрядчиковъ. Помѣщикъ имѣетъ дѣло съ осѣдлымъ народомъ, съ которымъ онъ обоюдно связанъ. Подрядчикъ беретъ мастерового, т.-е. человѣка, который завтра можетъ наняться у другого. Но онъ тоже старается нанять его какъ можно дешевле, давъ денегъ впередъ, старается похуже кормить его, чтобы выгадать на пищѣ. Онъ заранѣе знаетъ,

что часть выданныхъ впередъ денегъ пропадетъ, жалуется, конечно, на рабочихъ, но предложите ему перемѣнить эту систему и платить, какъ за границей, по отработкѣ — да онъ волкомъ завоетъ. Такія ужъ отношенія завелись между нанимателемъ и нанимаемымъ,—отношенія, основанныя на бѣдности рабочаго.

Я убѣжденъ, что изъ двухъ сторонъ все-таки барыши отъ такого порядка скорѣе на сторонѣ нанимателей. Иначе, повѣрьте, будь рабочій такъ недобросовѣстенъ, не стали бы ему давать денегъ впередъ, а на этомъ основаны отношенія рабочаго къ работодателю во всей Россіи. Поэтому перенесеніе дѣла на уголовную почву только обостряетъ отношенія во вредъ именно тѣмъ, которые прибѣгаютъ къ этому закону. Обоюдныя обязательства рабочихъ и нанимателей будутъ лучше соблюдены, основываясь на обоюдной выгодѣ, нежели на страхѣ, внушенномъ одной сторонѣ.

XXXVI.

Потравы.

Когда говорятъ о деревенскихъ невзгодахъ, принято рядомъ съ рабочимъ вопросомъ ставить вопросъ о потравахъ. Принято считать потравы чуть ли не государственнымъ зломъ. Между тѣмъ, какъ моя практика помѣщика, такъ и опытность земскаго начальника привели меня къ убѣжденію, что потравъ у насъ почти не бываетъ: въ судахъ эти дѣла являются рѣдко, и притомъ сумма присуждаемыхъ убытковъ незначительна. Думаю, что потравы играютъ въ деревенской жизни самую незначительную роль. Бережемъ же мы наши усадьбы, наши гумна, а полей—нѣтъ. Очевидно, если бы была такая опасность, то мы не поскупились бы держать, глядя по имѣнію, одного, двухъ, трехъ полевыхъ сторожей. Въ томъ-то и дѣло, что въ нихъ нѣтъ надобности.

Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности въ исключительныхъ законахъ. А между тѣмъ, по частнымъ слухамъ, готовится новый законъ

о потравахъ, причемъ предположено передавать эти дѣла земскимъ начальникамъ для наложенія взысканій административнымъ порядкомъ, на ряду съ взысканіями съ рабочихъ за неисполненіе договоровъ. Этого я понять не могу. Говорятъ, что это нужно для быстроты распоряженій. Положимъ, такъ; положимъ, некогда обставлять судебное дѣло такъ, какъ оно обыкновенно обставляется. Такъ почему же не ввести для этихъ дѣлъ сокращеннаго судопроизводства, не отнимая ихъ изъ вѣдѣнія судей? Зачѣмъ увеличивать искусственно произволъ? Тѣмъ болѣе, что, какъ я уже доказалъ, ни для нарушеній договоровъ рабочими, ни для потравъ никакого особаго законодательства не требуется, такъ какъ нельзя признать въ нихъ никакого особаго государственнаго зла, которое одно могло бы извинить эти чрезвычайныя мѣры.

Впрочемъ, потравы являются особеннымъ явленіемъ въ крестьянской жизни, и стоитъ на этомъ вопросѣ остановиться. Потравы, по-моему, надо раздѣлить на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся между собой, если не по послѣдствіямъ, то по участію въ нихъ владѣльцевъ скота. Потравы могутъ быть случайныя, непреднамѣренныя, и могутъ быть злоумышленныя, когда хозяинъ нарочно пускаетъ свою скотину на чужіе луга или поля.

Первыя—потравы нечаянныя—неизбѣжное и неустранимое зло. Происходитъ это оттого, что у хозяина—одна лошадь, одна корова, одинъ поросенокъ. Самъ онъ занятъ на другой работѣ, баба отошла, взаперти держать скотину постоянно невозможно, скотина выбѣжала къ сосѣду на огородъ или въ поле, или и къ сосѣднему помѣщику въ садъ. Случается это часто, хотя, опять-таки, вреда отъ этого большого нѣтъ. Много ли одна скотина потравитъ? И до суда-то эти дѣла не доходятъ!

Впрочемъ, многіе помѣщики портятъ свои отношенія съ крестьянами именно изъ-за этихъ невольныхъ потравъ. За каждую загнанную скотину берется штрафъ, среднимъ въ рубль. Мужики платятъ, потому что легче заплатить штрафъ, чѣмъ судиться, да и скотина нужна; но такіе штрафы порождаютъ очень нежелательныя отношенія между помѣщикомъ и крестья-

нами,—отношенія, очень вредныя для обѣихъ сторонъ и доходящія иногда до весьма плачевныхъ послѣдствій. Настаиваютъ же на этомъ помѣщики потому, что не хотятъ признать, что мужикъ по совѣсти не виноватъ и часто самъ очень скорбитъ о происшедшемъ.

Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, надо бы не выводить дѣла изъ сферы гражданской, взыскивая только за причиненный и доказанный убытокъ. Разъ злого умысла нѣтъ—нѣтъ и уголовнаго проступка.

Другое дѣло—умышленныя потравы, когда лошадь пускается на чужіе луга или поля нарочно, чтобы ее накормить. Я лично такихъ случаевъ не видалъ, но читалъ и слышалъ, что кое-гдѣ запускаютъ такимъ образомъ нарочно чуть не цѣлыя стада. Тутъ является преднамѣренное, тайное пользованіе чужимъ имуществомъ съ корыстною цѣлью. Тутъ всѣ признаки воровства. Здѣсь я вижу поводъ къ наказанію даже серьезному.

Вообще, въ деревнѣ у насъ собственность мало ограждается закономъ отъ злоумышленниковъ. Тутъ есть тонкость, которой я не понимаю: украсть доску или дерево изъ бунта—кража, а съ большими приготовленіями пріѣхать въ лѣсъ, срубить и увезти то же дерево—самовольная порубка. Взять яблоко изъ кучки—кража, сорвать его съ яблони — самовольное срываніе плодовъ. Такимъ же образомъ законъ смотритъ на самовольное собираніе грибовъ въ чужомъ лѣсу, на самовольную потраву.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, у насъ изыскиваются чрезвычайныя мѣры, которыя часто губятъ невинныхъ, съ другой — законъ дѣлаетъ удивительныя послабленія негодяямъ. Сравнимъ отношенія къ чужой собственности у насъ и за границей. Въ Бельгіи вы видите по сторонамъ дорогъ ряды яблонь, грушъ, сливъ. Никто и не думаетъ ихъ срывать; если спросите, какъ это никто не срываетъ этихъ плодовъ, то услышите убѣжденный и удивленный отвѣтъ: «Какъ можно, да вѣдь это чужое?» Въ Берлинѣ я знаю такой случай: передъ домомъ — палисадникъ, отдѣленный отъ уличнаго тротуара желѣзной рѣшеткой. За рѣшеткой посажены розаны; одна вѣтка съ роза-

номъ пробралась черезъ рѣшетку и розанъ виситъ надъ тротуаромъ. Мальчишка идетъ мимо и срываетъ цвѣтокъ. Чтò же съ нимъ дѣлаютъ? Его судятъ какъ за кражу. У насъ же спилить чужую десятину лѣса да свезти къ себѣ—это не кража, а самовольная порубка.

Такимъ образомъ, законъ не стремится воспитывать народъ, указывая ему, чтò дурно и чтò хорошо, а поддѣлывается подъ его понятія, часто противорѣчащія естественному чувству уваженія къ чужой собственности.

Всѣ эти поползновенія на чужое добро, — въ томъ числѣ и преднамѣренныя потравы, — слѣдовало бы отнести къ разряду кражъ. Понятно, что при такой классификаціи нельзя бы было оставить для всѣхъ кражъ тюремное заключеніе; за маловажныя кражи, въ родѣ самовольныхъ потравъ, или кражи охабки мякины съ гумна, слѣдовало бы назначать арестъ болѣе или менѣе продолжительный, тюрьмой же наказывать кражи серьезныя, т.-е. больше чѣмъ на извѣстную сумму (хотя бы и лѣса, или побитаго скотомъ хлѣба) или кражи изъ построекъ, хотя бы незапертыхъ, кражи изъ кармана и тому подобныя.

Теперь же я замѣчаю страшную непослѣдовательность въ законѣ. Сопоставлю слѣдующіе проступки: 1) мужикъ, идя съ поденной, укралъ у помѣщика вязанку соломы—полтора мѣсяца тюрьмы; 2) мужикъ укралъ 50 рублей у сосѣда изъ кармана—двѣ недѣли ареста при волостномъ правленіи; 3) мужики преднамѣренно вырубили у землевладѣльца десятину лѣса—штрафъ; 4) у бабы выбѣжала овца на помѣщичій лугъ — новый законъ предполагаетъ кару, наложенную административнымъ порядкомъ.

Законъ долженъ соразмѣрять интенсивность наказанія согласно величинѣ проступка и наказывать злую волю, выразившуюся въ проступкѣ; изъ приведенныхъ только-что примѣровъ видимъ, что это требованіе у насъ не исполняется Если бы кто вздумалъ по наказаніямъ, налагаемымъ за проступки, составить себѣ понятіе о предосудительности ихъ, то долженъ бы придти къ болѣе чѣмъ страннымъ заключеніямъ. Очевидно, законъ гражданскій не примѣняется къ закону нравственному.

Мужикъ, который бы сталъ выводить понятія о добрѣ и злѣ изъ нашего уголовнаго кодекса, долженъ бы логически придти къ заключенію, что охабку соломы украсть у помѣщика грѣшнѣе, чѣмъ 50 рублей у мужика, и что упустить поросенка на огородъ помѣщика грѣшнѣе, чѣмъ съѣздить въ его лѣсъ за деревомъ.

Извиняюсь передъ читателемъ, что такихъ глубокихъ вопросовъ касаюсь въ своихъ запискахъ, не будучи даже юристомъ по образованію. Но эти мысли всѣ возникли во мнѣ во время моей службы; приходилось разбирать эти дѣла, наказывать мужика и производить на публику противоположныя впечатлѣнія то ужаса передъ драконовской строгостью моей, то презрѣнія къ моей слабости. Право, жизнь хорошій учитель, и не грѣхъ было бы прислушаться иногда и къ ея голосу!!

XXXVII.

Исправникъ и становой приставъ.

Много нареканій навлекаетъ на себя издавна полиція. Много за ней и грѣховъ водилось, да и теперь водится, хотя улучшенія много въ этомъ отношеніи, въ особенности въ уѣздной полиціи. Этому сильно способствовали подъемъ общаго народнаго сознанія права, проявившійся со времени уничтоженія крѣпостного права, и сравнительная гласность. Тѣмъ не менѣе нареканія, и притомъ справедливыя, продолжаются и понынѣ. Причинъ тому очень много. Главная — это само назначеніе полиціи слѣдить за исполненіемъ законовъ. Между тѣмъ, при шаткости нашихъ понятій о необходимости исполнить законъ и при безгласности крестьянъ, страдающихъ отъ его неисполненія, всегда въ рукахъ полиціи — составить протоколъ или не составлять, при сложности и неясности нашего закона всегда можно придраться, а можно и не придираться. Чистота домовъ, торговыхъ помѣщеній, недозволенная торговля, пребываніе евреевъ,— все можетъ служить поводомъ къ злоупотребленіямъ.

Остановить злоупотребленія могло бы поднятіе образовательнаго ценза полицейскихъ чиновъ. Между тѣмъ этотъ цензъ очевидно служитъ помѣхой къ тому, чтобы служить въ полиціи. Иначе, чѣмъ объяснить, что люди не только съ высшимъ образованіемъ, но и съ среднимъ встрѣчаются въ полиціи лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній?

Думаю, что причиной къ этому нежелательному положенію служатъ особыя свойства этой службы. Первымъ требованіемъ является отсутствіе инициіативы. Это — слѣпые исполнители не закона, а воли начальства. Чего-чего на полицію не возлагается, кромѣ ихъ прямыхъ обязанностей?

Другое послѣдствіе низкаго ценза полицейскаго—вошедшая въ пословицу грубость полиціи. Если появляется становой приставъ или исправникъ не дерущійся, а тѣмъ болѣе не ругающійся, то онъ какъ-будто кажется не исполняющимъ своихъ обязанностей. Понятенъ потому исконній страхъ народа передъ полиціей: и въ пѣсняхъ-то онъ проявляется, и дѣтей-то пугаютъ становыми.

Какъ же послѣ всего этого обвинять самого мужика въ грубости? Если баринъ грубъ, а становой приставъ для мужика—баринъ, то слѣдовательно,—грубость не зло. Вотъ вамъ воспитательное для народа значеніе полиціи!

До введенія земскихъ начальниковъ исправникъ былъ членомъ крестьянскаго присутствія. Какъ таковой, онъ ѣздилъ по цѣлой четверти уѣзда очень часто. Теперь эти обязанности съ него сняты; сами исправники мнѣ говорили, что теперь имъ очень хорошо въ служебномъ отношеніи. Подписалъ бумаги полицейскаго управленія и свободенъ! Въ уѣздѣ у него только и дѣла, что собираніе податей, а это труда, какъ мы увидимъ дальше, большого не составляетъ. Итакъ, дѣла исправнику текущаго мало. Чрезвычайныя же работы, въ родѣ набора, встрѣчъ начальства разнаго, а тѣмъ болѣе безпорядковъ въ уѣздѣ, требующихъ его присутствія, очень рѣдки.

Зато увеличилась трудность положенія исправника, заключающаяся въ необходимости лавировать между различными со-

служивцами по уѣзду. Онъ долженъ ладить съ предводителемъ, со многими земскими начальниками и съ высокопоставленными помѣщиками уѣзда.

Хотя мнѣ извѣстны случаи, гдѣ невозможность служить съ исправникомъ была причиною многихъ непріятностей для предводителей дворянства и для земскихъ начальниковъ, но въ большинствѣ случаевъ отъ этихъ недоразумѣній страдаютъ исправники. Поэтому тактъ есть главное требованіе, предъявляемое къ полиціи (я говорю, конечно, про тактъ по отношенію къ лицамъ, имѣющимъ въ уѣздѣ власть). Зависимость исправника и становыхъ приставовъ отъ отдѣльныхъ лицъ въ уѣздѣ происходитъ главнымъ образомъ отъ способа ихъ назначенія и увольненія. Они—всецѣло въ рукахъ губернатора, который можетъ исправника «для пользы службы» перевести въ становые или причислить къ штату губернскаго правленія. Если бы ихъ увольненіе отъ службы производилось тѣмъ же порядкомъ, какъ и для земскихъ начальниковъ, то, очевидно, самостоятельность ихъ была бы больше.

Мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ становой приставъ пострадалъ, благодаря своей честности: онъ вздумалъ требовать исполненія закона въ винномъ складѣ, принадлежащемъ лицу, котораго онъ не долженъ былъ касаться.

Если исправникъ можетъ безвыѣздно оставаться въ городѣ, то совсѣмъ иное дѣло—становой приставъ.

Его служба очень тяжела въ смыслѣ разъѣздовъ. И если исправникъ чуть не на всякомъ распоряженіи можетъ сдѣлать надпись: «для исполненія приставу такого-то стана», то нельзя того же сказать про пристава: многаго уряднику не передашь, какъ потому, что урядникъ—уже не чиновникъ, а низшій чинъ, такъ и потому, что урядникъ часто малограмотенъ.

Мертвое тѣло,—а ихъ очень много,—случай какой, продажа скота за недоимки крестьянскія, исполненія рѣшеній суда—все это гонитъ пристава въ станъ и въ распутицу, и въ непогоду. Кромѣ того, на нихъ лежитъ масса разсыльной работы: черезъ нихъ идетъ много повѣстокъ, объявленій землевладѣльцамъ о

какихъ-нибудь казенныхъ подрядахъ, статистическихъ затребованій, отобраній росписокъ. Большинство, конечно, поручается урядникамъ и сотскимъ, а иногда, когда дѣло касается помѣщиковъ, приходится ѣхать самому.

Между становымъ приставомъ и исправникомъ есть помощникъ исправника, который обыкновенно ведетъ дѣло полицейскаго управленія, что̀ еще сильно облегчаетъ и безъ того нетяжелыя обязанности самого исправника.

Обезпеченіе исправника сравнительно порядочное, живутъ они въ городахъ и большею частью имѣютъ возможность воспитывать дѣтей. Другое дѣло—становой: содержаніе его не велико, а если принять во вниманіе, что онъ обязанъ держать письмоводителя, расходоваться на канцелярскія принадлежности, выписку обязательныхъ газетъ — то и вовсе ничтожное. При этомъ они живутъ въ селахъ, дѣтей же для образованія должны везти въ городъ. Горе приставу, если у него ихъ много! Такъ и останутся безъ образованія... Я знаю пристава, у котораго семь человѣкъ дѣтей: каждый годъ ему приходится отправлять въ городъ однимъ больше, чѣмъ въ предыдущій годъ. Какъ тутъ быть?

Желательность подъема образовательнаго уровня полицейскихъ чиновъ еще очевиднѣе, если принять во вниманіе, сколько на становомъ приставѣ обязанностей чисто юридическихъ по направленію судебныхъ дѣлъ и по слѣдствіямъ. Масса неправильностей была бы устранена, а главное—не было бы злоупотребленій при допросахъ, на которыя жалуются часто подсудимые на судѣ и фактъ которыхъ удостовѣряется многими чинами судебнаго міра.

XXXVIII.

Урядникъ и сотскій.

Когда въ семидесятыхъ годахъ введены были урядники, они встрѣчены были общимъ несочувствіемъ, которое продолжается до сихъ поръ и котораго я никакъ раздѣлить не могу. По-моему, главный недостатокъ въ этомъ институтѣ тотъ, что урядниковъ слишкомъ мало. Вообще, въ деревнѣ имущество, да и личность очень мало ограждаются. Если кое-какія преступленія раскрываются у насъ, такъ это только благодаря урядникамъ.

Урядникова дѣятельность распространяется на районъ приблизительно въ 30,000 жителей; естественно, что ежедневно у него случаются преступленія, которыя бы требовали его дознанія. Очевидно тоже, что онъ можетъ по горячимъ слѣдамъ производить эти дознанія, только когда преступленія выдающіяся—убійства, грабежи и кражи у крупнаго и вліятельнаго лица. Масса же кражъ проходитъ или вовсе безъ дознанія, или съ формальнымъ дознаніемъ, оканчивающимся протоколомъ, что виновные не разысканы.

Всѣ эти дознанія требуютъ урядника, и именно урядника, потому что разыскиваніе преступника сопряжено съ тяжелою и грязною жизнью. Оставаться по двѣ ночи безъ сна, чтобы на третью заснуть въ сараѣ въ холодъ, ходить иногда по кабакамъ, а то и принимать побои, вотъ что̀ часто выпадаетъ на долю урядника и на что̀ неспособенъ человѣкъ, привыкшій къ комфорту.

Если принять во вниманіе, что у урядника еще масса другихъ побочныхъ дѣлъ: присутствованія на базарахъ, на торжествахъ, встрѣчи всевозможнаго начальства, явокъ на разборы у земскаго начальника, сопутствованія начальства на охоту и проч., то мы увидимъ, что не всегда его хватаетъ даже для серьезныхъ дознаній.

Конечно, есть грѣхи, и большіе, у урядниковъ, но грѣхи,

легко устранимые. Такъ, урядникъ получаетъ 40 рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги онъ долженъ содержать семью на квартирѣ, лошадь со сбруей, кормиться самъ въ разъѣздахъ и имѣть приличный мундиръ, а для явокъ передъ важнымъ начальствомъ—и мундиръ съ иголочки новый. Ему этого жалованья не хватаетъ, потому что онъ имѣетъ нѣкоторыя потребности, которыхъ нѣтъ у мужика. Естественно потому, что онъ норовитъ самъ поѣсть даромъ, да и лошадь накормить даромъ. Но стоитъ начать,—путь злоупотребленій скользкій и трудно бываетъ остановиться. Недостаточность содержанія толкаетъ его на взятки.

Другой недостатокъ урядника это—грубость и драчливость, доходящія до истязанія подозрѣваемыхъ. Тутъ виноватъ не онъ, а его руководители, требующіе отъ него, главнымъ образомъ, розыска виновныхъ и не обращающіе вниманія на употребляемыя имъ средства. Это—страшное зло, дѣлающее урядниковъ непопулярными. Дайте ему болѣе культурныхъ руководителей, и типъ урядника выработается иной.

Тѣмъ не менѣе, урядникъ по дѣятельности сыщика способенъ прямо-таки на подвиги самоотверженія. Я знаю много фактовъ, гдѣ, выслѣживая преступника, они переѣзжали подолгу въ сосѣднія губерніи, чтó сопровождалось значительными расходами денегъ и силъ. Разыщетъ преступника, и деньги израсходованныя не возвратятся, да и награды, кромѣ благодарности—тоже никакой.

Прибавьте ему жалованья, дайте руководителя съ юридическимъ образованіемъ, не заставляйте стоять у подъѣзда на вытяжку, когда нѣсколько гостей собралось,—и вы увидите, что урядникъ будетъ другой.

Трудность дѣятельности урядника усиливается тѣмъ, что у него—невозможные помощники. Сотскіе и десятскіе положительно никуда негодны.

Когда осенью наступаетъ время выборовъ, то стараются выбирать на эти должности что ни на есть худшій народъ. Рѣдкій пропойца не былъ сотскимъ. Послѣ ихъ выборовъ нѣкоторое

время проходитъ въ процедурѣ ихъ утвержденія. Наконецъ они въ февралѣ получаютъ право вывѣшивать свои бляхи, т.-е. вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Ни на какую самостоятельную дѣятельность они, очевидно, не способны: народъ на нихъ смотритъ съ презрѣніемъ; ни страха, ни уваженія они ни въ комъ не внушаютъ. Начинается ихъ дежурство у приставовъ и урядниковъ, начинаютъ съ палками ходить по базарамъ, оттаскивать пьяныхъ, разносить и развозить пакеты, ходить за скотиной пристава, урядника. Вотъ ихъ главныя обязанности!

Впрочемъ, служа даромъ, насильно, неохотно, хочетъ же и онъ себя чѣмъ-нибудь вознаградить за всѣ эти невзгоды: начинаетъ онъ искать даровыхъ стаканчиковъ водки, да собирать яйца. Сорветъ ихъ по два, по три съ дома, и соберется порядочно. Для этого онъ надѣваетъ бляху и идетъ провѣрять колодцы, печи. Входитъ въ домъ и, не глядя на отсутствіе хозяина, начинаетъ придираться, что печка плоха и грозитъ пожаромъ. Чтобы отвязаться, даетъ ему баба пару яицъ, и печка становится хороша.

Горе, когда десятскій начинаетъ проявлять дѣйствительную самостоятельность. Бываетъ это въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, если въ селѣ пожаръ, то онъ, вывѣсивъ бляху, направляется палкой заставлять народъ работать,—причемъ, конечно, только мѣшаетъ. Бываетъ, баба, измученная побоями, поступитъ куда-нибудь по сосѣдству къ священнику или землевладѣльцу въ кухарки. Тогда сотскій мѣстный идетъ къ сотскому, гдѣ живетъ баба, и они съ вывѣшенными бляхами идутъ силой ее водворять къ мужу. Въ этихъ случаяхъ они получаютъ всеобщее одобреніе мужиковъ, такъ какъ это считается у нихъ исполнить законъ. Когда волостные выборные, какъ я уже писалъ, изображаютъ изъ себя судей, то исполненіе рѣшенія, т.-е. принесеніе изъ кабака водки, возлагается иногда на десятскаго.

Что̀ уряднику дѣлать съ такими помощниками? Въ лучшемъ случаѣ они при дознаніи исполняютъ обязанности караульныхъ

при мертвомъ тѣлѣ или при вещественныхъ доказательствахъ. Но эти же обязанности такъ же хорошо исполняются и понятыми.

Остается разсылочная служба ихъ, да прислуживаніе начальству. Не лучше было бы становому приставу прибавить жалованья рублей триста на разсыльныхъ, а уряднику рублей сто?

Если даже сотскій и начинаетъ немного дрессироваться, то это происходитъ къ концу года, а тутъ-то уже ему и смѣняться. Прежде срокъ службы ихъ былъ трехлѣтній. Для службы это, конечно, было лучше, но нельзя же было и оставить его: ужъ очень больно, да и для хозяйства сотскаго убыточно тянуть три года эту лямку!

Вотъ результатъ даровой службы. Сама мысль заставлять отбывать полицейскую службу въ видѣ натуральной повинности явно несостоятельна. Года три тому назадъ всѣ газеты обошелъ слухъ, что готовится законъ о введеніи полицейской стражи въ деревняхъ. Такой проектъ, я думаю, очень былъ бы полезенъ. Если въ селахъ учредить пѣшую полицейскую стражу, примѣрно по одному человѣку на восемь, на десять тысячъ жителей, изъ унтеръ-офицеровъ, съ жалованьемъ рублей въ 200—240, то урядники получили бы на мѣстахъ хорошихъ помощниковъ; эти помощники способствовали бы раскрытію преступленій, о которыхъ теперь некому хлопотать. При нашемъ теперешнемъ же положеніи кражи у крестьянина, по недостатку полиціи, часто и не удостоиваются серьезныхъ дознаній. Каждому деревенскому жителю извѣстны случаи поджоговъ, чуть ли не явныхъ. Будь сыщикъ, эти преступленія могли бы быть раскрыты.

Мы, вообще, часто привыкли переносить злоупотребленія, связанныя съ институтомъ, на самый институтъ. Лучше было бы бороться съ этими злоупотребленіями, а не подкапываться подъ самое учрежденіе. Пока будутъ преступники, должны быть сыщики, только надо умѣло ими руководить.

Но и тутъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же возраженіемъ—денегъ нѣтъ. На школы—денегъ нѣтъ, на суды хорошіе—денегъ нѣтъ, на полицію—денегъ нѣтъ. Деревня наша должна нести непосильныя тяготы податей, но если мы посмотримъ, что

ей изъ всего этого возвращается, то поневолѣ придется ее пожалѣть.

Тутъ опять приходитъ на умъ послѣдняя наша декларація о мирѣ, тотъ призывъ къ расходамъ плодотворнымъ, къ заботамъ о культурѣ. Онъ нѣкоторымъ, можетъ быть, кажется неисполнимымъ, какъ казалось бы неисполнимымъ повсемѣстное уничтоженіе рабства триста лѣтъ тому назадъ. Но первый призывъ сдѣланъ, и человѣчество отъ этого идеала не откажется. Будемъ радоваться, что призывъ этотъ исходитъ отъ нашего Царя! Будемъ надѣяться, что не такъ уже далеко время, когда намъ можно будетъ привѣтствовать возрожденіе деревни.

XXXIX.

Собираніе податей.

Повинности крестьянскія состоятъ изъ трехъ частей: казенный, т.-е. государственный поземельный сборъ и выкупные платежи, земскія и частныя мірскія повинности. Размѣръ платежей, причитающихся на одну душу, различный въ разныхъ деревняхъ, судя по тому, на какія души производится счетъ, — ревизскія или наличныя, сколько на душу ту или другую приходится земли, сколько тѣхъ или другихъ платежей. Въ общемъ на наличную душу надо считать 7—8 рублей годового платежа, т.-е. рубля 3—4 на десятину земли. Составляетъ это приблизительно половину арендной платы за землю. Это у насъ на черноземѣ. Въ промышленномъ и пріозерномъ районахъ, гдѣ земля плоха, повинности часто землей не окупаются и превращаются какъ бы въ личную подать, такъ какъ крестьянинъ часто бы съ удовольствіемъ отказался отъ земли.

Собираніе податей, приходящееся у насъ на осень,—главный моментъ въ крестьянской жизни. Какъ это собираніе сойдетъ, составляетъ главный предметъ его заботъ. Только заплативъ подати, онъ спокойно можетъ себѣ сказать, что оставшееся у него принадлежитъ ему. Что это—важное дѣло и съ точки зрѣнія

государственной, видно изъ того, какъ много лицъ къ нему привлечено. Исправникъ со становыми приставами искони былъ главнымъ собирателемъ податей. Теперь министерскимъ циркуляромъ привлечены къ этому дѣлу и земскіе начальники; наблюдателями за ними состоятъ и податные инспектора. Нѣкоторое руководительство возложено и на уѣздный съѣздъ, гдѣ всѣ эти лица сходятся.

Очевидно, что всѣмъ въ одно дѣло одинаково вмѣшиваться нельзя: выйдетъ путаница. Поэтому и фактически собираніе податей лежитъ главнымъ образомъ попрежнему на исправникѣ. Иногда, если земскій начальникъ ревниво охраняетъ свое вліяніе въ участкѣ, онъ беретъ на себя эти обязанности, но довѣрить ему это исправникъ можетъ только, если въ немъ увѣренъ. Есть исправники, которымъ власть поругать и оштрафовать старшину кажется настолько пріятною, что они ею не поступятся ни въ какомъ случаѣ. Тогда земскому начальнику не остается ничего другого, какъ отступиться отъ этого дѣла, такъ какъ двухъ равноправныхъ распорядителей въ одномъ и томъ же дѣлѣ быть не можетъ, исполнять же роль исправникова помощника никто не согласится.

Податной инспекторъ—не прямой начальникъ старшины, потому его роль ограничивается ролью наблюдателя: онъ можетъ писать побужденія волостному правленію, жаловаться на старшинъ земскимъ и исправникамъ, писать своему начальству, но давать опредѣленныя приказанія, сколько, гдѣ и какъ взыскивать, онъ не можетъ.

И такъ, за рѣдкими исключеніями, когда исправникъ бразды правленія добровольно передаетъ земскому начальнику, собираніе податей всецѣло лежитъ на исправникѣ.

Остается уѣздный съѣздъ. Помню наши горячіе споры въ съѣздѣ о платежныхъ средствахъ мужиковъ; помню, что мы представляли наши мнѣнія; но собственно указать исправнику, что съ такого-то села нужно взять тогда-то, столько-то,—съѣздъ не можетъ. Можетъ быть и принимаются въ разсчетъ желанія съѣзда, но дѣло все-таки идетъ какъ будто само по себѣ. Однимъ

словомъ, завѣдуетъ сборомъ податей исправникъ. Всѣ остальныя, привлеченныя къ дѣлу лица остаются какъ бы въ сторонѣ.

Въ чемъ же заключается его дѣятельность? Каждый мѣсяцъ разъ или два въ городъ являются всѣ старшины и писаря съ вѣдомостями о томъ, сколько состояло за каждымъ обществомъ, сколько внесено въ эту сдачу и сколько осталось вносить. Тутъ происходитъ раздача наградъ, т.-е. благодарностей внесшимъ много, и наказаній, т.-е. пятирублевыхъ штрафовъ, не съумѣвшимъ представить удовлетворительный сборъ.

Все это ничего, если бы при этомъ не допускалось двухъ нежелательныхъ явленій. Первое, это удивительное однообразіе требованій, несогласующееся съ мѣстными обстоятельствами. Когда исправники были членами крестьянскихъ присутствій, они знали уѣздъ,—знали, чѣмъ, когда платятъ мужики въ разныхъ селахъ... Они, какъ члены присутствія, считали себя администраторами и старались обнять крестьянскую жизнь со всѣхъ сторонъ; теперь же, когда за ними осталась одна полицейская власть, они, кромѣ «вынь да положь», не знаютъ часто ничего. Напримѣръ, занимается село табакомъ; табакъ обыкновенно продается въ ноябрѣ; между тѣмъ до ноября старшина уже бываетъ оштрафованъ три или четыре раза. Вліяетъ это скверно: населеніе вынуждено продавать тотъ же табакъ или хлѣбъ, котораго бы оно не продало, за безцѣнокъ—и все потому, что исправникъ не знаетъ, да и знать не хочетъ мѣстныхъ условій.

Для старшины эти штрафы не страшны: штрафъ можно сложить. Это я говорю по практикѣ; конечно, по закону этого не можетъ быть, но повсемѣстная практика и земскихъ начальниковъ, и исправниковъ такова, что назначавшій штрафъ можетъ и сложить его. Да это и хорошо, потому что часто они накладываются не по заслугамъ! Итакъ, штрафъ исправника—скорѣе угроза старшинѣ о возможности лишиться къ новому году извѣстнаго числа пятерокъ, если онъ не исправится. Но другое при этомъ нежелательное явленіе—это ругательства, которыми старшина иногда осыпается, если онъ вздумаетъ объяснять плохое поступленіе. Этихъ ругательствъ дальнѣйшей похвалой не за-

гладишь. Жаловаться на нихъ, очевидно, нельзя, потому что это—явленіе обычное, повсемѣстное и практикой узаконенное. Все-таки больно иному старшинѣ или писарю выслушивать это. Поэтому явокъ въ городъ къ исправнику онѝ не любятъ и боятся ихъ. Есть еще наказаніе, которое исправникъ можетъ накладывать на старшину и старосту—это арестъ. Но такое дѣйствіе исправника, понятно, всегда очень не нравится земскимъ начальникамъ. Во избѣжаніе столкновеній съ земскимъ начальникомъ, старшина всегда ограничивается штрафами,—правда, очень щедро расточаемыми.

Перейдемъ ко второй части этой работы—къ домашней. На мѣстѣ подати собираетъ староста, подъ руководствомъ старшины. Староста слѣдитъ за тѣмъ, когда у мужика деньги, встрѣчаетъ его при возвращеніи домой съ базара послѣ продажи хлѣба; жалуется старшинѣ, когда ужъ очень плохо платятъ, и тогда вмѣстѣ начинаютъ принимать мѣры: сажаютъ въ холодную неплательщиковъ. Иногда ихъ загоняютъ туда чуть не по тридцати человѣкъ, такъ что ни лечь, ни сѣсть нельзя. Все бы это еще ничего, если бы дѣлалось по-Божески; если бы впередъ брались за богатыхъ, другимъ давали бы отсрочку и т. д.,—однимъ словомъ, если бы староста и старшина всегда входили въ положеніе людей и общими силами старались добиться, чтобы и подати были собраны, и мужики не особенно пострадали.

Къ сожалѣнію, не такъ всегда бываетъ. Часто богачамъ-то и мирволятъ; у богачей такая отговорка: «вы съ нищаго сосѣда-то возьмите, съ меня-то всегда получите». Такъ и дѣлаютъ. Богачъ выжидаетъ цѣны, бѣднякъ везетъ сѣменной овесъ за безцѣнокъ. Отсрочки сопровождаются поднесеніями начальству, вознаграждающими за исправниковы штрафы. Эти несправедливости, гдѣ онѣ практикуются, особенно озлобляютъ мужиковъ.

Сборщикъ является только хранителемъ общественныхъ денегъ, пока онѣ не внесены въ казначейство, но не участвуетъ въ сборѣ. По мѣрѣ развитія грамотности сборщиками избираются люди болѣе или менѣе грамотные, записывающіе полу-

чаемыя деньги. Но какъ они прежде справлялись, когда и книжекъ податныхъ не было, какъ они пользовались бирками, какъ помнили, сколько съ кого причитается,—думаю, ни одинъ математикъ не пойметъ. Впрочемъ, путаницы бываютъ и теперь, но больше не злонамѣренныя.

По-моему, изъ этого ясно, что теперешній порядокъ нехорошъ. Оставлять такое дѣло въ полномъ распоряженіи исправника невозможно. Слышалъ я, что готовится проектъ измѣненія податной системы, но сущности новаго проекта не знаю. Передать все дѣло въ руки земскихъ начальниковъ тоже неудобно, въ виду различія взглядовъ на дѣло. Податной инспекторъ не имѣетъ и не можетъ имѣть власти надъ старшинами. Поэтому думаю, что руководство дѣломъ должно было бы оставить за съѣздомъ, причемъ непремѣннымъ членомъ являлся бы податной инспекторъ, а исполнителями предначертаній съѣзда—земскіе начальники.

Каждое бѣдствіе, какъ всего уѣзда, такъ и отдѣльныхъ селъ, могло бы быть оцѣнено правильно съѣздомъ: съѣздъ бы и назначалъ,—насколько запускать недоимку, въ случаѣ бѣдствія,—насколько пополнять ее, если годъ хорошъ. Съѣздъ лучше всего опредѣлялъ бы сроки платежа, сообразуясь съ мѣстными условіями каждаго села. На полицію же мы привыкли смотрѣть, какъ на убѣжище, когда сами не справимся. Она пускаетъ въ ходъ мѣры чрезвычайныя. При сборѣ податей чрезвычайныя мѣры состоятъ въ продажѣ крестьянскаго имущества. Какъ она теперь справляется съ этимъ, увидимъ изъ слѣдующаго письма.

XL.

Продажи у крестьянъ за недоимки.

Въ предыдущемъ письмѣ я говорилъ о собираніи податей нормальнымъ, ежегодно повторяющимся въ каждомъ селѣ порядкомъ. Но бываютъ случаи, когда, несмотря на штрафы старшинъ и на сажанія въ холодную, подати идутъ туго. Тогда при-

мѣняются мѣры чрезвычайныя, заключающіяся въ продажѣ крестьянскаго имущества. Предварительная работа заключается въ составленіи волостными правленіями описей крестьянской скотины и всего имущества; описи идутъ на разсмотрѣніе земскаго начальника, который, назначивъ, что̀ можно продавать безъ разстройства крестьянскаго хозяйства, отправляетъ ихъ въ съѣздъ, разрѣшающій продажу. Исправникъ поручаетъ исполненіе самой продажи становому приставу. Къ извѣстному дню скотина вся сгоняется къ волостному правленію и совершается продажа.

На практикѣ картина значительно измѣняется. Есть исправники, которые каждый годъ въ августѣ приказываютъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ дѣлать описи всему крестьянскому имуществу. Дѣлаютъ они это, чтобы описи были готовы на всякій случай и чтобы мужики знали, что съ ними шутить не намѣрены. Не говоря о томъ, что работа эта, — работа громадная, — совершенно въ большинствѣ случаевъ безъ надобности отягощаетъ и безъ того заваленныя дѣломъ волостныя правленія,—самая система эта очень вредна для дѣла. На мужиковъ она производитъ дѣйствіе какъ разъ обратное желаемому. Когда я, по соглашенію съ исправникомъ, собиралъ подати, я избѣгалъ описей. Опись должна быть пугаломъ, предшествующимъ продажѣ. Продажа — весьма нежелательное явленіе, а потому и пугать ею нужно, какъ можно рѣже и при крайности. При системѣ же повсемѣстныхъ описей мужики къ нимъ привыкаютъ и онѣ никакого вліянія не производятъ.

При составленіи описей волостныя правленія прямо и отмѣчаютъ, что̀ можетъ быть продано; поэтому провѣрка ихъ земскими начальниками затрудненія не представляетъ. Далѣе мы увидимъ, почему этотъ трудъ ихъ даже является излишнимъ. Съѣзду, конечно, нѣтъ времени описи провѣрять, и онъ, на основаніи отмѣтки земскаго начальника, разрѣшаетъ продажи.

Когда становой приставъ является производить продажу, то эти описи, къ сожалѣнію, въ разсчетъ не принимаются. Это я говорю утвердительно, что̀ бы ни возражала противъ этого по-

лиція. Мужики не знаютъ, что̀ разрѣшено къ продажѣ и что̀ нѣтъ, и потому возражать не могутъ; становой же приставъ знаетъ только одно, что если онъ не представитъ значительной суммы, то ему же достанется. Вотъ онъ и начинаетъ продавать все: послѣднюю лошадь, верхъ отъ избы, бабьи холсты. Ни плачъ, ни крикъ дѣтей,—ничто не можетъ остановить крестьянскаго разоренія.

Есть, конечно, крестьяне, которые не платятъ, хотя у нихъ и деньги есть: какихъ оригиналовъ нѣтъ на свѣтѣ! На такихъ указываютъ становые и исправники, говоря, что мужики могутъ платить, да не хотятъ. Но развѣ единичные факты что-нибудь значатъ? Вѣдь говорятъ же, что исключенія подтверждаютъ правило?

Другое, чѣмъ хвалятся они, это—то, что рѣдкая скотина, а тѣмъ болѣе вещь продается въ дѣйствительности. Когда видятъ, что ничего не подѣлаешь, мужики платятъ. Изъ этого опять заключаютъ, что они не хотятъ платить добромъ. Фактъ вѣренъ; продажъ дѣйствительныхъ почти что не бываетъ; мужики денегъ разыскиваютъ. Но спросите ихъ, мужиковъ, какъ они нашли эти деньги... Иногда они продали добровольно чуть не все, что̀ имѣютъ; иногда закабалили себя на годъ или болѣе — иногда заложили послѣднюю полосу земли. Охъ, ужъ и раздолье при этомъ какое деревенскимъ кулакамъ! Вотъ цѣна этихъ добровольныхъ взносовъ... Есть чѣмъ хвалиться полицейскимъ властямъ!

Газеты полны описаній возмутительныхъ сценъ, которыя бываютъ при продажахъ. Въ деревнѣ только и разговоровъ, что о дѣйствіяхъ того или другого становаго. Но, съ другой стороны, можно ли винить и полицію? Разъ кругозоръ полиціи извѣстенъ, разъ дѣло такой важности для государства и для благосостоянія народа поручено полиціи, — очевидно, и исполнено оно можетъ быть полиціей только тѣми пріемами, которые доступны полиціи по ея кругозору. Невиновата полиція, что плохо исполняетъ то, чего хорошо исполнить не можетъ.

Есть другого рода продажи, которыя производятся не по-

лиціей, а самимъ обществомъ по приговорамъ. Это дѣлается въ тѣхъ обществахъ, гдѣ большинство платитъ безнедоимочно, а недоимка накопилась за нѣсколькими бѣдняками. Тутъ составляются приговоры объ отобраніи отъ нихъ земли, и люди обезземеливаются самимъ обществомъ, желающимъ себя оградить отъ платежей по круговой порукѣ.

Говоря объ опекахъ, о призрѣніи неспособныхъ къ труду, я указывалъ, какъ мало сходъ входитъ въ нужды отдѣльныхъ лицъ и какъ заботится только о томъ, чтобы всему сходу не пострадать отъ нихъ. Такимъ же образомъ поступаютъ они и съ бѣдняками. Разъ земля его сдана за недоимки на слѣдующій годъ для уплаты текущихъ податей, онъ вынужденъ опять ее сдавать. Дѣлается это въ декабрѣ на сходѣ. Тутъ опять кулаки снимаютъ землю за безцѣнокъ. Сопротивляться сдачѣ бѣднякъ не можетъ, даже если она не обставлена приговоромъ, такъ какъ ему сходъ житья не дастъ.

Продажи земли, якобы добровольныя, сопровождаются иногда сценами до невѣроятности возмутительными. Иногда въ ноябрѣ староста съ десяткомъ - двумя міроѣдовъ идутъ по домамъ, требуя подати. Тутъ же заставляютъ бѣдняковъ писать условія на сдачу земли, чуть не силой отбираютъ вещи... якобы въ залогъ. Правда, за бутылку водки можно на недѣлю, на двѣ откупиться. Все это дѣлается безъ приказанія, безъ разрѣшенія какого бы то ни было начальства. Будетъ слѣдствіе — староста окажется правъ: онъ вѣдь собиралъ подати, земля сдана добровольно, на сходѣ тѣ же кулаки, тѣ же міроѣды—всѣ будутъ за старосту. Все это окажется кляузами пропойцъ противъ хорошихъ домовитыхъ домохозяевъ. Вѣдь всякій бѣднякъ у насъ — пропойца, всякій кулакъ — трудолюбивый, домовитый хозяинъ! Бѣдняки это знаютъ и даже не жалуются. Все это невѣроятно, но, къ сожалѣнію, это такъ.

XLI.

Обѣднѣніе крестьянъ.

Куда теперь ни поѣдешь, вездѣ слышишь жалобы на разореніе мужиковъ. Вспоминаютъ старые годы—годы довольствія, гдѣ въ рѣдкомъ домѣ крестьянскомъ не хватало хлѣба до нови, гдѣ варились хорошія браги, гдѣ свиньи поросились въ одоньяхъ. И теперь еще видны кое-гдѣ уцѣлѣвшія отъ огня старыя крестьянскія постройки изъ лѣса въ обхватъ толщиной.

Не то мы видимъ теперь: дома дѣлаются все меньше, все холоднѣе, недолговѣчнѣе; пища все нездоровѣе, все хуже,—и качественно, и количественно; одежда все менѣе и менѣе защищаетъ отъ мороза... Картина всѣмъ извѣстна—останавливаться на ней долго не стоитъ. Всякій деревенскій житель знаетъ при этомъ, что благосостояніе крестьянское изъ года въ годъ ухудшается.

Между тѣмъ, мы постоянно слышимъ, что экономическое положеніе крестьянъ изслѣдуется статистикой земской и государственной, что для изученія его назначаются коммиссіи. Наука еще не выработала точныхъ формулъ для опредѣленія степени состоятельности населенія. Слишкомъ это — сложная функція! Считаютъ безлошадные дворы, хотя не всегда лошадь въ домѣ и нужна (мастеровые); сравниваютъ сумму долговъ, лежащихъ на губерніи, хотя есть деревни, не накопившія ни копѣйки недоимки, а между тѣмъ въ пухъ разоренныя. Эти цифры—характерные признаки обѣднѣнія, но не могутъ служить къ точному опредѣленію его. Самъ же по себѣ фактъ обѣднѣнія бросается въ глаза. Это—уже не вопросъ.

Не менѣе очевидны и причины нищеты. Народъ богатѣетъ, если доходы превышаютъ расходы,—бѣднѣетъ, если доходовъ не хватаетъ на покрытіе расходовъ. Между тѣмъ, доходы постепенно убываютъ. Народонаселеніе, несмотря на страшную смертность и на переселенія, увеличивается; земли на душу стано-

вится меньше, земля выпахивается; вслѣдствіе недостатка культуры, никакіе новые промыслы не служатъ подспорьемъ при малоземельѣ. Другой источникъ доходовъ—заработки, не только не усиливается, но уменьшается, такъ какъ бѣдность мужика гонитъ его все раньше и раньше запродавать свой трудъ, причемъ заработная плата дѣлается соотвѣтственно все ниже и ниже. Говорить же про лѣнь мужика, не знающаго отдыха въ рабочую пору, могутъ только люди, незнакомые съ мужикомъ или смотрящіе на него съ предвзятою мыслью. Ясно, слѣдовательно, что доходы крестьянскіе уменьшаются.

Обратимся къ расходамъ. Расходы у мужика двоякіе: подати и удовлетвореніе потребностей. Подати все тѣ же, и имѣютъ скорѣе наклонность повышаться, такъ какъ земство, несмотря на полное оскудѣніе, стремится кое-какъ содѣйствовать культурному развитію народа. Подати въ среднемъ составляютъ рублей 7—8 на наличную душу, т.-е. 3 руб. 50 коп. — 4 руб. на десятину земли—половину арендной платы. Понятно поэтому, что крестьянамъ не хватаетъ денегъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей.

Правда, часть крестьянскихъ денегъ идетъ на вино, которое трудно назвать насущною потребностью въ томъ видѣ, въ какомъ мужикъ его пьетъ. Но, изучая мужика, легко убѣдиться, что въ пьянствѣ его приходится винить не столько его самого, сколько насъ, его воспитателей. Впрочемъ, народное пьянство—настолько важный факторъ въ крестьянской жизни, что придется посвятить ему особое письмо. Теперь, впрочемъ, умѣстно замѣтить, что если Козловскій уѣздъ, по грубому вычисленію, выпиваетъ на милліонъ рублей въ годъ, то собственно вино стоитъ всего тысячъ двѣсти, восемьсотъ же тысячъ, въ видѣ акциза, могутъ быть причислены къ тѣмъ же повинностямъ.

О какой бы сторонѣ крестьянской жизни я ни говорилъ, естественно сдѣлать выводъ изъ сказаннаго. Мало указать недостатокъ: надо предложить его лѣченіе. Въ данномъ же случаѣ мнѣ приходится признаться въ полной своей некомпетентности. Затрогивать самые общіе государственные вопросы могутъ люди,

имѣющіе или по своему научному образованію, или по практикѣ государственный кругозоръ. Фактъ для меня, какъ и для всякаго, ясенъ: беретъ государство съ деревни массу денегъ,—даже больше, чѣмъ деревня можетъ заплатить. Выкупные платежи, акцизъ на вино, табакъ, спички, керосинъ, громадныя провозныя платы за хлѣбъ по желѣзнымъ дорогамъ,—все это главнымъ образомъ лежитъ на мужикѣ. Получаетъ же мужикъ съ государства весьма мало. Жалованье мѣстныхъ властей, ничтожныя копѣйки на церковную школу—вотъ и все... Очевидно, мужикъ—въ накладѣ.

Другой вопросъ: можно ли выйти изъ этого положенія? Этого я не знаю.

До 12 августа 1898 года положеніе казалось безвыходнымъ, но теперь выходъ изъ него указанъ самимъ Царемъ.

Разъ мы услыхали, что непосильное военное бремя есть лишь временное, неизбѣжное зло—мы можемъ легко вздохнуть. Придетъ часъ, что и мужику будетъ лучше. Но если принять во вниманіе, что лучше будетъ житься мужику только, когда поднимется его культура, а съ другой стороны, что поднять его культуру нельзя въ нѣсколько лѣтъ, какъ можно построить Сибирскую желѣзную дорогу, — то поневолѣ приходится жалѣть, что столько времени уже потеряно.

Трудно вѣрится, чтобы, при полуторамилліардномъ бюджетѣ, расходъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ на низшее народное образованіе являлся совершенно непосильнымъ. Между тѣмъ, когда подлежащія вѣдомства получатъ на то лишнихъ двѣсти—триста тысячъ, то это считается чуть ли не за побѣду надъ невѣжествомъ. Жалкая побѣда, не усиливающая бюджета народнаго просвѣщенія пропорціонально приросту населенія!

Мнѣ потому пришлось опять заговорить про народное невѣжество, что не могу въ немъ не видѣть источника всѣхъ нашихъ бѣдъ еще и по слѣдующей причинѣ. Мы видѣли, что бѣднѣемъ отъ перевѣса расхода надъ доходомъ. Положимъ, государство можетъ очень легко сократить наши расходы. Мы почувствуемъ себя лучше. Но надолго ли? Очевидно, продолжающійся при-

ростъ населенія, увеличивающееся малоземелье снова понизятъ доходность души. Опять придется переживать то же самое бѣдственное положеніе, но сокращать расходы уже будетъ нельзя! Очевидно, однимъ уменьшеніемъ расходовъ многаго не добьемся. Выходъ одинъ — усиливъ культуру, открыть народу новые горизонты, новые источники дохода и обогащенія. Чѣмъ раньше мы въ школѣ будемъ искать выхода изъ этого заколдованнаго круга, тѣмъ лучше.

XLII.

Льготы по платежамъ недоимокъ.

Непосильные платежи повлекли за собой большія недоимки. Есть общества, за которыми числятся въ недоимкѣ два годовыхъ оклада, не считая долговъ продовольственныхъ. Для такого общества каждая осень есть время разоренія; понятно, что недоимщики бѣднѣютъ все больше и больше. Заводиться хозяйствомъ не стоитъ—все равно распродадутъ. Завелся двугривенный — лучше пропить его; вѣдь не покроешь недоимки въ 200 рублей двугривенными. Естественно, что въ такомъ обществѣ параллельно съ увеличеніемъ нищеты возрастаетъ и недоимка. Не знаешь, бѣдность ли родитъ недоимку, недоимка ли родитъ бѣдность! Ясно, что нищета при этомъ идетъ съ прогрессирующей скоростью.

Главный крестьянскій платежъ — выкупной — составляетъ болѣе половины всѣхъ повинностей. Одно утѣшеніе остается для крестьянъ, что это платежъ временный. Бо́льшая половина 49-лѣтняго срока платежа этихъ повинностей уже прошла. Остается платить въ большинствѣ случаевъ лѣтъ 20. Какъ ни бѣдны мужики, они не теряютъ надежды домучиться эти 20 лѣтъ. Исправныя общества изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы безнедоимочно дотянуть до срока; недоимщики знаютъ, что вмѣсто 20 лѣтъ имъ придется платить 22 года; но конецъ все-таки виденъ:

есть надежда получить облегченіе, если не себѣ подъ старость, то хоть дѣтямъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ явилась для мужиковъ льгота. Это *отсрочка* и *разсрочка* недоимокъ. Отсрочка заключается въ томъ, что обществу разрѣшается не уплатить недоимку немедленно, а черезъ извѣстное число лѣтъ, хотя бы въ концѣ выкупныхъ платежей. Разсрочкой дается ему право платить эту недоимку не на слѣдующій же годъ, а по частямъ, въ ближайшія 5—6 лѣтъ. И то, и другое разрѣшается безъ процентовъ. Окладъ при этомъ остается безъ измѣненія.

Очевидно, что безпроцентная разсрочка, а тѣмъ болѣе отсрочка недоимки—громадное облегченіе для недоимщиковъ; между тѣмъ, на практикѣ оказывается, что льготами этими пользуются весьма и весьма рѣдко.

Причинъ тому много: 1) требуется, чтобы просьба исходила отъ общества въ видѣ приговора; но мы уже видѣли, что общество далеко не всегда можетъ приговорами высказывать свои желанія (да и кто знаетъ, какъ дѣла дѣлаются на сходахъ, пойметъ, что безъ разъясненій, безъ направленія схода, послѣдній ни къ какому рѣшенію не придетъ); 2) требуется разслѣдованіе экономическаго состоянія общества, произведенное земскимъ начальникомъ. Понятно, что если земскій начальникъ не симпатизируетъ отсрочкѣ, или затрудняется сдѣлать разслѣдованіе, то все дѣло пропадетъ; 3) каждое такое дѣло обставлено массой формальностей въ различныхъ инстанціяхъ: сходъ, земскій начальникъ, податной инспекторъ, съѣздъ, губернское присутствіе—всѣ причастны этому дѣлу; но чѣмъ болѣе формальностей, чѣмъ дальше конецъ, тѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ приступается къ дѣлу, тѣмъ больше тормозовъ ему.

Въ 1896 года вышла новая льгота мужикамъ, — притомъ касающаяся не только недоимокъ, но и оклада. Заключается эта льгота въ *пересрочкѣ* выкупныхъ платежей. Извѣстно, что теперь общество, платя 6% выкупной ссуды, тѣмъ самымъ погашаетъ ее въ 49 лѣтъ. Пересрочкой разрѣшается оставшуюся невыкупленной часть долга уплатить, конечно, съ %, не въ тѣ какія-

нибудь 20 лѣтъ, которыя осталось платить, а въ разные сроки до 56 лѣтъ включительно.

Мѣра эта была въ громадномъ большинствѣ принята въ провинціи несочувственно: считали эту мѣру закабаленіемъ мужика на болѣе долгій срокъ. Вслѣдствіе неправильнаго разсчета думали, что хотя ежегодный платежъ и понижается, но сумма денегъ, которую придется уплатить крестьянамъ, увеличивается. Думали такъ даже чиновники министерства финансовъ.

Немудрено, что мѣра антипатичная не рекомендовалась крестьянамъ. Только теперь повсюду разосланы таблицы, доказывающія, что льгота эта для крестьянъ безусловно выгодна, такъ какъ при меньшемъ ежегодномъ платежѣ не увеличивается или увеличивается совсѣмъ незначительно общая сумма предстоящихъ крестьянамъ платежей.

Тѣмъ не менѣе врядъ ли можно надѣяться, что льготой этой часто воспользуются крестьяне. Причины тому тѣ же, чтò для отсрочекъ: косность крестьянъ, а главное, масса формальностей, которыми это дѣло обставлено и передъ которыми не одинъ земскій начальникъ остановится. Былъ поднятъ вопросъ объ обязательности пересрочекъ, но теперь онъ, кажется, снятъ съ очереди.

При всей пользѣ разсрочекъ, отсрочекъ и пересрочекъ, есть, думаю, мѣра, которая, не принося убытку казнѣ, сняла бы съ недоимщиковъ тотъ тяжелый гнетъ, подъ которымъ они вѣчно находятся. Это была бы повсемѣстная отсрочка всѣхъ недоимокъ до конца выкупныхъ платежей. Государство ничего не потеряло бы, такъ какъ и теперь недоимка растетъ, слѣдовательно, полный окладъ не поступаетъ; общество же, не чувствуя недоимки за собой и наученное горькимъ опытомъ, чтò недоимка значитъ, употребило бы всѣ усилія, чтобы не допустить за собой новой. Очень можетъ быть, что ежегодный государственный доходъ даже увеличился бы противъ настоящаго. Нечего говорить, какъ вздохнулъ бы крестьянинъ, почувствовавъ, что никто не придетъ завтра продавать его послѣдній скарбъ.

XLIII.

Предводитель дворянства.

Должность уѣзднаго предводителя дворянства самая почетная въ уѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ самая трудная. Не имѣя почти никакихъ дѣлъ личныхъ, предводитель состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ почти всѣхъ коллегіальныхъ учрежденій уѣзда. Въ земскомъ собраніи, въ съѣздѣ судебномъ и административномъ, въ воинскомъ присутствіи, въ училищномъ совѣтѣ, въ питейномъ присутствіи, въ дворянской опекѣ, въ тюремномъ комитетѣ—вездѣ онъ предсѣдательствуетъ.

Естественно, что не онъ работаетъ во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ; на это въ каждомъ изъ нихъ есть непремѣнные члены, какъ уѣздный членъ суда въ съѣздѣ, инспекторъ въ училищномъ совѣтѣ и т. д., но вездѣ онъ можетъ явиться со своимъ авторитетнымъ голосомъ, вездѣ онъ можетъ прекратить и предупредить возможныя злоупотребленія. Порядокъ его избранія дворянствомъ, а главное—безплатность должности служатъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что въ предводители попадаютъ лучшіе люди.

Теперешній взглядъ на предводителя значительно разнится отъ прежняго. Прежде первымъ вопросомъ о предводителѣ было: какъ онъ живетъ, какіе даетъ обѣды? Теперь отъ предводителя стали требовать дѣла. Завѣдуя крестьянскими и всесословными учрежденіями, онъ, понятно, долженъ отвѣчать другимъ требованіямъ, чѣмъ прежній предводитель, касавшійся только дворянъ своего уѣзда.

Коснусь трехъ главныхъ обязанностей предводителя: въ съѣздѣ, училищномъ совѣтѣ и воинскомъ присутствіи. Хотя въ съѣздѣ онъ предсѣдательствуетъ и въ судебномъ, и въ административномъ засѣданіяхъ, но вліяніе его можетъ быть только личное. Въ судебныхъ засѣданіяхъ уѣздный членъ, какъ юристъ,

болѣе компетентенъ; онъ готовитъ дѣла, безъ него суда быть не можетъ—очевидно, ему и книги въ руки; сколько я ни знаю предводителей, всѣ они въ судебныхъ засѣданіяхъ никогда почти не участвуютъ. Административныя засѣданія состоятъ главнымъ образомъ въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ приговоровъ, въ увольненіи должностныхъ лицъ; обыкновенно представленія земскихъ начальниковъ согласуются съѣздомъ безпрекословно.

Прежде мировой съѣздъ имѣлъ по отношенію къ судьямъ гораздо больше власти, чѣмъ уѣздный съѣздъ по отношенію къ земскимъ начальникамъ. Съѣздъ не можетъ издавать никакихъ циркуляровъ земскимъ начальникамъ, не можетъ объединять ихъ дѣятельности. Кое-гдѣ съѣзды это дѣлаютъ, но, мнѣ кажется, что въ законѣ на то основаній нѣтъ. Очевидно поэтому, что и вліяніе предводителя на ходъ дѣла незначительно.

Что касается отношеній предводителя къ земскому начальнику, то законъ даетъ ему только право ревизій. Но, съ одной стороны—предводитель помнитъ, что большинство его избирателей часто состоитъ изъ земскихъ начальниковъ; съ другой—самое право ревизіи, безъ права предписывать, не есть ли вѣжливое выраженіе для доноса?

Дѣйствительно, что̀ можетъ сдѣлать предводитель, если при ревизіи найдется что́ плохое? Написать губернатору,—дѣло же рѣшитъ губернское присутствіе. Поэтому я никогда не слыхалъ, чтобы предводители пользовались этимъ правомъ, даже при всемъ желаніи помочь дѣлу. Конечно, если предводитель многолѣтнимъ опытомъ и тактомъ заслужилъ довѣріе земскихъ начальниковъ, то они рады бываютъ выслушать его мнѣніе, но и только.

Тѣмъ болѣе не можетъ предводитель касаться волостныхъ правленій. Тутъ одинъ начальникъ, одинъ вершитель судебъ крестьянскихъ—земскій. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что предводитель—все въ своемъ уѣздѣ. Наоборотъ, если предводитель имѣетъ значеніе, то это—не по закону, а по личному авторитету.

Другое важное дѣло предводительское—это предсѣдатель-

ствованіе въ воинскомъ присутствіи. Дѣло важно потому, что касается важнаго вопроса въ жизни каждаго: служить или не служить. Съ другой стороны, все дѣло обставлено закономъ такъ подробно, что неправильность можетъ зависѣть только отъ небрежности или отъ злоупотребленія. Если есть дѣлопроизводитель или членъ присутствія, внимательно и добросовѣстно относящійся къ дѣлу, то предводитель можетъ спать спокойно. Тогда работа его заключается только въ подписываніи бумагъ, а главное—въ осеннихъ наборахъ. Хотя въ этомъ дѣлѣ слышно кое-гдѣ про злоупотребленія, но, какъ всѣ военные законы—законы о воинскомъ присутствіи разработаны такъ хорошо, что трудно предложить какія-либо усовершенствованія.

Въ училищномъ совѣтѣ власть предводителя большая. Конечно, число школъ и суммы, отпускаемыя на содержаніе ихъ, зависятъ отъ земства, но, какъ председателя совѣта, его голосъ всегда почти имѣетъ рѣшающее значеніе во внутреннихъ дѣлахъ каждой школы. Если предводитель любитъ школы и пользуется авторитетомъ въ уѣздѣ, то это—залогъ къ ихъ усовершенствованію и размноженію.

Изъ всего этого видно, что вліяніе предводителя на ходъ дѣлъ въ уѣздѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ его личности. Какъ должность почетная, она не подлежитъ прямому и частому контролю начальства. Съ предводителемъ считается и губернаторъ. Поэтому и законъ, не возлагая на него почти никакихъ личныхъ обязанностей (измѣряемыхъ числомъ входящихъ и исходящихъ бумагъ), предоставилъ ему руководительство всѣми уѣздными дѣлами. Его дѣло сумѣть этимъ правомъ воспользоваться. Въ одномъ дѣлѣ хотѣлось бы видѣть большую власть у предводителя—это въ дѣлѣ крестьянскомъ: я разумѣю, конечно, власть не единоличную, но какъ предсѣдателя съѣзда, не лишеннаго, какъ теперь, всякаго надзора за тѣмъ, чтб дѣлается въ уѣздѣ. Въ административномъ засѣданіи съѣзда желательно бы было видѣть непремѣннаго члена, играющаго ту же роль, какую въ судебномъ засѣданіи играетъ уѣздный членъ суда. Этотъ уѣздный членъ губернскаго присутствія слѣдилъ

бы за административными дѣлами, доходящими до съѣзда, производилъ бы дознанія и ревизіи на мѣстахъ, направлялъ бы дѣятельность земскихъ начальниковъ.

Отсутствіе такой должности въ съѣздѣ, при недостаткѣ рабочихъ силъ въ губернскомъ присутствіи—страшный пробѣлъ въ законодательствѣ 1889 года. Мы видѣли, что ни по праву, данному съѣзду закономъ, ни по положенію предводителя въ уѣздѣ, онъ такого лица не замѣняетъ и замѣнить не можетъ.

Остается сказать два слова о дворянскихъ опекахъ. Всѣ опеки у насъ—больное мѣсто. Мѣста засѣдателей часто по недостаточности содержанія занимаются пансіонерами дворянства, опекуновъ часто трудно найти. Трудно винить въ данномъ случаѣ законъ и его исполнителей. Причину безпорядковъ надо искать въ томъ, что часто мы сами себя опекать не умѣемъ, не то что другихъ.

XLIV.

Губернское присутствіе.

Перехожу къ губернскому присутствію—высшему вершителю многочисленныхъ дѣлъ, возникающихъ въ деревнѣ. Тутъ кончаются всѣ судебныя дѣла земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ. Облеченное большею кассаціонною властью, губернское присутствіе играетъ по отношенію къ уѣздному съѣзду ту же роль, которую игралъ Сенатъ по отношенію къ мировому съѣзду.

Думаю, что приближеніе кассаціоннаго суда къ населенію должно было естественно произойти по мѣрѣ увеличенія судебныхъ дѣлъ въ съѣздахъ. Слишкомъ продолжительна процедура въ Сенатѣ. Съ другой стороны, обязательность рѣшеній его была необходима въ началѣ, когда юридическія понятія еще нетвердо вкоренились въ судѣ. Теперь печатаніе этихъ рѣшеній,—и прежде иногда противорѣчивыхъ, — было бы излишнимъ балластомъ.

Поэтому приближеніе кассаціоннаго суда изъ столицы въ губернскій городъ мнѣ кажется явленіемъ желательнымъ.

Нельзя того же сказать о составѣ судебныхъ засѣданій губернскаго присутствія. На пять лицъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ немъ участвуютъ всего два лица судебнаго вѣдомства. Такой составъ третьей судебной инстанціи не выдерживаетъ никакой критики. Скажутъ, что и большая часть непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій назначается изъ юристовъ. Положимъ, но полная зависимость ихъ отъ предсѣдателя—губернатора съ одной стороны, привычка смотрѣть на дѣла административными глазами—съ другой, никогда не позволятъ имъ быть настоящими судьями. По моему—это неоспоримо.

Въ административномъ присутствіи юридическаго элемента нѣтъ вовсе, такъ же какъ и въ административныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда. Между этими двумя отдѣлами губернскаго присутствія—значительная разница по характеру подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Судебное присутствіе имѣетъ дѣло съ бумагами, причемъ самъ законъ даетъ кассаторамъ право обращать вниманіе только на форму, не касаясь сущности дѣла.

Административное засѣданіе имѣетъ дѣло, конечно, и съ бумагой, но и съ лицами. Я уже приводилъ примѣръ безплодности многихъ работъ, возложенныхъ на губернское присутствіе въ административномъ его составѣ, говоря о крестьянскихъ опекахъ. Гораздо важнѣе роль его какъ учрежденія, контролирующаго веденіе крестьянскаго дѣла ближайшими его начальниками. Къ сожалѣнію, и тутъ приходится ограничиваться бумагой, т.-е. отписками.

Положимъ, жалуется мужикъ на старшину: все, чтό можетъ сдѣлать губернское присутствіе—это запросить подлежащаго земскаго начальника и въ большинствѣ случаевъ жалобу мужика оставить безъ послѣдствія. Руки связаны у присутствія массой дѣла и малочисленностью его членовъ. Губернаторъ и вице-губернаторъ заняты настолько, что и думать имъ нечего о томъ, чтобы разбирать самимъ эти дѣла по существу. То же приходится сказать и о двухъ членахъ губернскаго присутствія. Каждый

изъ нихъ имѣетъ сотни и тысячи дѣлъ, которыя онъ долженъ изучить и доложить. Помимо разъѣздовъ, имъ иногда столько дѣла, что поневолѣ дѣла залеживаются подолгу. Гдѣ тутъ разбирать самимъ дѣла на мѣстѣ? Я уже говорилъ, что такіе члены присутствія должны бы быть по одному на уѣздъ. Только тогда можно ожидать, что мужикъ добьется правды. При теперешнемъ же составѣ губернскаго присутствія на это разсчитывать нечего...

Кромѣ физической невозможности производить подробныя слѣдствія насколько возможно чаще, есть, повидимому, другого рода соображенія, которыя для многихъ положительно непонятны. Все сводится къ тому, чтобы 1) все обстояло благополучно и 2) чтобы поддержать авторитетъ власти.

Все обстоитъ благополучно тогда, когда всякій можетъ добиться правды. Въ нахожденіи правды—высшее благополучіе, а не въ отсутствіи жалобъ! Попробуй начальникъ не принимать просителей и жалобъ... Вскорѣ ни тѣхъ, ни другихъ не будетъ, но врядъ ли это послужитъ къ благополучію для населенія. Формулой «все обстоитъ благополучно» какъ будто хотятъ показать, что зла нѣтъ, что зло перевелось. Очевидно, это—нелѣпость. Зло всегда есть и будетъ, и хорошо тогда, когда оно всегда можетъ выплыть наружу и быть устранено.

Возьмемъ ревизію; ревизія можетъ быть плодотворна только тогда, когда ревизующій входитъ въ непосредственное, близкое и безбоязненное отношеніе къ народу. Пускай всякій подходитъ и говоритъ, пускай всякое слово его провѣрится! Неужели боятся этимъ уронить авторитетъ власти!?.

Неужели малъ авторитетъ военной власти? Между тѣмъ, солдатъ опрашиваютъ высшіе ихъ начальники, не было ли кому обиды. Извѣстенъ случай, гдѣ при Николаѣ Павловичѣ важный генералъ былъ отданъ подъ судъ по жалобѣ солдата самому Государю. Тѣмъ, можетъ быть, и силенъ авторитетъ военнаго мундира, что всѣ знаютъ, насколько исполненіе долга обязательно для всѣхъ—для генераловъ такъ же, какъ и для солдатъ.

Но этого мало; у насъ не только избѣгаютъ опросовъ, но и

частую замалчивають зло, стараясь дать ему такое объясненіе, будто оно вызвано мужикомъ и неизбѣжно, или будто оно совершено безсознательно, случайно или нечаянно. Этимъ авторитетъ власти роняется окончательно, такъ какъ обобщеніе такого замалчиванія родитъ слухи гораздо худшіе, чѣмъ то, что̀ было въ дѣйствительности. Иногда слышишь такіе разсказы, что уши вянутъ. Будь строгое и гласное дознаніе, легко было бы опровергнуть эти разсказы. Поневолѣ молва изъ мухи дѣлаетъ слона.

Мы видѣли раньше, что уѣздный съѣздъ не объединяетъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, не объединяетъ ея и губернское присутствіе. Кое-гдѣ съ этой цѣлью созываются губернаторами съѣзды всѣхъ земскихъ начальниковъ губерніи. Думаю, что такіе съѣзды могутъ быть весьма полезны, если ими хорошо руководятъ. Практическое же значеніе эти съѣзды могутъ имѣть только въ томъ случаѣ, если выработанныя на съѣздѣ положенія или пожеланія какъ-нибудь перейдутъ въ жизнь путемъ обязательности этихъ постановленій и дальнѣйшей разработки ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Впрочемъ, съѣзды эти далеко не повсемѣстны.

XLV.

Законъ и воспитаніе.

Только что прочелъ 83 номеръ «Гражданина». Передовая статья подписана псевдонимомъ «Деревенщина» и посвящена разбору моихъ «Записокъ».

Оставлю въ сторонѣ все, что̀ есть личнаго въ этой статьѣ,— тѣмъ болѣе, что авторъ, не зная меня вовсе, очевидно, фантазировалъ, говоря, напримѣръ, что мнѣ не повезло на службѣ земскаго начальника. Онъ меня называетъ: «нѣкто г. Новиковъ», забывая, что *самъ скрывается подъ псевдонимомъ, а я въ каждой статьѣ даю имя и адресъ.* Затѣмъ онъ говоритъ, что и таланта-то у меня нѣтъ, и наивенъ-то я, какъ институтка, и

т. д.—это путь, по которому я за г. Деревенщиной не послѣдую.

Тѣмъ не менѣе статья эта, по-моему, заслуживаетъ глубокаго вниманія,—тѣмъ болѣе, что появилась въ видѣ передовой статьи.

Въ началѣ г. Деревенщина, приписавъ мнѣ то, чего я и не думалъ говорить, а именно, что нашъ деревенскій административно-правовой строй покоится на трехъ китахъ, — старостѣ, старшинѣ и земскомъ начальникѣ,—даетъ намъ, взамѣнъ моихъ длинныхъ и не попадающихъ, по его мнѣнію, въ цѣль описаній, свои коротенькія. Хотя эта задача трудно исполнимая, но, насколько возможно, онъ исполнилъ ее въ высшей степени остроумно.

Староста у него выходитъ лишеннымъ всякой типичности. Это не должность, а обязанность, сопряженная съ нравственной тяготой взыскивать, сажать, сзывать, стращать, прекращать, увѣщать и главное—доносить. Полуоффиціальность, принудительность и фискальный характеръ этого положенія дѣлаютъ то, что староста всегда остается прежнимъ Сидоромъ и Карпомъ. Типа старосты нѣтъ, а есть мѣдныя бляхи! Всѣ старосты Россіи могли бы сказать про себя: «я ничаво». Вотъ вамъ описаніе старосты. Попытка описать его въ десяти строкахъ неисполнима, но если взяться за это, то трудно удачнѣе справиться съ этой задачей.

Какъ нѣтъ двухъ схожихъ старостъ, такъ, по мнѣнію г. Деревенщины, нѣтъ двухъ различныхъ старшинъ. Эта должность носитъ политическій характеръ и, будучи сопряжена съ массой дѣла и строгой регламентаціей правъ и обязанностей, является самою трудною на Руси. Старшина всегда хитеръ, толковъ, съ патріархальными манерами; трезвъ и трудолюбивъ; низкопоклоненъ со старшими, заносчивъ съ младшими; находчивъ и ловокъ, набоженъ и богатъ; всегда почти не хозяинъ; всегда почти ростовщикъ.

Это «всегда» или «почти всегда», конечно, лишнее, но свойства эти часто встрѣчаются у старшинъ. Все здѣсь сказанное опять-таки невѣрно, но остроумно.

Съ земскимъ начальникомъ авторъ затрудняется покончить такъ скоро, а потому говоритъ о немъ урывками.

Начинаетъ онъ съ того, что приписываетъ мнѣ разныя мнѣнія, которыхъ нельзя даже найти между строкъ, напримѣръ, будто я полагаю, что деревня во власти какой-то сатанинской силы, будто крестьяне отданы земскому начальнику въ крѣпостную зависимость, которую я предлагаю ослабить обращеніемъ на «вы», и т. п.

Мнѣніе самого автора выражено туманно. Сначала онъ говоритъ, что законъ тутъ ни причемъ, что дорогъ человѣкъ, что деревня людей искала и ищетъ и въ мировыхъ посредникахъ, и въ мировыхъ судьяхъ, и въ непремѣнныхъ членахъ, и въ земскихъ начальникахъ и, не находя того, что̀ ищетъ, ропщетъ на законъ. Далѣе онъ говоритъ, что Иванъ Ивановичъ, бывшій плохимъ мировымъ посредникомъ, плохимъ непремѣннымъ членомъ, остался плохимъ земскимъ начальникомъ.

На мое предложеніе открыть доступъ въ деревню людямъ изъ университетовъ, г. Деревенщина соглашается, боясь, однако, что сначала, можетъ быть, будетъ и лучше, но въ концѣ концовъ они сбѣгутъ и очерствѣютъ. Всякій попадающій въ деревню непремѣнно обрастаетъ мохомъ, какъ и Иванъ Ивановичъ, и Петръ Сидоровичъ, которыхъ г. Деревенщина видѣть безъ душевной дрожи не можетъ.

Ничего подобнаго я про земскихъ начальниковъ никогда даже и не слыхалъ. Послѣ такого описанія начальства понятны слѣдующія талантливыя и страшныя строки автора:

«Я не въ силахъ въ короткой статьѣ изложить мысли, накопившіяся за долгіе годы деревенскаго одиночества. Но у меня неудержимо вырывается одна: нелѣпость, ерунда! Вся современная деревенская жизнь—и мужицкая и помѣщичья—сплошная нелѣпость и безпросвѣтная ерунда. Эти огромныя разстоянія безъ колесныхъ дорогъ, прорѣзанныя щегольскими желѣзнодорожными насыпями; эти обглоданные дворцы-усадьбы возлѣ соломенныхъ конуръ, слѣпившихся въ гигантскіе костры; эта жирная земля, не возвращающая сѣмянъ; эти допотопныя ору-

дія, рѣжущія лошадей; эти заморенныя лошади и коровы на необъятныхъ лугахъ; этотъ набожный, сильный тѣломъ народъ, 150 дней въ году празднующій и пьянствующій; эти церкви, не улучшающія нравовъ; эти школы, не выучивающія грамотѣ; эти земства, сколоченныя изъ случайныхъ партій, другъ друга ненавидящихъ; это уединеніе на уныломъ просторѣ полей; этотъ голодъ духовный, мало-по-малу усугубляющійся голодомъ физическимъ; это общее, всѣхъ охватившее чувство вражды, эгоизма, страха и надъ всѣмъ носящійся, въ порывахъ вѣтра приносимый съ сѣвера, съ юга, съ запада и съ востока, стонъ русскаго пахаря: спасайся, кто можетъ!—развѣ же это не нелѣпость, не ерунда, если вспомнить, что Россія—страна самодержавная и земледѣльческая, а русскій человѣкъ набоженъ, способенъ и выносливъ?! Когда корень подгниваетъ, не сдобровать и пышнымъ вѣтвямъ».

При чтеніи этого невольно пробираетъ дрожь и возникаетъ сомнѣніе: правда ли это? Увы! всякій живущій въ деревнѣ, сознательно любящій деревню чувствуетъ, что авторъ хотя и сгустилъ краски, но безусловно правъ.

Менѣе ярко, менѣе увѣренно я говорилъ то же. Тутъ возникаетъ вопросъ: отчего это? И другой вопросъ: чѣмъ помочь бѣдѣ? По-моему, это ужасное состояніе деревни происходитъ отъ безпросвѣтнаго мрака деревни и огульнаго невѣжества ея съ одной стороны, отъ произвола начальства и неогражденія правъ (ни личныхъ, ни имущественныхъ) отдѣльныхъ лицъ— съ другой. Лѣченіе я предлагаю соотвѣтствующее: воспитывать народъ (и насъ въ томъ числѣ) и сократить произволъ закономъ и соблюденіемъ его.

Г. Деревенщина, очевидно, въ воспитаніе и въ законъ не вѣритъ. Видно это изъ отдѣльныхъ строкъ, гдѣ онъ касается этого. Такъ, говоря о старостѣ, онъ восклицаетъ: не воспитывать надо старосту, а выбирать между лучшими людьми!

Люди съ университетскимъ образованіемъ, какъ мы видѣли, по его мнѣнію, не надолго будутъ хороши. Наконецъ, мой призывъ къ воспитанію его даже сердитъ. «Подите: воспитайте ь

сами сначала, г. Новиковъ, выучитесь уважать старшихъ, законъ, выучитесь житейской дисциплинѣ». Въ чемъ же я согрѣшилъ противъ закона и дисциплины? Въ томъ, что пишу!—въ томъ, что смѣю печатно обсуждать законъ, написанный старшими, когда самъ недавно служилъ и получалъ жалованье!

Въ законъ и его исполнителей авторъ тоже не вѣритъ; «извольте же выдумать законъ, который бы влилъ цементу въ расползшееся по швамъ зданіе!»—говоритъ онъ. Законъ мѣнялся—а люди все тѣ же. Съ презрѣніемъ къ моему паѳосу институтки г. Деревенщина удивляется, что я ищу качествъ человѣка въ административной машинѣ. Дайте людей, и все пойдетъ хорошо! вотъ его разсужденіе: корень подгниваетъ, законъ безразличенъ,—воспитаньемъ ничего не достигнешь, нужны люди. А гдѣ ихъ взять?—на это отвѣта не слышимъ. При этомъ говорить даже про законъ авторъ не разрѣшаетъ. Очевидно, глубокій его пессимизмъ не видитъ даже возможности просвѣтлѣнія. Такое признаніе со стороны «Гражданина» характерно.

Неужели же съ нимъ согласиться? Неужели, признавъ зло, замолчать и успокоиться? Неужели поздно?

Говоря про деревню, мы какъ будто упускаемъ изъ виду, что деревней живетъ все государство. Неужели прочно зданіе, если фундаментъ плохъ? Что̀ значитъ электрическое освѣщеніе столицъ, когда въ деревнѣ не на что́ купить керосину?

Когда Рюрикъ призывался княжить надъ нами, мы признавались, что земля наша обильна, но порядку въ ней нѣтъ. То же мы говоримъ и теперь. Но міровыя условія измѣнились съ тѣхъ поръ. Тогда опасность угрожала культурнымъ націямъ со стороны дикихъ. Грубая сила давала перевѣсъ числу. Теперь культура возрасла, сила—на сторонѣ культуры. Прежде мѣста хватало всѣмъ, всякій заботился о себѣ; теперь всѣмъ тѣсно стало, культурныя націи начинаютъ поглощать менѣе культурныя. Не мы зовемъ Рюрика,—а Рюрикъ идетъ къ намъ въ видѣ нѣмецкихъ, англійскихъ, бельгійскихъ компаній. Неужели это не страшно? Неужели мы доживемъ до того, что и японцы придутъ?

этотъ орелъ, именно наша присяга и заставляетъ говорить правду открыто. Мои статьи не противорѣчатъ консервативному знамени газеты. Только близорукіе могутъ видѣть либерализмъ въ проповѣди просвѣщенія,—точно культура дается намъ не отъ Бога, точно не есть зарываніе таланта—это систематическое гоненіе просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, пренебреженіе къ нему.

XLVI.

Земство.

Я кончилъ первую часть своихъ записокъ, касавшуюся крестьянскаго управленія и самоуправленія. По пути приходилось задѣвать тѣ или другія стороны крестьянской жизни настолько, насколько на нихъ вліяютъ тѣ или другіе органы управленія.

Теперь перейду къ другой части этихъ записокъ — разбору дѣятельности земства въ губерніи и уѣздѣ,—дѣятельности, такъ же близко касающейся деревни, какъ и начальства. Думаю, что и заглавіе статей не будетъ противорѣчить содержанію ихъ: во-первыхъ, потому, что дѣятельность земства все болѣе и болѣе стала соприкасаться съ дѣятельностью земскаго начальника, какъ, напримѣръ, въ продовольственномъ дѣлѣ, школьномъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ холерой и тому подобныхъ; во-вторыхъ, потому, что рѣдкій земскій начальникъ не стремится быть гласнымъ, хотя бы уѣзднаго земскаго собранія, если имѣетъ на то установленный цензъ.

Въ сужденіяхъ о земствѣ мы видимъ опять ту же страстность, то же разногласіе, что̀ и въ вопросѣ о земскихъ начальникахъ. Одни огульно осуждаютъ все, что̀ дѣлается и предпринимается земствомъ, стараются указывать только на темныя страницы земской дѣятельности, умалчивая о свѣтлыхъ; другіе, наоборотъ, свои симпатіи къ земству доводятъ до того, что всякую заслугу одного какого-либо земства готовы распространить чуть ли не на всѣ остальныя; и молчатъ про тѣ земства, которыя

далеко не исполняютъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ, по отношенію къ населенію своего уѣзда.

Какъ нужна центральная власть, какъ нужна администрація, такъ необходима для правильной государственной жизни и самодѣятельность мѣстнаго общества. Поэтому мнѣ кажется, вѣчно противопоставлять земство администраціи, вѣчно рѣшать вопросъ, что̀ лучше: земство или администрація—большая ошибка. Надо стремиться къ тому, чтобы они дополняли другъ друга, чтобы работы ихъ вели сообща къ одной цѣли; у насъ же — или требуютъ уничтоженія земства и передачи всего (даже хозяйственнаго управленія) въ руки чиновниковъ, или, наоборотъ, хотѣли бы возложить на земство дѣла, съ которыми оно справиться не можетъ.

Когда земство было у насъ впервые призвано къ жизни, картина деревенской жизни была очень неприглядна, въ отношеніи удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Грамотность была равна нулю, такъ какъ нельзя же считать за «нѣчто» бывшія волостныя школы палаты государственныхъ имуществъ. На уѣздъ былъ одинъ врачъ. Ни для души, ни для тѣла, ни для благосостоянія мужика ничего не дѣлалось. Теперь какъ-никакъ, все-таки школа является уже народною потребностью, медицина удесятерилась противъ прежняго, знахарокъ меньше, борятся съ эпизоотіями... Это все — результаты дѣятельности земства. Очевидно, самоуправленіе привлекаетъ многихъ дѣятелей, которые иначе были бы въ сторонѣ отъ деревенской жизни: самодѣятельность общества принесла плоды не малые!

Если при этомъ принять во вниманіе всѣ тормозы, которые встрѣчаются на пути этой самодѣятельности, всѣ палки, которыя всовываются въ колеса земской колесницы, то можно будетъ оцѣнить еще дороже результаты этой самодѣятельности. Вотъ активъ земства. Посмотримъ теперь на его пассивъ.

Возьмемъ два сосѣднихъ уѣзда, въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, и сравнимъ дѣятельность ихъ земствъ. Увидимъ, что въ одномъ школьное дѣло поставлено блестяще: школы излюбленное дѣтище земства; въ сосѣднемъ школъ земскихъ почти

нѣтъ. Въ одномъ медицина привлекаетъ всѣ заботы земскихъ собраній, больницъ много, люди легко находятъ облегченіе своихъ страданій; въ другомъ медицину сельскую считаютъ чуть ли за не излишнюю роскошь... Въ одномъ на дороги тратятъ вчетверо больше, чѣмъ въ другомъ. То же и въ губернскихъ земствахъ: одно принимаетъ горячее участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, другое—предоставляетъ барахтаться самимъ уѣздамъ.

Ясно изъ этого, что единства дѣйствій у земствъ нѣтъ, что не выработаны еще главныя земскія положенія, что́ нужно для населенія и безъ чего оно еще можетъ обходиться. Отсутствіе этого единства видно во всемъ: нѣтъ даже на Руси обще-земскаго органа, изъ котораго можно бы поучиться, какъ дѣло идетъ у другихъ. Каждая губернія, каждый уѣздъ живетъ самъ по себѣ, безъ возможности перенять что-либо у сосѣда, безъ возможности что-либо передать. Надо правду сказать, этого единства земствъ правительство почему-то боится, не позволяя даже съѣзжаться предсѣдателямъ земскихъ управъ. Нѣтъ сомнѣнія, что взглядъ на земцевъ, какъ на конспираторовъ, пройдетъ, но пока онъ существуетъ, онъ приноситъ большой вредъ.

Отъ чего же происходитъ эта разрозненность во взглядахъ на потребности народныя отдѣльныхъ земствъ? Опять-таки отъ безлюдья... Случайно соберутся нѣсколько человѣкъ въ уѣздѣ, понимающихъ значеніе культурной жизни для народа и достаточно вліятельныхъ, чтобы убѣдить остальныхъ, и двигается дѣло народнаго образованія. Попадетъ въ гласные купившій землю въ уѣздѣ извѣстный докторъ: собраніе его слушаетъ, и медицина развивается. Отъ всевозможныхъ случайностей зависитъ благоустройство той или другой отрасли земскаго хозяйства.

Еще досаднѣе, когда дѣятельность тормозится извнѣ,—притомъ по личному произволу отдѣльныхъ лицъ. Извѣстны многіе случаи, гдѣ позволенное одной губерніи оказывалось запрещеннымъ для другой. Видѣли мы и тотъ фактъ, что расходъ губернскаго земства въ тысячу рублей отмѣнялся губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ *непосильный* для губерніи!

Говоря о составѣ собраній, объ управахъ, мнѣ придется по-

дробно касаться этихъ различныхъ сторонъ земской жизни. Мы увидимъ между прочимъ, что, съ одной стороны, земство далеко не можетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ, къ нему предъявляемымъ, съ другой,—часто не исполняетъ своихъ обязанностей по своей собственной винѣ.

XLVII.

Земское обложеніе.

Прежде чѣмъ говорить о подробностяхъ земской организаціи и земской жизни, нельзя обойти молчаніемъ главнаго условія развитія земскаго дѣла—средствъ.

Доходы земскіе раздѣляются на три части: доходы съ земли, съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и съ торговопромышленныхъ заведеній. Есть счастливыя губерніи, гдѣ города служатъ большимъ источникомъ дохода для земствъ. Таковы столичныя губерніи; но большинство губерній, а въ особенности уѣздовъ, получаютъ съ городовъ гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ на эти же города. Еще меньше въ центральной Россіи доходы земствъ съ промышленныхъ заведеній.

Безъ большой ошибки можно сказать, что десятая часть земскихъ доходовъ покрывается городами и торгово-промышленными заведеніями, а девять десятыхъ землей.

Въ этомъ смыслѣ земство вполнѣ оправдываетъ свое названіе.

Всѣ культурныя задачи земства: народная медицина, народная школа, дороги—все это живетъ землей. Получается слѣдующая аномалія: у насъ сельскохозяйственный кризисъ, земля приноситъ чуть не убытокъ, а кое-гдѣ прямо-таки убытокъ—и съ этой же земли приходится тянуть послѣдніе соки на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей. Тутъ возникаетъ для гласнаго альтернатива—или обременить лишнимъ налогомъ землю, кормящую мужика, или лишить этого же мужика помощи въ болѣзни, а его дѣтей оставить такими же дикарями, какъ и

онъ. Поэтому-то гласный часто не знаетъ какъ голосовать: чувствуетъ, что предполагаемый расходъ необходимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что онъ непосиленъ. Какъ тутъ быть? Отсюда и происходитъ кажущаяся непослѣдовательность рѣшеній земскихъ собраній, различіе въ ихъ дѣйствіяхъ, постоянное впечатлѣніе, что они дѣлаютъ дѣло, но не додѣлываютъ его.

Это и есть причина всѣхъ нареканій на земство. Одни кричатъ, что земское обложеніе слишкомъ обременительно для земли, что земство разоряетъ народъ непосильными расходами. Другіе, наоборотъ, жалуются, что медицина недостаточно близка къ народу, что школъ мало, что пора подумать о всеобщемъ обученіи, что дороги непроѣздныя. Кто правъ изъ нихъ? Мнѣ кажется, тѣ и другіе. И земля слишкомъ обложена, и культурныя задачи земства далеко не получили должнаго разрѣшенія. Но виновато ли тутъ земство?

Кромѣ задачъ прямо земскихъ, на земство же, т.-е. на землю, возложены еще различные расходы,—такъ-называемые обязательные, ничего повидимому общаго не имѣющіе съ земствомъ. Таковы: содержаніе арестнаго дома, квартиры для полиціи, разъѣзды полиціи и судебныхъ слѣдователей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ еще расходъ на содержаніе земскихъ начальниковъ, но отъ нихъ земства избавлены, хотя этими суммами могутъ распоряжаться только на дорожныя сооруженія.

Надо думать, что земства будутъ освобождены и отъ остальныхъ обязательныхъ расходовъ, какъ освобождаются отъ соотвѣтствующихъ расходовъ города. Чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ, конечно, лучше,—хотя это будетъ капля въ морѣ неудовлетворенныхъ потребностей.

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросъ о раздѣленіи обязанностей и расходовъ городовъ и земствъ. Трудно даже сказать, было ли бы это выгодно для земствъ. Такъ, городская земская больница, обыкновенно лучшая въ уѣздѣ, съ хирургомъ, привлекаетъ изъ уѣзда больныхъ, которымъ не можетъ помочь сельская больница, хуже обставленная, съ менѣе образованнымъ врачемъ. Если бы заставить городъ имѣть свою больницу, то врядъ ли это

избавило бы и земство отъ необходимости имѣть свою центральную больницу.

Такимъ же образомъ и среднія учебныя заведенія нужны для уѣзда, такъ же какъ и для города. Воспитываются въ нихъ дѣти и деревенскихъ жителей; гимназіи даютъ уѣзду учительницъ; наконецъ, мужику, пріѣзжающему въ городъ на базаръ, выгоднѣе имѣть дѣло съ болѣе образованнымъ купцомъ.

Еще болѣе враждебно относятся губернскія земства къ обязанности удовлетворять потребности губернскихъ городовъ въ медицинскомъ отношеніи. Какъ будто обидно держать на счетъ губерніи громадныя больницы и дома для душевно-больныхъ, когда города пользуются ими и тѣмъ освобождаются отъ необходимости имѣть свои больницы! Но независимо отъ того, что городскіе жители все-таки являются земскими плательщиками, больницы эти необходимы и для губерніи, играя по отношенію къ городскимъ ту же роль, какую эти послѣднія играютъ по отношенію къ сельскимъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, этотъ споръ земствъ съ городами не имѣетъ достаточныхъ для первыхъ основаній.

Все это я говорю потому, что многими эти расходы чуть ли не выставляются, какъ одна изъ причинъ обѣднѣнія земствъ. Очевидно, не въ этомъ корень зла. Корень зла заключается въ томъ, что неотложныя нужды деревни должны покрываться обложеніемъ только земли, которая такихъ расходовъ не выноситъ.

Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ земскій бюджетъ вездѣ имѣетъ наклонность возвышаться. Очевидно удовлетвореніе культурныхъ нуждъ населенія не можетъ болѣе откладываться. Когда признано будетъ, что безъ медицины, а главное, безъ образованія жить нельзя, государству придется помочь земству не только освобожденіемъ его отъ незначительныхъ, сравнительно, обязательныхъ расходовъ, но болѣе дѣйствительнымъ образомъ, или прямо денежною помощью, напримѣръ, взятіемъ на себя извѣстнаго процента тѣхъ или другихъ земскихъ расходовъ, или разрѣшеніемъ земству обкладывать не только землю, но и другіе предметы: напримѣръ, потребляемую въ уѣздѣ водку, или желѣзныя дороги и тому подобное.

Поднять вопросъ о предѣльномъ обложеніи для земствъ. Думаю, что самъ вопросъ этотъ не долженъ бы имѣть мѣста. Можно ли сказать гдѣ-нибудь у насъ, что медицина, школы, дороги находятся въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что и дальнѣйшее развитіе ихъ не необходимо? Всякій скажетъ, что нѣтъ. Назначить же предѣльное обложеніе, значило бы поставить точку въ дѣлѣ только нарождающейся земской школы.

Положимъ, что было бы признано, что такое-то земство дошло до максимума возможнаго для него обложенія. Что̀ бы вышло? Вышло бы, что земству при возникновеніи новыхъ насущныхъ потребностей оставалось бы только право ходатайствовать объ ассигнованіи на покрытіе ихъ казенныхъ денегъ. Земство оказалось бы лишеннымъ всякой самостоятельности, столь дорогой въ земскомъ дѣлѣ.

Поэтому-то и желательно примѣненіе принципа, про который я только-что говорилъ, что высшая единица приходитъ низшей на помощь тѣмъ, что беретъ на себя часть извѣстнаго расхода. Нѣкоторыя земства примѣняютъ его по отношенію къ крестьянамъ: «если вы дадите столько-то на школу, то мы прибавимъ столько-то». Положимъ, правительство то же сказало бы и земству: «свыше извѣстной нормы мы вамъ заплатимъ половину вашихъ расходовъ на медицину и на народное образованіе». Земство не лишилось бы права быть хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ и тѣмъ не менѣе не могло бы слишкомъ злоупотреблять этимъ даромъ, такъ какъ всякій казенный рубль получался бы только при условіи расходованія своего рубля.

Другого рода злоупотребленій тоже не могло бы быть, такъ какъ при весьма достаточномъ контролѣ правительства, есть еще контроль общественный. Не надо забывать, что грѣхи и даже ошибки земства не замазываются, а наоборотъ, раздуваются.

XLVIII.

Земскіе гласные.

Какъ землевладѣніе дѣлится на крестьянское и на частное, такъ и гласные по старому положенію дѣлились на гласныхъ отъ крестьянъ и отъ землевладѣльцевъ. Новый уставъ ввелъ выборы по сословіямъ и опредѣлилъ число гласныхъ отдѣльно отъ крестьянъ, отъ дворянъ и отъ землевладѣльцевъ прочихъ сословій. Громадный численный перевѣсъ — на сторонѣ дворянъ. Наименьшее число мѣстъ предоставлено гласнымъ отъ землевладѣльцевъ не-дворянъ. Число крестьянскихъ гласныхъ значительно сокращено. Тутъ мы встрѣчаемся съ аномаліей, представляющей, по моему мнѣнію, большую несправедливость.

Въ земствѣ,—учрежденіи всесословномъ, облагающемъ одновременно всѣ земли въ уѣздѣ, — представительство не по числу десятинъ, находящихся во владѣніи тѣхъ или другихъ собственниковъ, а по числу заранѣе и произвольно опредѣленному закономъ. Число гласныхъ отъ крестьянъ не болѣе 10 — 12 при 20 — 25 гласныхъ отъ дворянъ, хотя бы крестьяне владѣли въ уѣздѣ вдвое бо́льшимъ числомъ десятинъ, чѣмъ дворяне. Такимъ же образомъ, будь хоть половина частновладѣльческой земли въ рукахъ не-дворянъ,—все число ихъ представителей будетъ 4 противъ 20 дворянъ. Такимъ образомъ, земство продолжаетъ быть всесословнымъ, въ земскомъ же собраніи—подавляющее число дворянъ.

Я не стану говорить о выборахъ на избирательныхъ съѣздахъ дворянъ и землевладѣльцевъ, какъ не представляющихъ особаго интереса, на выборѣ же гласныхъ отъ крестьянъ стоитъ остановиться.

Каждая волость выбираетъ по одному кандидату въ гласные. Изъ этихъ кандидатовъ опредѣленное число утверждается въ званіи гласнаго губернаторомъ. Такимъ образомъ, гласные изби-

раются не крестьянами, а губернаторомъ изъ числа намѣченныхъ крестьянами кандидатовъ.

Посмотримъ же, какъ это производится. Губернаторъ, получивъ списокъ кандидатовъ, не имѣетъ, конечно, никакихъ данныхъ, чтобы выбрать одного предпочтительно передъ другимъ. Ему, конечно, нужно обратиться къ кому-нибудь, кто бы ему рекомендовалъ лучшихъ людей: естественно, въ большинствѣ случаевъ обратиться къ предводителю. Предводитель тоже не знаетъ, на комъ остановиться и вынужденъ просить рекомендаціи земскаго начальника. Можно ли при этомъ сказать, что выборы гласныхъ падаютъ на тѣхъ, которыхъ бы желали имѣть гласными сами крестьяне.

Мнѣ доподлинно извѣстны факты, что такимъ порядкомъ не попадали въ гласные такіе изъ крестьянъ, которые составили бы красу земскаго собранія. Припомнимъ при этомъ, что въ члены управы изъ крестьянъ могутъ попасть только гласные. Понятно, что не всегда пройдутъ на эту должность самые достойные изъ крестьянъ—люди, которыхъ бы собраніе и желало ввести въ составъ управы, но которыхъ не видитъ среди гласныхъ. Гораздо лучше было бы, если бы крестьянами избирались не кандидаты въ гласные, а прямо-таки гласные. Достигалось бы это лучше, если бы два-три волостныхъ схода собирались вмѣстѣ для выбора одного гласнаго. Тогда мы бы видѣли гласными именно тѣхъ, кого бы пожелали избрать сами крестьяне.

Во избѣжаніе давленія земскихъ начальниковъ на сходѣ при выборѣ гласныхъ, имъ запрещено присутствовать на этихъ выборахъ, происходящихъ подъ предсѣдательствомъ старшины. Точно вліянія старшины недостаточно, чтобы прошелъ тотъ или другой! Къ этимъ выборамъ крестьяне относятся довольно безучастно: должность гласнаго неплатная, да и незамѣтно вліяніе отдѣльнаго гласнаго; очень часто въ гласные попадаютъ сами старшины, если того пожелаютъ.

Это—явленіе уже прямо нежелательное и возбудившее много толковъ въ земскихъ собраніяхъ и въ печати. Вообще, присутствіе земскаго начальника и крестьянина изъ его участка въ одномъ

и томъ же собраніи очевидно заставитъ послѣдняго сообразовать свое голосованіе съ мнѣніемъ земскаго начальника, что неизбѣжно при громадной власти земскаго начальника надъ крестьянами его участка. Тутъ ненужно даже видимаго давленія его на крестьянина — нѣтъ, дѣлается это само собою. Тѣмъ болѣе проявляется это вліяніе начальника на гласнаго-старшину.

Нѣкоторыя земства предлагали, чтобы земскихъ начальниковъ не допускать въ гласные. Думаю, что это немыслимо. Въ земскіе начальники должны попадать лучшіе люди; лучшіе люди должны быть и въ земскихъ собраніяхъ. Не столько же у насъ лучшихъ людей, чтобы сдѣлать эти должности несовмѣстимыми?!

Все, что можно бы сдѣлать въ этомъ случаѣ, это—запретить совмѣстительство званія гласнаго съ должностью старшины. Это—вещь возможная и справедливая. Гласнымъ же отъ крестьянъ желательно бы дать нѣкоторыя особыя права, какъ, напримѣръ, освободить ихъ отъ возможности всякихъ административныхъ наказаній. Но это не важно при значеніи земскаго начальника во всякихъ дѣлахъ крестьянскихъ, независимо отъ штрафа и ареста.

Тотъ же недостатокъ — только еще въ большей степени — былъ и въ прежнемъ земствѣ. Предводитель былъ предсѣдателемъ крестьянскаго присутствія, предсѣдатель управы членомъ его; въ числѣ гласныхъ большинство было писарей и старшинъ. Понятно, что они часто стѣной вставали или сидѣли, глядя по тому, какъ голосовалъ предводитель или предсѣдатель управы.

Гласные изъ крестьянъ будутъ свободно голосовать только тогда, когда ни на службѣ, ни иначе не будутъ зависѣть отъ другихъ гласныхъ. А это возможно только при полной опредѣленности, основанной на законѣ, административной власти мѣстныхъ крестьянскихъ начальниковъ.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, относится до уѣздныхъ собраній. Въ губернскіе гласные попадаютъ почти исключительно дворяне. Продолжительность губернскихъ собраній и расходы, сопряженные съ поѣздкой въ губернскій городъ и съ

жизнью тамъ, дѣлаютъ то, что въ губернскіе гласные крестьянину идти невозможно. Понятно поэтому, что иногда затрудняются найти должное число губернскихъ гласныхъ въ уѣздномъ собраніи, и потому приходится подолгу упрашивать людей взять на себя эту обузу. Далеко мы еще не привыкли смотрѣть на исполненіе такихъ безплатныхъ обязанностей, какъ обязанность гласнаго, какъ на нашъ долгъ по отношенію къ обществу!

Чѣмъ, если не равнодушіемъ гласныхъ къ своимъ обязанностямъ, объяснить слѣдующее явленіе? Разъ въ три года происходятъ выборы управы. Въ это собраніе можно увидѣть чуть ли не всѣхъ гласныхъ; только крайность задерживаетъ ихъ отъ удовольствія участвовать на выборахъ и катать шарики. Остальные два года трехлѣтія часто съ трудомъ набираются законныя двѣ трети, а еще съ бо́льшимъ трудомъ удерживаются явившіеся до конца собранія. Бываетъ, что собраніе расходится, не закончивъ дѣла, причемъ послѣ приходится назначать экстренныя собранія.

Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что многіе гласные относятся къ дѣлу халатно и интересъ собранія видятъ не въ обсужденіи нуждъ уѣзда, а въ томъ, чтобы поддержать при выборахъ пріятеля или положить чернякъ врагу. Такія личныя отношенія много вредятъ земскому дѣлу.

XLIX.

Уѣздная земская управа.

Въ члены и предсѣдатели уѣздной земской управы могутъ попадать только землевладѣльцы, имѣющіе непосредственное право голоса на избирательныхъ съѣздахъ, т.-е. лица, владѣющія значительнымъ имущественнымъ цензомъ. Изъ крестьянъ въ члены управы могутъ попадать только нѣкоторые гласные, доступъ же въ предсѣдатели управы для нихъ новымъ положеніемъ закрытъ. Жалованье управа получаетъ обыкновенно очень

маленькое; въ рѣдкихъ уѣздахъ предсѣдатель получаетъ болѣе 2,000 рублей, а члены болѣе 1,000 рублей каждый.

Естественно, что землевладѣлецъ не настолько будетъ привлеченъ этой тысячью рублей, чтобы вполнѣ отдаться земству, забывъ про свои личныя хозяйственныя дѣла. На это жалованье, а слѣдовательно и на земскую службу, онъ смотритъ, какъ на подспорье и занимается земскимъ дѣломъ настолько мало, насколько считаетъ возможнымъ, не рискуя потерять мѣсто.

Тысяча рублей гораздо дороже для члена управы—крестьянина, но мы видѣли, какъ ему трудно попасть въ гласные. Если крестьянинъ довольно развитъ, чтобы быть хорошимъ членомъ управы, что́ очень рѣдко, то онъ и въ другомъ мѣстѣ заслужитъ эту сумму, всякое же мѣсто прочнѣе земскаго, по выборамъ: такъ легко не попасть въ гласные въ слѣдующее трехлѣтіе! Поэтому, когда крестьяне и попадаютъ въ управу, то они являются слѣпымъ орудіемъ, чуть не разсыльными предсѣдателя. Желательно же, чтобы управа дѣйствительно была учрежденіемъ коллегіальнымъ, не по названію только, но и по дѣйствительному обсужденію каждаго вопроса всѣмъ составомъ ея...

Многіе думаютъ, что лучше будетъ составъ управы, если назначить членамъ бо̀льшее жалованье, положимъ,—двѣ тысячи. Думалъ и я такъ. Теперь же убѣдился, что это горю не поможетъ, потому что самый фактъ, что членъ управы—мѣстный землевладѣлецъ, всегда заставитъ его заботиться о своемъ имѣніи въ ущербъ земскому дѣлу. Поэтому нѣкоторыя земства додумались до того, что приглашаютъ въ помощь управѣ особо нанятыхъ интеллигентныхъ людей. Не будучи связаны личнымъ хозяйствомъ, они живутъ въ ѣздномъ городѣ и всегда готовы разъѣзжать, сколько потребуется. Да и дѣло они дѣлаютъ во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ члены управы, если они хорошо выбраны, а выборъ такихъ лицъ не стѣсненъ никакими узаконеніями.

Вообще отсутствіе въ деревнѣ людей ведетъ къ тому, что на многихъ служащихъ въ земствѣ, кромѣ ихъ прямыхъ обязанностей, взваливается еще постоянно масса другихъ дѣлъ, ничего

съ ихъ спеціальностью общаго не имѣющихъ. Такъ, всякій участковый врачъ долженъ вмѣстѣ съ лѣченіемъ народа заниматься большимъ больничнымъ хозяйствомъ, лѣтомъ—ремонтомъ зданій; а то мы видимъ врачей и учителей въ голодный годъ продающими населенію муку по заготовительной цѣнѣ, ветеринарнаго врача — завѣдывающимъ книжнымъ складомъ, статистиковъ— занимающимися писаніемъ докладовъ земскому собранію.

Очевидно, земству нужны силы, которыхъ у него самого нѣтъ. Въ особенности ощутителенъ этотъ недостатокъ во время народныхъ бѣдствій, какъ голодъ и эпидеміи.

Этотъ недостатокъ людей тѣмъ болѣе бываетъ замѣтенъ, чѣмъ ближе познакомишься съ земскимъ хозяйствомъ. Вѣдь вести хозяйство десятковъ школъ, ремонтировать ихъ каждое лѣто— дѣло громадное, а кто имъ занимается? Попечители школьные, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, выбираются только, чтобы законъ былъ исполненъ, въ дѣйствительности же часто только числятся, а то и мѣшаютъ дѣлу. Дорожныя сооруженія, хотя небольшія, считаются сотнями. Гдѣ за ними слѣдить тремъ членамъ управы? Такая масса дѣлъ, при отсутствіи у насъ хорошихъ спеціалистовъ, ведетъ къ тому, что всѣмъ этимъ часто никто не занимается, и земское собраніе съ этимъ положеніемъ мирится. Члены же управы ограничиваются дѣлами, по преимуществу бумажными, дознаніями, оцѣнками промышленныхъ заведеній, разборомъ жалобъ и т. п.

Если къ этому прибавить, что управа завалена всевозможными требованіями отчетовъ по разнымъ формамъ и имѣть въ виду запутанность законовъ, напримѣръ, о продовольствіи,— физически неисполнимыхъ не только для трехъ, но и для тринадцати членовъ управы безъ ущерба для дѣла, — то мы объяснимъ себѣ всѣ промахи земства, которыхъ, по-правдѣ сказать, и не перечтешь!

Причинъ тому двѣ: первая — отсутствіе техниковъ, поражающее и доходящее до того, что плана не добудешь чуть не годами, вторая — полное равнодушіе общества къ его же общественному дѣлу и неподготовленность его къ работѣ.

Хочу обратить вниманіе на одно существенное затрудненіе, встрѣчаемое въ дѣятельности управы. По старому положенію, предсѣдатель управы былъ членомъ крестьянскаго присутствія: онъ ѣздилъ по волостнымъ правленіямъ, и передъ нимъ такъ же трепетали старшины, какъ и передъ непремѣннымъ членомъ и другими членами присутствія. Теперь онъ, хотя и членъ административнаго засѣданія съѣзда, но не имѣетъ прежней власти: его роль въ съѣздѣ—чисто консультативная. Поэтому волостное правленіе далеко не считаетъ себя обязаннымъ содѣйствовать управѣ, какъ прежде, и часто ограничивается отпиской. Не бываетъ этого только, если земскій начальникъ очень горячо симпатизируетъ земскимъ начинаніямъ и самъ наблюдаетъ за исполнительностью волостного правленія. Если же земскій начальникъ земству не симпатизируетъ или же не въ ладахъ съ предсѣдателемъ управы, то управа такъ-таки ничего и не добьется отъ правленія.

Очень замѣтно это бываетъ въ школьномъ дѣлѣ.. Какъ добиться управѣ, чтобы по школѣ все было исправно? Положимъ, старшина по закону обязанъ содѣйствовать школьному дѣлу; но часто онъ этого не исполняетъ. Если при этомъ и земскій начальникъ относится къ школѣ безучастно, а тѣмъ болѣе—враждебно, то управа и не добьется ничего. Замѣтно это и въ продовольственномъ дѣлѣ. Еще вопросъ: можетъ ли членъ управы приказать собрать сходъ и поговорить съ нимъ?

Что̀ остается дѣлать управѣ въ случаяхъ отсутствія всякаго содѣйствія или даже въ случаяхъ противодѣйствія старшинъ? Жаловаться на нихъ, т.-е. просить помощи земскихъ начальниковъ? Такъ они и дѣлаютъ. Ну, а если и земскій начальникъ не хочетъ ей помочь? Тогда ничего не подѣлаешь! Вѣдь не жаловаться же губернатору? Остается упрашивать и пускать въ ходъ дипломатію...

Содѣйствіе управамъ со стороны старшинъ и земскихъ начальниковъ должно бы быть обезпечено яснѣе закономъ, причемъ управа должна бы имѣть право командировать своихъ членовъ для дознаній въ волостныя правленія по земскимъ

дѣламъ. Допускать же въ такихъ важныхъ дѣлахъ отписки или предоставлять ихъ личнымъ отношеніямъ начальствъ между собой—гибельно для дѣла.

L.

Губернское земство.

Характеръ губернскаго земскаго собранія совершенно иной, чѣмъ уѣзднаго. Въ уѣздномъ собраніи рѣшенія часто принимаются случайно, глядя по составу собранія. Трудно бываетъ прослѣдить въ какой-нибудь отрасли хозяйства руководящую нить: меньше людей, основательно знающихъ дѣло. Въ губернскомъ собраніи есть, конечно, вопросы, далеко еще не вполнѣ уясненные, но по нѣкоторымъ есть уже прочно утвердившіяся земскія традиціи: много гласныхъ, всецѣло преданныхъ дѣлу и зорко слѣдящихъ, чтобы основныя положенія земской жизни не колебались! Замѣтны меньшая торопливость, лучшая разработка вопросовъ, бо́льшая послѣдовательность.

Не говоря о дѣлѣ страховомъ и продовольственномъ, — на обложеніе не вліяющихъ и всецѣло сосредоточенныхъ въ рукахъ губернскаго земства, — главнымъ расходомъ уѣзднаго земства является поддержаніе богоугодныхъ заведеній. Этотъ расходъ имѣетъ свойство неудержимо увеличиваться. Какъ ни убѣждаетъ себя гласный изъ отдаленнаго уѣзда, что не въ интересахъ его избирателей чрезмѣрное увеличеніе центральной больницы, но въ собраніи трудно голосовать противъ расхода, разъ гласнаго убѣдили въ его необходимости. Конечно, роскошь—операціонная чуть ли не такая, какъ въ московскихъ клиникахъ, но какъ ея не устроить, разъ вамъ управа и врачи говорятъ, что операціонная понизитъ процентъ смертности? Какъ не построить новаго корпуса на сто душевно-больныхъ, когда вы видите, что при существующихъ 500 койкахъ—тѣснота страшная, больные спятъ на полу, другъ друга раздражаютъ, увеличивается смертность отъ чахотки?

Кромѣ городскихъ больницъ, пріютовъ, богадѣленъ, расходы губернскаго земства идутъ на губернскія потребности въ родѣ борьбы съ эпидеміями, междууѣздныя больницы, статистику. Все это необходимо и, очевидно, лежитъ на обязанности губернскаго земства.

Но есть вопросъ, въ высшей степени интересный и важный; это—вопросъ объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Тутъ два теченія: одни находятъ, что участіе это законно и желательно, другіе,—что оно будетъ вторженіемъ губернскаго земства въ дѣла чисто уѣздныя. При этомъ произносится очень много громкихъ фразъ о самостоятельности уѣздовъ, о насиліи и т. п. Есть, конечно, противники этого вмѣшательства чисто принципіальные, но я убѣжденъ, что ихъ немного.

Большинство же гласныхъ, возмущающихся этимъ насиліемъ, вовсе не враги насилія вообще, а по моему глубокому убѣжденію, — скрытые враги школы! Я говорю скрытые, потому что открыто противъ школы говорить теперь не принято, стыдно. Голосуютъ противъ участія губернскаго земства въ расходахъ по народному образованію гласные не тѣхъ уѣздовъ, гдѣ дѣло идетъ хорошо,—причемъ можно бы думать, что они не хотятъ, чтобы дѣло было испорчено постороннимъ вмѣшательствомъ,— а тѣхъ уѣздовъ, гдѣ дѣло идетъ скверно или вовсе не идетъ (есть и такіе). Для меня очевидно, что подобные гласные прикрываются громкими фразами, чтобы провалить дѣло, противъ котораго открыто говорить стыдно. Таковыхъ, конечно, разубѣдить трудно, но убѣжденныхъ друзей народнаго образованія, принципіально стоящихъ противъ губернскаго вмѣшательства, я не совсѣмъ понимаю. Они говорятъ: зачѣмъ лишать свободы дѣйствій уѣзды, когда они доказали свою способность справиться съ дѣломъ? Пусть такъ,—но не всѣ вѣдь ее доказали? Во многихъ уѣздахъ дѣло школьное идетъ очень плохо, въ нѣкоторыхъ—вовсе не идетъ. Неужели мириться съ этимъ? Неужели губернское земство не можетъ объявить грамотность потребностью всей губерніи?

Одинъ уѣздъ бьется изо всѣхъ силъ, другой—ничего не дѣ-

лаетъ. Грамотность нужна одинаково для обоихъ. Одинъ, слѣдовательно, исполняетъ свою обязанность печься о дѣтяхъ, другой—нѣтъ. Неужели же крупная единица, губернія, не можетъ напомнить ему о его обязанности?

Если продолжать это разсужденіе, то всякая помощь государства будетъ тоже считаться нарушеніемъ самостоятельности земства. Какъ про губернскіе расходы говорятъ, что они берутся съ тѣхъ же предметовъ обложенія, какъ и уѣздные, такъ вѣдь и государственный доходъ идетъ съ того же народа, т.-е. съ тѣхъ же уѣздовъ и губерній.

Наоборотъ, если бы всѣ расходы на образованіе шли изъ губерніи, было бы еще лучше: потребность удовлетворялась бы полнѣе и равномѣрнѣе. О больницахъ уѣздъ можетъ судить правильнѣе, потому что ему ближе извѣстно, гдѣ ихъ построить удобнѣе, какихъ онѣ должны быть размѣровъ и пр. Школа же нужна вездѣ, гдѣ ея нѣтъ...

Еще лучше было бы, если бы государство взяло этотъ расходъ на себя. Вѣдь, думаю, никто бы тогда не сказалъ, что оно лишаетъ самостоятельности земства?

Другое возраженіе таково: школами завѣдываютъ уѣздная управа и уѣздный училищный совѣтъ. Какъ будетъ тратить губернскія средства собраніе, не имѣющее контроля надъ расходованіемъ этихъ средствъ? Но, во-первыхъ, можно ходатайствовать, чтобы губернское собраніе избирало по одному члену въ уѣздные училищные совѣты, если оно расходуетъ деньги на эти уѣзды; а во-вторыхъ, нужно ли это? Очевидно, уѣзду лучше можно распоряжаться хозяйствомъ школъ, чѣмъ болѣе отдаленному органу—губернской управѣ. Можетъ быть, еще лучше распорядилась бы болѣе мелкая земская единица, чѣмъ уѣздъ,—такъ же, какъ много хуже дѣло пошло бы въ рукахъ министерства, еще болѣе удаленнаго отъ школы.

Такимъ образомъ, исполнительная часть лучше будетъ поставлена, если всецѣло останется въ рукахъ ближайшаго хозяйственнаго органа—уѣздной управы. Въ опредѣленіи же потребностей компетентнѣе болѣе крупные органы—губерніи и госу-

дарство. Я говорю, конечно, не объ опредѣленіи максимума расхода на школы. Нѣтъ, пусть уѣздъ открываетъ школъ, сколько хочетъ, какъ открывать ихъ могутъ частныя лица и крестьянскія общества; но если уѣздная дѣятельность покажется губернскому земству недостаточной, то пусть она пополнитъ этотъ недостатокъ, пусть также и казна добавитъ своихъ средствъ, если найдетъ слабою дѣятельность губерніи. Право же, такой порядокъ вещей никому не будетъ обиденъ, кромѣ принципіальныхъ враговъ школы.

Важный вопросъ заключается въ томъ, кáкъ это исполнить. Положимъ, даны два уѣзда, въ одинаковыхъ условіяхъ находящіеся: въ одномъ школьные расходы больше — школы процвѣтаютъ. Другой — школъ не открываетъ. Положимъ далѣе, что губернское земство открываетъ въ обоихъ по двадцати школъ. Въ смыслѣ обложенія это будетъ справедливо; сколько съ каждаго уѣзда будетъ взято денегъ, столько на него и потрачено. Но равномѣрности въ обученіи дѣтей этимъ мы не достигнемъ. Возникаетъ другого рода предложеніе. Губернія приходитъ на помощь всѣмъ уѣздамъ, взявъ на себя,—ну, хоть 25 проц. школьныхъ расходовъ. Сразу число школъ не увеличивается; уѣздныя смѣты на народное образованіе уменьшаются на 25 проц.; уѣздъ, тратящій много, получаетъ помощь изъ суммъ уѣзда, ничего или мало расходующаго.

Противъ этого возстаютъ многіе, возражая, что это будетъ не усиленіе образованія, но перекладываніе денегъ изъ кармана одного въ карманъ другого. Если даже допустить справедливость этого возраженія, то не побудитъ ли такая мѣра лѣнивый уѣздъ такъ возвысить расходъ на школы, чтобы его деньги тратились на него же? Говорятъ, это будетъ кнутъ для лѣнивыхъ. Опять согласенъ. Въ этомъ-то я и вижу прелесть этой мѣры, такъ какъ не могу согласиться, что примѣненіе такого «кнута» вредно. Если могутъ еще быть мѣста, нуждающіяся въ «кнутѣ», чтобы двигать дѣло грамотности, то, очевидно, они въ немъ нуждаются. Какъ хорошо было бы, если бы *такой* кнутъ взяло въ руки само государство! Да не такимъ ли при-

нудительнымъ способомъ и разрѣшится вопросъ о введенiи у насъ повсемѣстнаго обученiя народа? Дай-то Богъ!

Долго я останавливался на этомъ вопросѣ не потому, что на обязанности губернскихъ земствъ не лежитъ еще масса другихъ дѣлъ; а потому, что я въ своихъ запискахъ вѣчно имѣю передъ глазами безпомощную фигуру нашего мужика и притомъ убѣжденъ, что отражаются болѣе всего на его жизни не междууѣздныя больницы, не губернскiе прiюты и богадѣльни, даже не постановка страхового дѣла, а именно школьная дѣятельность различныхъ органовъ управленiя и самоуправленiя.

LI.

Неурожай и его послѣдствiя.

Въ восемь лѣтъ—четыре неурожая въ черноземной центральной Россiи: въ 91, 92, 97 и 98 годахъ приходится хлѣбъ возить не изъ житницы, а въ житницу! Есть надъ чѣмъ задуматься! Цѣна покупная въ эти года отъ 80 коп. до 1 р. 30 к., продажная въ урожайные года отъ 20 до 40 копѣекъ. Не доказываетъ ли это полнаго истощенiя края? Причины неурожаевъ намъ наука не открыла до сихъ поръ, но съ фактами нельзя не считаться. Прежде всего надо ихъ себѣ уяснить. Дѣйствительно, сговорились ли мы насчетъ того, что́ такое неурожай для черноземныхъ губернiй, временное ли стѣсненiе въ средствахъ или голодъ, т.-е. болѣзнь смертельная?

Не стоитъ, конечно, говорить, что прежде всего злу нужно смотрѣть въ глаза прямо: замалчивать государственное зло есть государственная измѣна. Этого, очевидно, нѣтъ ни у того, ни у другого лагеря. Есть недоразумѣнiе, которое надо разъяснить. Надо сговориться!

Первый вопросъ: голодаетъ мужикъ въ неурожайные года или не голодаетъ? Второй вопросъ: если голодаетъ, надо ли ему помогать? Третiй вопросъ: какъ помогать?

Народъ голодаетъ, если не имѣетъ достаточно пищи, чтобы

сохранить здоровье. Для того, чтобы мы имѣли случаи голода, вовсе не требуется, чтобы вскрытіе намъ давало пустые желудки съ землей въ нихъ или чтобы были случаи смерти отъ голоднаго тифа. Народъ голодаетъ, если рабочій возрастъ истощенъ до невозможности работать, если женщины всѣ анемичны отъ недостатка пищи, если дѣти мрутъ какъ мухи отъ разныхъ поносовъ, происходящихъ отъ недостатка хорошаго, т.-е. здороваго питанія. Думаю, что противъ этого возразить трудно. Вѣдь это же смерть не непосредственно отъ голода, т.-е. отъ пустоты желудка, но во всякомъ случаѣ отъ недоѣданія, т.-е тоже отъ голода? Послушаемъ и разберемъ доводы тѣхъ, которые голодъ отрицаютъ и возстаютъ противъ правительственной помощи или, по крайней мѣрѣ, стоятъ за возможно большее ограниченіе ея.

1) Народъ не доѣдаетъ—правда, но вѣдь онъ и въ хорошіе года не доѣдаетъ. Что́ же, вѣчно, что ли, его кормить? Думаю, что это возраженіе скорѣе направлено противъ возражающихъ. Оказывается, что мы страдаемъ хроническою болѣзнью—недоѣданіемъ, обостряющеюся въ неурожайные года до степени голода. Какой выводъ напрашивается? Мѣры должны быть двухъ разрядовъ: лѣченіе хронической болѣзни и особое лѣченіе болѣзни, когда она обостряется.

2) Продовольственная ссуда, фактически безвозвратная, развращаетъ народъ, отучая его отъ работы. Сдѣлаемъ разсчетъ, сколько получаетъ средняя семья. Средняя семья изъ шести душъ получаетъ на четырехъ ѣдоковъ (одинъ рабочій, одинъ малолѣтній) по 35 фунт. въ мѣсяцъ (и то только въ нынѣшнемъ году) въ теченіе шести мѣсяцевъ (думаю, что средняя будетъ меньше). Итакъ, эта семья получитъ 21 п. Этихъ 21 п. безусловно на семью не хватаетъ; надо же и работнику ѣсть, да и съѣдается больше 35 фунтовъ, когда кромѣ хлѣба ничего нѣтъ. Заработковъ нѣтъ, потому что рублей за 10—15 мужикъ продаетъ впередъ свой годовой заработокъ, деньги же эти идутъ или на выкупъ у помѣщика неродившагося хлѣба, или на платежи мірскихъ повинностей, или на покупку недостающаго

хлѣба. Да, говорить даже смѣшно про то, что мужикъ не будетъ работать, разсчитывая на этотъ несчастный двадцатипудовый паекъ... Другой вопросъ, можетъ ли всякій работать? Да часто обезсиленъ онъ, часто боленъ! Почему же, если такъ, въ неурожайные года на рабочихъ цѣна падаетъ до баснословно низкихъ размѣровъ? Въ прошломъ году, возбудившемъ столько споровъ, я предложилъ по 15 коп. въ день бабѣ на полку проса въ началѣ іюня, т.-е. на четырнадцатичасовую работу. Мнѣ нужно было ихъ 100; безъ повѣстки явились изъ сосѣдней (верстъ за 12) волости до 500 бабъ, умоляя о работѣ. И въ этой же волости помѣщикъ одинъ говорилъ, что ни за какія деньги бабы не найдешь! Какъ объяснить это недоразумѣніе—не знаю. Вотъ фактъ, да и не у насъ только, а вездѣ. Пускай читатель выводитъ самъ заключеніе о нежеланіи народа работать!

3) Третье возраженіе противниковъ продовольственной помощи слѣдующее: не успѣютъ мужики получить сѣменной овесъ или продовольственную рожь, какъ тащатъ все это въ кабакъ. Можетъ быть, богачъ иной и получитъ ссуду, чтобы пропить ее; можетъ быть, пропьетъ ее и пропойца, который всегда пропиваетъ все, чтó можетъ; можетъ быть, наконецъ, отъ обоза останется при раздѣлѣ пуда два, которыхъ и раздѣлить нельзя, и на эти два пуда мужики разопьютъ четверть водки, но неужели же это не рѣдкія исключенія, неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ? Богъ привелъ меня два голода пережить и раздавать продовольственную ссуду и благотворительный хлѣбъ. Видѣлъ я, какъ мужики принимаютъ его, и не могу не сказать, что грѣхъ большой ляжетъ на тѣхъ, которые изображеніемъ этого несуществующаго пьянства отклоняютъ отъ голоднаго руку дающаго!

Вотъ всѣ возраженія противъ помощи. Недоѣданіе же, т.-е. по нашему голодъ, признается всѣми.

Теперь перейду къ вопросу, нужно ли помогать. Слышалъ такое мнѣніе: „намъ дорога Россія во всемъ ея цѣломъ“. Если черноземъ не только не кормитъ, но самъ живетъ на счетъ остальной Россіи, то пускай пропадаетъ совсѣмъ. Такой взглядъ

поражаетъ меня своею ошибочностью. Неужели правда, думаютъ, что промышленная Россія можетъ существовать безъ земледѣльческой Россіи? Неужели для Россіи внутренній рынокъ не важнѣе въ тысячу разъ внѣшнихъ? Да много ли у насъ вывозится, если не считать продуктовъ земледѣлія? Не въ десять ли разъ больше кормится народу земледѣліемъ, чѣмъ промышленностью?

Очевидно, что если центръ умретъ, умретъ и промышленность. Какъ же послѣ этого сомнѣваться въ необходимости придти на помощь этому центру?

Мы видѣли, что недоѣданіе у насъ хроническое, въ неурожайные годы обостряющееся. Противъ хронической болѣзни могутъ помочь только общественныя финансовыя мѣры.

Въ рамки моихъ записокъ не входитъ обсужденіе общегосударственныхъ финансовыхъ мѣръ, а потому я буду говорить только о борьбѣ съ голодомъ въ неурожайные годы. Эта борьба происходила у меня на глазахъ два раза; два раза я участвовалъ въ ней и считаю поэтому себя въ правѣ говорить авторитетно.

LII.

Продовольственное дѣло.

Самый непопулярный законъ въ Россіи—это законъ о продовольствіи. Дѣйствительно, съ начала и до конца онъ является неудовлетворительнымъ. Неудовлетворительность эта вызываетъ массу его нарушеній въ неурожайные годы. Нарушается онъ и правительствомъ, и органами, которымъ поручено приводить его въ исполненіе. Насколько плохо онъ дѣйствовалъ еще въ 91 году, всѣмъ памятно. Образована была при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія для переработки его. И все-таки законъ остался прежній и продолжаетъ поднесь не исполняться!

Неурожай мѣстнымъ жителямъ уже становится извѣстенъ въ концѣ іюня. Такъ было у насъ въ 1891 году, такъ было и въ 1897 г. И въ томъ, и въ другомъ году собирались земскія со-

бранія въ іюнѣ и въ іюлѣ. Несмотря на это, въ Петербургѣ въ 1891 году оффиціально голодъ былъ признанъ въ октябрѣ, а въ 1897 г. вовсе не признанъ. А между тѣмъ свѣдѣнія собираютъ: 1) волостныя правленія, 2) земскіе начальники, 3) полиція, 4) податные инспекторы, 5) земскія управы, 6) корреспонденты министерства земледѣлія.

Мнѣ кажется, что тутъ главная ошибка заключается въ слѣдующемъ: собираются свѣдѣнія не только объ урожаѣ, но и объ имѣющихся запасахъ. Такихъ запасовъ въ 1897 году дѣйствительно хватило на прокормленіе населенія. Но легче ли крестьянину, у котораго нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ отъ того, что у меня сорокъ тысячъ пудовъ? Для исполнительной части, т.-е. для приготовленія продовольственнаго хлѣба — это важно; важно и для опредѣленія цѣны, но отъ голода это вовсе не спасетъ мужика. Думаю, что нечего ждать, пока будутъ собраны точныя цифры объ урожаѣ, тѣмъ болѣе, что точными онѣ никогда не будутъ. Достаточно для того, чтобы принимать мѣры, знать приблизительное число копенъ и пробный умолотъ. А это всегда извѣстно въ іюлѣ.

Затѣмъ важный недостатокъ, который замѣчается при опредѣленіи урожая, это—недовѣріе, съ которымъ относятся къ своимъ же агентамъ различныя вѣдомства. Дѣйствительно, волостныя правленія обыкновенно уменьшаютъ урожай, чтобы заранѣе имѣть извиненіе, если подати будутъ плохо поступать; полиція часто доноситъ такъ, какъ считаетъ для себя полезнымъ; земскіе начальники часто смотрятъ разными глазами на одни и тѣ же явленія. Думаю, что правильнѣе всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣе свѣдѣнія давались бы земскими управами и податными инспекторами. Такъ или иначе, но надо выработать главную систему собиранія свѣдѣній, которая гарантировала бы деревню отъ незнанія въ Петербургѣ настоящаго положенія деревни.

Затѣмъ идетъ другая работа, которая должна производиться въ урожайные годы—это заготовленіе продовольствія. Тутъ вопросъ слѣдующій — какую систему продовольственную пред-

почесть: денежную или натуральную? Земства въ большинствѣ случаевъ предпочитаютъ денежную систему. Они основательно, повидимому, говорятъ, что будь у насъ сборъ въ продовольственный капиталъ послѣднія 30 лѣтъ, то теперь капиталъ образовался бы настолько крупный, что и неурожай былъ бы не страшенъ. Съ другой стороны, если принять во вниманіе удивительныя колебанія цѣнъ отъ 30 коп. въ урожайный годъ до 1 руб. 30 коп. въ неурожайный, — увидимъ, что капиталу надо учетвериться, чтобы принести тотъ же процентъ, который приноситъ запасъ хлѣба. Если при этомъ вспомнить тѣ неурядицы въ различныхъ вспомогательныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, которыя проявляются въ неурожайные годы и тормозятъ дѣло помощи, то еще болѣе придется склоняться за хлѣбные запасы на мѣстахъ. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣятельность желѣзныхъ дорогъ въ 91 году, вызвавшую назначеніе генерала Вендриха; посмотримъ на неожиданное препятствіе въ дѣлѣ подвоза хлѣба въ нынѣшнемъ году отъ безпримѣрной распутицы и тому подобныя неожиданныя задержки. Очевидно, что надо имѣть хлѣбъ на мѣстахъ.

Это не значитъ, что можно одобрить теперешнюю систему хлѣбозапасныхъ магазиновъ и собиранія хлѣба натурой. Недостатки ея всѣмъ извѣстны, но не могутъ обойти ихъ полнымъ молчаніемъ.

1) Хлѣбъ засыпается не всѣми, а только наиболѣе состоятельными. Нищета не засыпаетъ за неимѣніемъ хлѣба. Поэтому и имущіе засыпаютъ неохотно, изъ-подъ палки, съ ропотомъ. Неравномѣрность засыпки устраняется тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ общество вноситъ въ смѣту по 50 коп. или по рублю въ годъ, и на эту сумму покупается партія хлѣба. Эта система практичнѣе: деньги взыскиваются со всѣхъ по числу надѣльныхъ душъ.

2) Хлѣбъ засыпается часто никуда негодный. Такъ какъ принимаютъ хлѣбъ староста или особенно назначенные крестьяне, то легко уговорить ихъ принять всякую дрянь. Дурной, сырой хлѣбъ одного, смѣшиваясь съ хорошимъ хлѣбомъ сосѣда, пор-

титъ и его, и всю партію. При партіонной покупкѣ этотъ недостатокъ тоже устраняется, и хлѣбъ, принадлежащій обществу, является однообразнымъ.

3) Хлѣбъ общественный хранится людьми, которые съ трудомъ устоятъ противъ искушенія попользоваться изъ общественнаго амбара. Пользуясь сами, они и друзей иногда допускаютъ до него, конечно, за маленькую плату, а то и за угощеніе. Наконецъ, когда обществу вся эта исторія надоѣдаетъ, или нужда пристигнетъ, а земство не отпускаетъ хлѣба, то и обществомъ его разбираютъ. Что̀ тутъ дѣлать? Сажать всѣхъ? Штрафовать? Судить окружнымъ судомъ? Все это не помогаетъ.

4) Наконецъ и безъ злоупотребленій хлѣбъ часто портится. Амбары большею частью плохіе, крытые соломой, текутъ. Хлѣбу приходится лежать подолгу, и онъ начинаетъ гнить. Провѣтривать неудобно на выгонѣ. Слѣдить тоже некому. Проѣзжая, членъ управы заѣдетъ, поглядитъ въ открытую дверь, да и поѣдетъ дальше. Есть ли тутъ время перемѣрять сотни амбаровъ? Такъ глядятъ иногда на этотъ хлѣбъ и губернаторскіе чиновники, ревизующіе эту часть.

Изо всего этого видно, что мѣстные хлѣбозапасные магазины должны быть не по одному въ каждомъ селѣ, а по два, по три на уѣздъ. Нужно сборъ съ крестьянъ производить не хлѣбомъ, а деньгами. На эти деньги хлѣбъ долженъ покупаться земствомъ, которое должно завѣдывать и храненіемъ, и провѣтриваніемъ его. Предвижу два возраженія. Чтобы имѣть деньги, крестьянинъ долженъ съ убыткомъ продавать свой хлѣбъ; земство же понесетъ новый убытокъ при покупкѣ его. Да, но что̀ же дѣлать, если иначе хлѣба не будетъ вовсе, или онъ будетъ вовсе негодный? Второе возраженіе, что потребуются амбары дорогіе, расходы по храненію и проч. Но вѣдь и сельскіе амбары въ общемъ не дешево стоятъ, а храненіе въ нихъ хлѣба, если къ нему прибавить растраты, гораздо дороже земскаго.

Можетъ быть, хлѣбъ долженъ быть не только крестьянскій, но общеземскій, покупаемый на земскія средства со всей земли съ тѣмъ, чтобы и частные владѣльцы получили бы ссуду въ

случаѣ неурожая, т.-е. возможно нѣчто въ родѣ страхованія отъ неурожая—я не спорю, но что нельзя оставлять дѣло въ томъ положеніи, въ которомъ оно теперь, изъ предыдущаго ясно. Еще хуже стоитъ дѣло раздачи хлѣба.

LIII.

Выдача продовольственныхъ ссудъ.

Къ сожалѣнію, нужно различать у насъ въ каждомъ дѣлѣ законъ отъ его исполненія. Часто законъ, повидимому хорошій, на дѣлѣ приноситъ очень плохіе результаты. Причина ясна: неуваженіе къ нему не только населенія, но и лицъ, призванныхъ проводить его въ жизнь. Въ продовольственномъ законодательствѣ и этого сказать нельзя: самъ законъ несостоятеленъ à priori. Неудивительно, что при примѣненіи его выходитъ такой кавардакъ, что и не разберешься.

Законъ обязываетъ всѣхъ крестьянъ засыпать хлѣбъ натурой. Хотя кое-гдѣ онъ покупается обществомъ цѣлыми партіями, но въ большинствѣ случаевъ засыпка производится натурой. Очевидно, что засыпать хлѣбъ можетъ тотъ, у кого онъ есть. А такъ какъ значительная часть крестьянъ въ каждомъ обществѣ его или вовсе не имѣетъ, или имѣетъ настолько мало, что кормится своимъ хлѣбомъ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, то и засыпатъ его могутъ не всѣ: засыпаютъ состоятельные и средніе крестьяне; бѣдные не засыпаютъ.

Когда наступаетъ голодъ, хлѣбъ получать могутъ только бѣдные и иногда средніе, — богатые его не получаютъ. Оказывается, что засыпаетъ Иванъ, а ѣстъ Петръ. Неужели такой законъ удовлетворитъ мужика? Вотъ главный, капитальный недостатокъ закона. Мотивируется это тѣмъ, что у насъ—община; община должна заботиться о неимущихъ. Когда дѣло идетъ о случайныхъ бѣдныхъ: вдовыхъ, сирыхъ, больныхъ, то это такъ,— община, міръ можетъ прокормить случайно обѣднѣвшихъ, но за-

ставлять одну половину села кормить другую половину — это уже не благотворительность, а прямая несправедливость.

Перехожу къ другому недостатку закона. Открывается по уѣзду голодъ. Земское собраніе иногда собирается несвоевременно и постановляетъ ходатайствовать о губернской ссудѣ, такъ какъ въ магазинахъ хлѣба, очевидно, не хватитъ. Разсчетъ гадательный, въ разныхъ уѣздахъ—различный. Но положимъ, что разсчетъ сдѣланъ. Идетъ это ходатайство въ губернское земство. Губернское земское собраніе тоже часто запаздываетъ и постановляетъ, въ виду отсутствія губернскаго продовольственнаго капитала, ходатайствовать объ имперской ссудѣ. Разсчетъ гадательный, составленный по разнообразнымъ уѣзднымъ требованіямъ, идетъ въ Петербургъ. Тамъ собраны свои свѣдѣнія, не всегда совпадающія съ земскими. Ссуда урѣзывается и, наконецъ, разрѣшается. На все это обязательно прошло два-три мѣсяца.

Начинается писаніе приговоровъ, которые, по разсмотрѣніи земскимъ начальникомъ, поступаютъ въ управу. Управа, въ составѣ двухъ-трехъ членовъ, иногда съ помощью еще двухъ-трехъ гласныхъ, начинаетъ провѣрять эти приговоры подворно.

Эту работу я производилъ самъ неоднократно и смѣло утверждаю, что произвести ее добросовѣстно этимъ лицамъ можно не ранѣе, чѣмъ въ годъ. Какъ они ни торопись, ссуда всегда опоздаетъ. Неисполнимость—вотъ второй недостатокъ закона.

Послѣ этого естественнымъ покажется, что законъ не исполняется. Дѣйствительно, онъ въ каждый голодъ нарушается съ начала и до конца. Такъ, по закону дѣло это поручено земству; на дѣлѣ параллельно съ земствомъ вѣдается оно особо учреждаемыми губернскими и уѣздными продовольственными комитетами или попечительствами. Происходитъ то, что каждый тянетъ на свою сторону; одни стремятся побольше выдать, другіе — сократить выдачу, насколько возможно. Въ одномъ уѣздѣ разрѣшается ссуда въ 500,000 пудовъ, а выдаютъ 100,000, причемъ остатокъ потребляется сосѣднимъ уѣздомъ, гдѣ дѣло стоитъ не хуже; изъ одного участка всѣ приговоры представлены въ августѣ, ъ

другомъ не появляются до марта. Не опишешь всего, чтó творится...

А мужикъ голодаетъ тѣмъ временемъ и распродаетъ скотину и все, чтó можетъ, за безцѣнокъ. Къ веснѣ ужъ начинаютъ появляться всевозможныя, часто противорѣчивыя, приказанія: выдавать и на рабочій возрастъ, выдавать и безъ приговоровъ, выдавать и безземельнымъ крестьянамъ и проч., но все это уже поздно.

Оказывается, что продовольственный законъ, написанный для того, чтобы онъ дѣйствовалъ въ голодные годы, въ эти-то годы и не соблюдается. Для чего же тогда онъ нуженъ? Нарушенія закона, про которыя я только что говорилъ, идутъ сверху. Описать же, чтó дѣлается въ деревнѣ, невозможно. Объ этомъ можно книгу написать.

Начинается съ того, что хлѣба нѣтъ; хочется хоть засыпанный въ магазинахъ хлѣбъ раздать или тѣмъ, кѣмъ онъ засыпанъ, или хоть по душамъ, т.-е. всѣмъ. Пишутъ соотвѣтствующіе приговоры; приговоры возвращаются, какъ незаконные (не забудьте, что къ веснѣ будутъ выдавать вовсе безъ приговоровъ). Тогда пишутъ, что хлѣбъ испортился: надо его разобрать съ тѣмъ, чтобы замѣнить новымъ. Пріѣзжаетъ членъ управы, и если онъ помягче сердцемъ, то хлѣбъ дѣйствительно оказывается испорченнымъ. Есть уѣзды, гдѣ весь хлѣбъ такъ разобранъ. Если это не удается, то разбираютъ хлѣбъ самовольно, для виду связавши старостѣ и вахтеру руки. Мужиковъ иногда за это штрафуютъ по гривеннику въ пользу ихъ же мірского капитала, или отдаютъ подъ судъ окружного суда. Окружной судъ ихъ оправдываетъ.

Бываетъ такъ: приговоръ написанъ, провѣренъ и возвращенъ, но мужики недовольны назначеніемъ и объявляютъ, что не хотятъ такой раздачи. Съ ними, во избѣжаніе чуть не бунта, идутъ на компромиссы, торгуются и кое-какъ раздаютъ.

Я думаю, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ этой неурядицы служитъ недовѣріе къ мужику. Ссуда выдается еже-

мѣсячно. Зачѣмъ это? Неужели всѣ мы не знаемъ, что хлѣба въ кабакъ мужикъ никогда почти не носитъ, даже въ хорошіе годы. Пропиваетъ тотъ мужикъ хлѣбъ, который и ежемѣсячную получку пропить способенъ. Если мужику на дворъ пришлось бы получить двадцать пудовъ, — то почему ихъ не выдать всѣхъ въ сентябрѣ? Во-первыхъ, мужикъ зналъ бы, на чтó онъ можетъ разсчитывать и не тянули бы его, какъ теперь, надеждой, что вотъ-вотъ дадутъ, когда ничего не дадутъ. Не одна бы лошадь, не одна бы корова уцѣлѣла, получи онъ ссуду осенью! Онъ бы спокойно уѣхалъ на зиму на заработки, зная, что хоть до марта его жена и дѣти будутъ сыты, и прислалъ бы имъ деньжонокъ на остальное время. Помощь нужна, можетъ быть, не столько большая, сколько своевременная.

При всемъ этомъ не забудемъ, что, въ концѣ концовъ, вопросъ кому получать и кому не получать, все-таки рѣшается никѣмъ инымъ, какъ волостнымъ правленіемъ. Сколько нищихъ должны только смотрѣть, какъ богатый получаетъ ссуду! Вотъ вамъ и источникъ нареканій, для многихъ служащій поводомъ къ тому, чтобы вовсе отрицать пользу помощи.

Если копнуться въ этихъ ворохахъ бумаги, то не найдемъ ли мы и мертвыя души, получившія хлѣбъ, и семьи, получившія на десять человѣкъ, при наличности трехъ ѣдоковъ?

Знаю, что критиковать легче, чѣмъ дѣлать, но смѣю думать, что и поставить дѣло лучше невозможно. Сгруппирую тезисы, на основаніи коихъ, думаю, дѣло пошло бы лучше:

1) Въ губерніяхъ, часто нуждающихся въ продовольственной помощи, должны быть запасы хлѣба на мѣстахъ, собираемые въ урожайные годы при дешевыхъ цѣнахъ. Храниться этотъ хлѣбъ долженъ въ большихъ земскихъ магазинахъ.

2) Деньги на этотъ хлѣбъ должны собираться со всѣхъ, наравнѣ съ податями, примѣрно до пяти или шести рублей на каждаго ѣдока, не исключая никого.

3) Во избѣжаніе проволочекъ и въ виду невозможности отдѣлить бѣдныхъ отъ богатыхъ, надо опредѣлить для каждаго уѣзда, или для каждой части уѣзда, минимумъ урожая, при ко-

торомъ голода нѣтъ,—съ тѣмъ, чтобы добавлять до этого минимума хлѣбъ изъ запасовъ.

4) Во всякомъ случаѣ, установить принципъ сберегательный или страховой, но никакъ не благотворительный, какъ теперь.

5) Всю помощь выдать своевременно, т.-е. осенью.

Не имѣя въ виду писать законопроектъ и ограничиваясь лишь набросками, я на этомъ и остановлюсь. Я хотѣлъ изобразить только главныя черты той грустной картины, которая намъ представляется каждый неурожайный годъ. Положеніе вѣдь таково, что чуть ли не хуже всего идетъ дѣло въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ законъ наиболѣе исполняется. Нельзя же оставаться при такомъ законодательствѣ? Вѣдь и въ 1891 году всѣ эти недостатки закона были видны такъ, что вызвали даже образованіе особой коммиссіи для пересмотра закона—но увы! законъ и поднесь тотъ же... Неужели же его несостоятельность не очевидна?

LIV.

Благотворительность.

Чѣмъ ниже общее благосостояніе народа, чѣмъ ужаснѣе послѣдствія неурожая, чѣмъ безпорядочнѣе поставлено продовольственное дѣло, тѣмъ нужнѣе является въ голодные годы частная благотворительность. Къ сожалѣнію, и тутъ мало приходится наблюдать отраднаго.

У насъ принято считать, что народъ русскій любитъ приходить на помощь ближнимъ и чуть ли не готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку. Я уже говорилъ, что этотъ предразсудокъ основанъ на обычаѣ народа подавать милостыню, и что это подаваніе милостыни вовсе не есть результатъ сильно въ немъ развитого чувства состраданія. Я пережилъ голоды 1891 и 1897 годовъ и съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что чувство состраданія видѣлъ очень рѣдко. Наоборотъ, всякій, имѣвшій

какіе-либо запасы, только и думалъ, какъ бы воспользоваться окружающей нищетой, чтобы эти запасы пріумножить.

Въ 1891 году принято было удивляться, какъ русскій народъ устремился помогать голодающимъ. Дѣятельность отдѣльныхъ выдающихся личностей, трудъ и матеріальныя жертвы исключеній вмѣнялись въ заслугу всему народу. Для меня цифры говорили другое. Я удивлялся скудости этихъ жертвъ. Неужели не могла Россія собрать больше какого-нибудь десятка милліоновъ рублей? Неужели стоило устройство всякой столовой превозносить какъ актъ великаго милосердія? То же равнодушіе, ту же черствость я видѣлъ въ холеру, въ голодъ 1897 года. Столько же помогъ намъ, какъ и русская милостыня, хлѣбъ, присланный изъ Америки и Англіи. Кружокъ квэкеровъ прислалъ сотни тысячъ рублей. Имя пастора иностранной церкви въ Петербургѣ было во главѣ списка жертвователей. Сравнимъ это съ тѣмъ, какъ мы заплатили нашъ долгъ Англіи во время голода въ Индіи.

Въ нынѣшнемъ году печать сознала это: слышатся голоса, что жертвъ мало. Доходитъ до того, что чуть не поименно называютъ въ газетахъ стариковъ, получившихъ въ столовой кусокъ хлѣба и кружку щей.

Между тѣмъ, нужда извѣстна и многими описана съ достаточнымъ краснорѣчіемъ. Крѣпкіе нервы надо имѣть, чтобы хладнокровно читать такія письма, какъ письмо Л. Л. Толстого. Мы, пережившіе 1891 и 1897 годы, можемъ понять, чтó дѣлается теперь въ Казани и Уфѣ! Между тѣмъ, Курскъ, Смоленскъ, Москва—вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ стону исхудалыхъ, голыхъ дѣтей, кричащихъ «мама, мама!» чтобы получить кусокъ лебеднаго хлѣба, и къ рыданіямъ матери ихъ, убѣгающей, чтобы не слышать этихъ стоновъ, такъ какъ куска этого у нея нѣтъ—вмѣсто этого заняты важнымъ вопросомъ: измѣнникъ Дрейфусъ или нѣтъ. Если бы капля состраданія была у насъ, мы бы не Дрейфусомъ занимались, а нашими братьями,—не славянскими братьями, а русскими, родными!

Есть, впрочемъ, и для насъ смягчающее обстоятельство. Это

положеніе, въ которое поставлена частная благотворительность. Если есть что на свѣтѣ, боящееся регламентаціи,—такъ это благотворительность. Между тѣмъ, и тутъ введено бюрократическое начало, леденящее, отталкивающее руку дающаго.

Боже упаси меня хоть слово сказать противъ общества Краснаго Креста! Оно дѣлаетъ что можетъ,—больше чѣмъ можетъ. Посмотримъ же, что оно можетъ сдѣлать. Снабженные большими суммами, выѣзжаютъ гг. уполномоченные съ своими помощниками. На каждаго приходится губернія или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько уѣздовъ. Что они могутъ сдѣлать? Пріѣхать къ губернатору и въ засѣданіи губернскаго продовольственнаго попечительства узнать, какіе уѣзды болѣе поражены. Изъ губернскаго города они летятъ въ эти уѣзды, собираютъ уѣздныя попечительства. Тутъ предводитель, всѣ земскіе начальники и еще кое-кто... То же попечительство распредѣляетъ и земскую ссуду. Тутъ одинъ земскій начальникъ кричитъ, что у него умираютъ съ голоду: ему ассигнуютъ больше; другой, поскромнѣе, получитъ меньше, хотя участокъ еще болѣе нуждается; третій (изъ отрицающихъ голодъ) утверждаетъ, что у него благоденствуютъ: какъ и земской ссуды, не видать жителямъ его участка и благотворительной помощи! Конечно, уполномоченные исколесятъ уѣздъ во всѣхъ направленіяхъ; но, очевидно, ѣдутъ съ тѣми же земскими начальниками. А я берусь вамъ тотъ же участокъ, то же село показать такъ — что вы ужаснетесь, или такъ—что вы поѣдете дальше.

Есть въ уѣздномъ попечительствѣ и такъ, въ уѣздѣ, вліятельныя лица, или въ своихъ имѣніяхъ, или пріѣхавшія, которыя укажутъ на нужду; тутъ образуется мѣстное попечительство, иногда дающее помощь въ изобиліи,—можетъ быть, въ излишнемъ количествѣ. Но больше забытыхъ Богомъ уголковъ, про которые и не услышитъ г. уполномоченный: тутъ замретъ, постепенно слабѣя, крикъ «мама, мама!» — не будучи никѣмъ услышанъ...

Не виноватъ уполномоченный, что его не хватаетъ на то, чтобы узнать уѣздъ; пошлите васъ, пошлите меня, пошлите са-

маго выдающагося благотворителя—и будетъ то же. Не виноватъ чиновникъ, что его дѣятельность идетъ сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. На то онъ и чиновникъ... Увы! Изъ общества Краснаго Креста сдѣланъ департаментъ благотворительности съ отдѣленіями и ревизорами. Благотворительность централизована въ Петербургѣ. Вотъ гдѣ наше смягчающее обстоятельство.

Когда у насъ была холера, мы посылали цѣлую армію маленькихъ отрядовъ изъ врача, студента, фельдшерицы, — не трехъ, четырехъ профессоровъ, а именно маленькіе отряды. Каждаго больного нужно освидѣтельствовать, устроить, слѣдить за нимъ. То же и при неурожаѣ: не такъ легко различить простую бѣдность отъ кричащей нужды, отъ голода! Каждый отдѣльный случай нужно изслѣдовать и не терять изъ виду, такъ какъ средствъ мало и надо ихъ беречь. Кто лучше всего исполнитъ эту задачу? Люди съ сердцемъ неокаменѣлымъ,—молодые, самоотверженные.

На мѣстахъ этихъ людей нѣтъ: во-первыхъ, скоро мы мохомъ обростаемъ; во-вторыхъ, большинство деревенскихъ жителей стоитъ въ такихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, что не смѣютъ быть безпристрастными. На что, думалъ я, хороши будутъ для распредѣленія помощи священники? И знаютъ они всѣхъ какъ свои пять пальцевъ, и по сану должны быть справедливы! Между тѣмъ, кто изъ нихъ постарше, получивъ суммы, начали ихъ распредѣлять чуть не поголовно поровну. Меня это возмущало, но послѣ я убѣдился, что они были правы, на примѣрѣ иныхъ молодыхъ священниковъ. Эти, съ живыми еще идеалами, начали дѣйствовать по справедливости: и чтó же? При благословеніяхъ нищихъ они такъ возстановили противъ себя большинство прихода, что положеніе ихъ сдѣлалось впослѣдствіи невыносимо. Тогда только понялъ я побужденія старшихъ.

Къ мужикамъ богатымъ обращаться не стоитъ: большинство изъ нихъ—кулаки; въ лучшемъ случаѣ помогали они семьямъ своихъ работниковъ. Къ помѣщикамъ? Да много ли у насъ помѣщиковъ, готовыхъ взять на себя такую обузу? Къ учителямъ? Слишкомъ зависимы они отъ крестьянъ, чтобы заставлять ихъ

становиться къ нимъ въ дурныя отношенія. Двухъ-трехъ учительницъ, самоотверженно, чудно благотворившихъ, я зналъ, но ихъ чуть сумасшедшими не сочли. Нѣтъ... Рѣшительно на мѣстахъ нѣтъ нужныхъ людей...

Кому же поручить это дѣло? Кого прислать? А по-моему—никого не присылать: пускай сами ѣдутъ! Если я ѣхать не могу, а у меня будетъ охота что́ пожертвовать,—я самъ найду, кому эту жертву передать. Найдутся люди, готовые пожертвовать больше, чѣмъ деньгами: трудомъ своимъ, нервами, здоровьемъ. Не мѣшайте только, дайте благотворить тайно, по-евангельски, безъ отчетовъ, безъ корреспонденцій!.. Но кто же имъ мѣшаетъ, спроситъ читатель, ѣхать и благотворить? Недавно мы читали циркуляръ (на это нуженъ циркуляръ!), что частная благотворительность не воспрещается, но что для открытія столовыхъ и прочихъ общественныхъ учрежденій нужно разрѣшеніе. Итакъ, все-таки мнѣ могутъ сказать: «нѣтъ, тутъ не нужно» или «тебѣ не позволяемъ». Каждый деревенскій житель знаетъ это изъ практики 1897 года. Да, если бы я не зналъ, что мы—дѣйствительно жертвователи плохіе, я бы сказалъ, что это для насъ не только смягчающее обстоятельство, но извиненіе!

Когда холера, когда недостатокъ врачебнаго персонала у переселенцевъ—туда отправляютъ студентовъ-медиковъ, фельдшерицъ, и никто не боится ихъ вліянія на народъ. Когда голодъ—молодежь намъ кажется подозрительной. Мы ее не допускаемъ до народа. Для меня, постояннаго деревенскаго жителя, это непонятно. Неужели такъ мало знаютъ народъ, что все боятся дурныхъ вліяній? Если одинъ изъ сотни и поѣхалъ бы, чтобы не помогать народу, а развращать его, то не народъ развратился бы, а онъ бы самъ исправился. Какъ вы хотите, чтобы идеалы народные распространялись на интеллигенцію нашу, если вы тщательно не допускаете ея съ ними соприкосновенія.

Наконецъ, гдѣ научиться молодежи нашей любви къ ближнему, какъ не въ дѣлахъ милосердія? Состарюсь я, умирать буду—не забуду сценъ 1891, 97 годовъ! Память о нихъ для меня цѣннѣе всѣхъ пройденныхъ наукъ!

Не будемъ же удивляться, если интеллигенція наша черствѣетъ, если она не любитъ народа, если идетъ въ разрѣзъ съ его идеалами! Дороже университетскаго курса былъ бы мѣсяцъ, проведенный теперь въ Самарской деревнѣ...

А какъ нужна благотворительность! Вѣдь земство многимъ даетъ хлѣбъ. Красный Крестъ ставитъ себѣ задачей пополнять пропуски земства. Я знаю это изъ 1897 года,—да и изъ теперешнихъ свѣдѣній, идущихъ изъ пораженныхъ губерній! Но неужели этого земскаго пайка довольно? Вѣдь умретъ же ребенокъ съ однимъ этимъ чернымъ хлѣбомъ,—вѣдь надо же ему пшенца-то, кашки! Вѣдь нужна рубашенка! Вѣдь не протопится семья всю зиму крышей!

Нѣтъ, не нужно намъ строгихъ отчетовъ, тормозящихъ дѣло, не нужно входящихъ, исходящихъ, регистрацій и проч.—любви и труда больше надо! Не затыкать себѣ уши, а прислушиваться къ крику дѣтей, къ хрипѣнью стариковъ и къ стону матерей.

Тянутся къ намъ безпомощныя руки такихъ же людей, какъ и мы: съ однимъ Богомъ, съ одними идеалами, какъ и у насъ,—а мы сидимъ, кто отъ лѣни, скупости, мозолистости сердца, кто отъ того, что не пускаютъ... Гдѣ же ты, Русь святая?

LV.

Народное пьянство.

Однимъ изъ источниковъ разоренія народнаго является пьянство. Дѣйствительно, если считать приблизительно стоимость водки и акциза, расходы кабатчика по кабаку, прибыль его (послѣдніе два расхода замѣняются теперь расходами и прибылью по монополіи), то окажется, что вся Россія расходуетъ на каждаго жителя, включая женщинъ и дѣтей, рубля по три, а это на среднюю семью составитъ 15—20 рублей,—почти столько же, сколько всѣ подати вмѣстѣ взятыя.

При этомъ нужно ввести двѣ весьма крупныя поправки. Первая состоитъ въ томъ, что изъ этихъ 15 — 20 рублей приблизительно двѣ трети, т.-е. 10 — 14 рублей, идутъ въ доходъ казны. Перестань вдругъ народъ пить, казнѣ пришлось бы брать съ того же народа эти деньги. Такимъ образомъ, собственно на водку и на сопряженные съ производствомъ и продажей ея расходы непроизводительно расходуется около одного рубля на жителя или 5—6 рублей на семью.

Другая поправка не можетъ быть даже болѣе или менѣе приблизительно оцѣнена въ рубляхъ: это — упущенія въ хозяйствѣ и потери, соединенныя съ состояніемъ опьяненія, — въ особенности при безобразныхъ формахъ, въ которыхъ проявляется это опьяненіе у русскаго мужика.

Въ причинахъ и послѣдствіяхъ этого явленія, а также въ вопросѣ о возможности устраненія пьянства мнѣ и хотѣлось бы хоть немножко разобраться.

Прежде всего попробую сравнить въ этомъ отношеніи образованные классы съ массою необразованною. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ можно раздѣлить на три категоріи: пьяницъ,—умѣренно пьющихъ,—вовсе не пьющихъ. Пьяницу отъ умѣренно пьющихъ различимъ по тому, какъ это отражается на его хозяйствѣ, и назовемъ пьяницей человѣка, который, будучи предоставленъ самъ себѣ, неспособенъ вести самостоятельнаго хозяйства, т.-е. или пропоицу, или человѣка, котораго отъ положенія пропоицы удерживаетъ не личная его воля, а окружающіе люди или обстоятельства.

Между крестьянами опредѣлить число пьяницъ можно: можно, зная село, перебрать въ своемъ умѣ пьяницъ и высчитать приблизительный процентъ ихъ. Невозможно этого сдѣлать для образованныхъ классовъ по разбросанности ихъ мѣстожительства и потому, что образованный пьяница скоро сходитъ съ нашей житейской сцены и теряется изъ виду. Буду говорить, какъ дѣло мнѣ представляется. Мнѣ кажется, что процентъ образованныхъ и невѣжественныхъ пьяницъ приблизительно одинъ и тотъ же, т.-е. весьма небольшой. Думаю, что пьянство не есть

продуктъ невѣжества: это—результатъ болѣзни воли и болѣзни физической. Если бы и могъ пьяница силой воли остановиться, то онъ бы настолько изстрадался, физически тоскуя, что даже сильная воля его бы не удержала. Это—человѣкъ, который при всемъ внушаемомъ имъ презрѣніи достоенъ и глубокаго сожалѣнія.

Обращаясь къ противоположной группѣ, людей не пьющихъ вовсе, мы можемъ наблюдать то же явленіе: и въ образованныхъ классахъ, и въ необразованныхъ ихъ очень мало. Громадное большинство и тѣхъ, и другихъ пьетъ умѣренно. Вся разница въ томъ, кáкъ они пьютъ. Если положить, что взрослый человѣкъ выпьетъ въ годъ два ведра 40-градусной водки или соотвѣтствующее количество слабыхъ винъ, то въ день на него придется по рюмкѣ водки. Никто и не подумаетъ назвать такого человѣка пьяницей. Если же онъ выпьетъ эти два ведра, какъ ихъ пьетъ мужикъ, то онъ двадцать разъ въ году потеряетъ человѣческое подобіе.

Что алкоголизмъ можетъ быть врожденнымъ—это несомнѣнно. Доказано, что онъ чередуется въ разныхъ поколѣніяхъ съ истеріей и сумасшествіемъ. О такомъ пьяницѣ и говорить нечего. Спастись онъ могъ бы, только не видавъ всю жизнь водки,—и то болѣзнь его явилась бы, можетъ быть, въ другой формѣ. Ни воспитаніемъ, ни иными мѣрами его не удержишь. Вылѣчить его могла бы, можетъ быть, только лѣчебница для алкоголиковъ. Не видавъ таковыхъ, не могу о нихъ и судить. Другое дѣло пьяницы не наслѣдственные: они доходятъ до этого состоянія, постепенно переходя изъ разряда умѣренно-пьющихъ, не будучи сдерживаемы воспитаніемъ. Разъ организмъ отравленъ, человѣкъ пропалъ, по-моему, безвозвратно.

Такъ какъ я хочу говорить спеціально о мужикѣ, то я буду говорить о громадномъ большинствѣ ихъ, которыхъ я назвалъ умѣренно, хотя безобразно, пьющими. Какъ никто не будетъ осуждать умѣренно-пьющаго, какъ пьютъ образованные классы,—такъ отвратительны мужики, когда пьютъ. Посмотримъ же, они ли въ этомъ виноваты.

Каждый изъ насъ имѣетъ возможность найти массу удовольствій: для насъ удовольствіемъ служитъ все, чтó составляетъ пищу для ума: бесѣда съ образованными людьми, чтеніе хорошей книги, общественные интересы, за которыми мы съ жадностью слѣдимъ, театръ, художественная выставка. При этомъ мы такъ воспитаны, что сознаемъ мерзость опьяненія. И то многіе изъ насъ прорываются! У мужика нѣтъ ни воспитанія, ни образованія. Я различаю при этомъ эти два понятія, такъ какъ и то, и другое нужно.

Воспитаніе ему бы указало, что скверно быть пьянымъ, укрѣпило бы его волю. Скажутъ, что и мужикъ знаетъ, что пьянство — грѣхъ; по-моему, знать это мало, надо сознать. Мы сознаемъ это зло, и потому никто не начнетъ пить съ тѣмъ, чтобы напиться; дѣлается это нечаянно. Мужикъ предвкушаетъ удовольствіе не выпить, а именно напиться, и напивается сознательно. Очевидно, онъ не сознаетъ, что это — зло. Только воспитаніе укрѣпитъ въ немъ сознаніе о достоинствѣ человѣка, не позволяющемъ уподобляться скоту — о вредѣ, приносимомъ его пьянствомъ ближнему; только воспитаніе искоренитъ эти грубые инстинкты, такъ ярко выступающіе, когда онъ пьянъ, и заключающіеся въ побояхъ, наносимыхъ женѣ, дѣтямъ, слабымъ, въ ругательствахъ, разгулѣ и всякихъ безобразіяхъ; только воспитаніе проведетъ истины Христовой религіи въ жизнь мужика.

Но воспитанія мало. Надо еще дать ему средства борьбы. Эти средства дастъ ему развитіе и образованіе. Его будничная жизнь ужасна по своей неприглядности. Оставьте ему его узкій кругозоръ, и онъ, хотя бы и сталъ сознательно относиться къ добру и злу, не нашелъ бы, чѣмъ наполнить и праздники, и будни. Расширить этотъ кругозоръ, дать пищу его уму и тѣмъ отвлечь отъ вина можетъ только образованіе.

Поэтому односторонними мнѣ кажутся желающіе давать образованіе, не заботясь о воспитаніи, такъ же какъ несовершенно рѣшатъ задачу воспитанія тѣ, которые недостаточное мѣсто отводятъ образованію и развитію. Школу я бы опредѣлилъ такъ: школа есть учрежденіе, которое, образовывая, воспитываетъ и,

воспитывая, образовываетъ. Какъ этого достигнуть — это предметъ науки, къ сожалѣнію далеко еще не совершенной, истины которой надо искать одновременно и въ сердцѣ нашемъ, и умѣ нашемъ.

Признавъ, что пьяницъ мало, а громадное большинство пьетъ немного, но безобразно, а съ другой стороны, что это—явленіе, происходящее отъ отсутствія воспитанія и образованія,—мы придемъ и къ выводамъ, которые сами напрашиваются; для мужика нужна школа, и притомъ школа хорошая, а не розги, не кутузка и прочія строгости и опеки.

Помѣстилъ я эту статью послѣ вопроса о продовольствіи отчасти потому, что вино—одна изъ причинъ, вызывающихъ нужду въ продовольствіи, отчасти, чтобы показать, какъ возможно бы и въ продовольствіи не слишкомъ-то уже опекать крестьянина, чуть не выдавая ему хлѣбъ ежедневно. Опять повторяю: много бы помогла одновременная и своевременная выдача этого хлѣба.

На этомъ я остановлюсь. Не стоитъ описывать безобразій, сопровождающихъ пьянство—всѣмъ они извѣстны. Не стоитъ говорить про пьянство дѣтей, которымъ водку подносятъ родители. Я хотѣлъ только указать на корень зла и на единственное лѣченіе его, каковымъ оно мнѣ представляется.

LVI.

Крестьянскіе заработки.

Когда говорятъ о продовольствіи, постоянно принимаютъ въ разсчетъ заработки населенія. Такъ, существуетъ правило не выдавать ссуды на рабочихъ. Если и бываетъ распоряженіе, что выдавать можно, то требуется точная мотивировка, почему именно эти рабочіе въ ссудѣ нуждаются. Осенью ссуда не выдается, потому что населеніе, якобы, обезпечено заработками; весною тоже успокаиваются: пускай, молъ, работаютъ!

Къ сожалѣнію, заработки нашего крестьянина настолько не-

значительны, что всѣ эти разсчеты не оправдываются: народъ кормится не заработками, а проѣдая остатки своей скотины и другого имущества. Удивительно, говорятъ про заработки, а между тѣмъ мнѣ не встрѣчалось разсчетовъ, сколько на мужика приходится этихъ заработковъ. Земская статистика могла бы намъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ; къ сожалѣнію, и она далеко не удовлетворительна.

Оговариваюсь: я рѣчь веду только о нашихъ черноземныхъ центральныхъ губерніяхъ,—о бывшей житницѣ Россіи. Да и голодъ ее только и выбралъ для своихъ посѣщеній, какъ будто для того, чтобы она изъ кормилицы Россіи обратилась въ нищую. Съ 1891 г.—четвертый голодъ именно въ этихъ губерніяхъ. Бываютъ же неурожаи и въ промышленныхъ губерніяхъ, и въ западныхъ, и въ южныхъ, а голода не бываетъ! Не оттого ли именно это и происходитъ, что тамъ есть заработки, а здѣсь ихъ нѣтъ?

Кромѣ, какъ на десяткахъ двухъ, приходящихся на губернію, заводовъ винокуренныхъ и свеклосахарныхъ, у насъ никакого другого заработка нѣтъ, кромѣ чисто земледѣльческаго. Просматривая данныя, которыя у меня подъ рукой, я нахожу, что отношеніе площади землевладѣльческой земли къ крестьянской составляетъ приблизительно двѣ трети.

Съ другой стороны, мы не ошибемся, взявъ, что на среднюю семью въ 6 ѣдоковъ, т.-е. на одно тягло крестьянской земли, приходится 5 десятинъ. Помѣщичьей земли на это тягло придетс́я 3 десятины. Изъ этихъ трехъ десятинъ одна подъ паромъ; затѣмъ надо исключить лѣсъ, неудобныя земли, земли, отдаваемыя тѣмъ же крестьянамъ въ ежегодную аренду, площадь каковыхъ ежегодно увеличивается. Тогда окажется, что ни въ какомъ случаѣ на одно тягло не придется обработать болѣе одной десятины частно-владѣльческой земли. На эту обработку совсѣмъ съ молотьбой хлѣба требуется 13 дней мужскихъ и 7 женскихъ. Сдѣльная цѣна этой работы—приблизительно 12 р.

Не забудемъ при этомъ, что землевладѣніе частное все падаетъ и падаетъ. Кромѣ обработки земли, всѣ остальныя работы,—въ особенности же въ голодные годы,—сводятся къ минимуму.

Скотоводства мало, рабочихъ держатъ немного, сады запущены, такъ что, опредѣливъ добавочный заработокъ тягла въ 3 рубля, мы, конечно, его преувеличиваемъ. Итакъ, 15 рублей—вотъ все, чтó семья зарабатываетъ на мѣстѣ, причемъ я умалчиваю о томъ что часто во многихъ мѣстностяхъ ту же работу крестьяне производятъ за половинную цѣну, взявъ деньги впередъ.

Обратимся теперь къ заработкамъ на сторонѣ. Дѣло это у насъ не организовано,—да не знаю, можетъ ли оно быть организовано. Ѣдутъ обыкновенно на югъ. Лѣтомъ на уборку ѣздить отъ насъ перестали, потому что къ добру эти поѣздки не ведутъ. Часто проѣздятъ даромъ, работы не найдутъ,—притомъ, если и находятъ работу дорогую, то продолжается она настолько мало времени, что больше денегъ, чѣмъ заработаютъ, выйдетъ на проѣздъ. Иногда читаешь въ газетахъ, что въ Пензѣ уборка десятины—2 рубля, а въ Екатеринославѣ — 12 р., и что все зло— въ отсутствіи бюро, которое бы пензенца посылало въ Екатеринославъ. Забываютъ только, что если бы пензенецъ и попалъ туда, то такая цѣна держится недѣлю, и онъ бы больше 25 рублей не заработалъ, да проѣздилъ бы 20 рублей, да на 20 рублей убытку бы въ хозяйствѣ потерпѣлъ.

На зимнюю работу на заводахъ разсчитывать тоже нельзя. Помимо трудности попасть на заводъ, далеко не всѣ выносятъ эту работу. Послѣдніе годы наши крестьяне стали туда ѣздить; оказалось, что выноситъ этотъ страшный трудъ незначительное меньшинство, дѣйствительно присылающее домой денегъ. Большинство же разоряется въ поѣздкахъ, такъ какъ, проработавъ 2—3 дня, замѣчаетъ, что работа не подъ силу.

Да и какъ удивляться, что крестьянинъ нашъ не выноситъ тяжелой работы? Питаясь всю жизнь однимъ хлѣбомъ, да и то не вволю, онъ постепенно изъ поколѣнія въ поколѣніе слабѣетъ. Недаромъ военное вѣдомство рѣшило принимать на службу солдатъ, даже если они не выходятъ размѣромъ въ груди.

Итакъ, мы видимъ, что посторонніе заработки очень мало доступны крестьянамъ нашимъ. Приходится ограничиваться максимумомъ въ 15 рублей въ годъ средней семьѣ одиночекъ, а вѣ

большинство у насъ одиночекъ. Хлѣба у насъ продажнаго тоже вѣдь немного, и вотъ изъ этого надо заплатить подати, поправить постройку, перешить шубу, кое-какъ одѣть ребятишекъ, купить керосину и соли, починить сбрую. Въ голодный же годъ и хлѣба-то продажнаго нѣтъ, да и на ѣду не хватаетъ, а заработокъ еще понижается. Вотъ вамъ чѣмъ долженъ кормиться этотъ «лѣнтяй», предпочитающій голодъ и нищету работѣ! Грѣхъ ли послѣ этого выдавать ему ссуду? Или продолжать разсчитывать на его заработки?

А все-таки говорятъ, что мужики работать не хотятъ, хотя я это отрицаю безусловно и, наоборотъ, ручаюсь, что эти самые мужики идутъ съ радостью работать за самую ничтожную плату, даже за хлѣбъ, *лишь бы была возможность работать*. Поясню это примѣрами. Надо кому перевезти партію хлѣба. Годъ голодный—надо заплатить подешевле. И вотъ предлагаютъ цѣну, за которую ѣхать нельзя. Вѣдь въ голодный годъ и овесъ дорогъ, и лошадь заморена, требуетъ больше овса? Ну, что если овесъ дороже предлагаемой цѣны? А не дай овса, лошадь не повезетъ. Вотъ вамъ и случай нежеланія мужиковъ работать!

Другой случай: въ это время всегда говорятъ, что работницы не найдешь; не про мужиковъ говорятъ, а, главное,—про бабъ. Недавно мнѣ попалось въ газетахъ, что въ какомъ-то уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдатель доказывалъ излишество помощи тѣмъ, что какой-то пріятель его не находилъ няньки, несмотря на предлагавшееся жалованье въ 2 руб. 50 коп. Что нельзя найти работницъ ни въ хорошіе, ни въ плохіе годы—это вѣрно, но отъ нежеланія ли работать это происходитъ? Вѣдь поденныхъ бабъ вы найдете тысячи по гривеннику въ день! Слѣдовательно, дѣло не въ нежеланіи.

Дѣвушекъ, не идущихъ замужъ, у насъ въ деревняхъ нѣтъ,—кромѣ больныхъ и къ труду неспособныхъ. Какъ дѣвушка ни дурна собой, какъ ни бѣдна—какой-нибудь женихъ да найдется. Слѣдовательно, дѣвушки въ работницы вы не найдете. Вдовы тоже бездѣтныя идутъ замужъ. Баба же отойти отъ дома не можетъ. Дѣти да горшокъ ихъ держатъ дома. Остаются солдатки

бездѣтныя: тѣ, къ сожалѣнію, у насъ не работаютъ, а добываютъ себѣ пищу болѣе легкимъ образомъ. Таковъ уже ужасный обычай. Сколько я съ бабами про это ни говорилъ, одинъ отвѣтъ: «дѣти, печка, пряжа, шитво». Нельзя же винить людей, не зная всѣхъ обстоятельствъ жизни ихъ!

Итакъ, все наше несчастье заключается въ томъ, что заработковъ нѣтъ у мужика не только зимнихъ, но и лѣтнихъ. Мужикъ это знаетъ и въ голодные годы больше всего боится весны. Досадно и горько слышать самоувѣренныя утвержденія о его лѣни, когда знаешь, что онъ, измученный, напрягаетъ послѣднія силы свои и своей лошаденки, чтобы дотянуть до нови, не оставивши своей полосы непаханной.

LVII.

Общественныя работы.

Послѣ страшнаго краха, которымъ окончились общественныя работы 1892 г., въ каждый новый голодъ о нихъ все-таки заговариваютъ. Земскія собранія посылаютъ робкія ходатайства,—слабо или вовсе не мотивированныя, — объ устройствѣ работъ, причемъ часто подъ видомъ помощи населенію пытаются добиться постройки желѣзнодорожныхъ линій, которыхъ не надѣются получить обычнымъ порядкомъ. Не знаю, трактуютъ ли о нихъ и въ Петербургѣ, но объ общественныхъ работахъ не слыхать.

Между тѣмъ, это — вопросъ весьма важный. Явись возможность дѣйствительно помочь населенію организаціей общественныхъ работъ, достигли бы двухъ результатовъ: во-первыхъ, прекратились бы нареканія, что населеніе кормится даромъ, вслѣдствіе нежеланія работать; во-вторыхъ, милліоны, теперь расходуемые непроизводительно, принесли бы какую-нибудь пользу. Даже, если бы вслѣдствіе трудности организаціи и неопытности рабочихъ эти работы и стоили бы дороже, чѣмъ будучи произведены обычнымъ порядкомъ, все-таки это было бы лучше, чѣмъ ничего.

Очевидно, пугаетъ примѣръ 1891 года, хотя при спокойной разработкѣ этого вопроса въ мирное, т.-е. урожайное время, можно бы избѣгнуть разъ сдѣланныхъ ошибокъ.

Трудъ 1891 года былъ непосильный. Въ одинъ мѣсяцъ пришлось организовать работы, которыя должны были стоить десять милліоновъ и быть окончены въ одну зиму. Сдѣланы были три ошибки: 1) Работы были слишкомъ разбросаны: ихъ искали на мѣстахъ; очевидно, что надзоръ оказался невозможнымъ. 2) Такъ какъ ничего не было обдумано заранѣе, то взялись за разныя работы, ни къ чему ненужныя, и притомъ произведенныя безъ плана, безъ опытнаго руководительства. 3) Взялись за техническія работы,—напримѣръ, за постройки школъ. Очевидно, кромѣ десятка-другого плотниковъ, никому эти дорого стоившія постройки пользы не принесли. Это были работы, но во всякомъ случаѣ не общественныя.

Одна работа могла быть названа общественною: это постройка шоссе по берегу Чернаго моря. Мы, земскіе начальники, отправляли туда партіи рабочихъ и можемъ засвидѣтельствовать, что для нихъ польза была. Къ сожалѣнію, эти рабочіе составляли весьма малый процентъ пострадавшаго населенія. Говорятъ, что и шоссе построено плохо: но могло ли и выйти что-либо путное изъ такой скороспѣлой, неорганизованной работы?

Не знаю, можно ли избѣжать этихъ недостатковъ, но вотъ, мнѣ кажется, тѣ условія, при которыхъ общественныя работы могли бы оказаться полезными:

1) Разработка проектовъ общественныхъ работъ должна быть произведена въ неголодное время, исподволь и по возможности подробно. Нужно предвидѣть всѣ мелочи, какъ это сдѣлано для мобилизаціи. Дѣйствительно, чтобы раздать производительно нѣсколько милліоновъ одной губерніи, надо эту губернію мобилизировать. Затѣмъ проекты всѣхъ работъ должны быть детально разработаны, чтобы каждый зналъ, что́ ему дѣлать. Наконецъ, долженъ быть подготовленъ персоналъ инженеровъ и наблюдателей за работами.

2) Нужно дать работы сподручныя всему населенію, т.-е.

работы чернорабочихъ, каковы земельныя работы. Всякія же работы, требующія специальныхъ познаній, какъ плотничныя, кузнечныя, массѣ населенія не помогутъ. Только черная работа можетъ принести желаемый результатъ, чтобы всѣ деньги, расходуемыя казной, пошли именно на прокормленіе голодныхъ семействъ рабочихъ. Какія земляныя работы возможны—опредѣлять не мнѣ: можетъ быть, шоссе въ Крыму и на Кавказѣ, можетъ быть, подготовка полотна подъ желѣзную дорогу взамѣнъ Военно-Грузинской дороги. Во всякомъ случаѣ, эта работа, какъ зимняя, мыслима только на югѣ, гдѣ земля не замерзаетъ.

3) Работа должна быть болѣе или менѣе въ небольшомъ числѣ мѣстъ и притомъ громадная. Разбросанность работъ повредитъ удобству надзора и контроля. Громадною она должна быть, чтобы принести дѣйствительную пользу всѣмъ, а не отдѣльнымъ лицамъ. Ничего нѣтъ хуже, какъ когда мы предпринимаемъ какой-нибудь пустякъ и шумимъ, что приняли мѣры. Это выходитъ хуже обмана—это самообманъ, часто сильно вредящій дѣлу, которому мы хотимъ служить.

4) При самой громадности работы, которая должна быть производима неопытными рабочими,—очевидно, разработка должна коснуться не только самой работы, но и приготовленія къ ней. Такъ, организація должна быть полувоенная, конечно, не въ смыслѣ обязательности, а въ смыслѣ дисциплины, о которой населеніе должно быть предувѣдомлено. Плата должна бы выдаваться семьямъ на родинѣ въ видѣ хлѣба.

5) Такъ какъ пришлось бы перевозить десятки и сотни тысячъ рабочихъ, то желѣзнодорожная служба должна бы быть подготовлена заранѣе, совершенно какъ при мобилизаціи, а то малѣйшее упущеніе можетъ быть гибельно для дѣла. То же надо сказать и о заготовкѣ провіанта для рабочихъ, объ устройствѣ медицинской части и подготовкѣ инструментовъ, о возвращеніи рабочихъ во-время, т.-е. къ яровому посѣву.

6) Въ назначеніи жалованья, очевидно, не слѣдуетъ слишкомъ скупиться, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ есть доля государственной благотворительности. Какъ ни устраивать этого дѣла,

очевидно воспользоваться этими работами пришлось бы не всѣмъ очевидно, надо бы подумать и объ остающихся по той или другой причинѣ. Да и семей работниковъ изъ виду упускать не слѣдуетъ!

Опять повторяю, что не мнѣ судить, возможно ли все это, но я убѣжденъ, что только при исполненіи всѣхъ этихъ условій общественныя работы будутъ дѣйствительно полезны въ томъ смыслѣ, что замѣнятъ выдачу продовольственныхъ ссудъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по быстротѣ работы и по многочисленности рабочихъ, не одинъ милліонъ ушелъ бы непроизводительно, но вѣрно и то, что какой-нибудь памятникъ остался бы потомству, какъ результатъ этой работы. Не эти ли основанія были приняты Годуновымъ въ поразившій при немъ Россію трехлѣтній голодъ?

Ничего ненормальнаго не было бы въ томъ, что мы стали бы готовиться къ голоду, какъ къ войнѣ. Право, если спросить населеніе, что́ оно выбрало бы, — войну или новый голодъ, оно, можетъ быть, отвѣтило бы: «войну»: война уно́ситъ многихъ отцовъ семействъ, разоряетъ многихъ; голодъ уноситъ не менѣе жертвъ, хотя не такъ осязательно, да къ тому же разоряетъ не многихъ, а всѣхъ. Боже, упаси насъ отъ новыхъ неурожаевъ!

LVIII.

Нищенство.

Явленіе, все болѣе и болѣе у насъ развивающееся, вмѣстѣ съ паденіемъ благосостоянія, это—нищенство, противъ котораго мѣръ никакихъ не принимается, такъ какъ и придумать что-нибудь спеціально противъ нищенства, кромѣ общихъ мѣръ, кажется, невозможно. Нищихъ можно подраздѣлить на группы:

Во-первыхъ, есть нищіе по необходимости, таковы—слѣпые, калѣки; они предназначаются самими семьями на это занятіе, такъ какъ иначе это была бы для семьи непосильная обуза. Пришлось бы кормить и одѣвать человѣка безъ надежды когда-

либо отъ него что-нибудь получить. Поэтому, когда калѣка выростаетъ, ему даютъ въ проводники мальчика или дѣвочку, и вотъ они отправляются и собираютъ иногда порядочныя суммы денегъ, выбирая преимущественно базары, ярмарки, храмовые праздники. Хотя и знаешь, что они пропиваютъ въ большинствѣ случаевъ бóльшую часть собранныхъ денегъ, но имъ невольно подаешь, такъ какъ знаешь, что безъ подаянія они чуть съ голоду не умрутъ. Свои уродства они всегда показываютъ, чтобы больше дѣйствовать на нервы.

Къ этому же разряду относятся вдовы, сироты, безродные старики и впавшіе въ случайное несчастье, напр., погорѣльцы. Дѣйствительно: чтó дѣлать погорѣльцу, если у него все имущество сгорѣло? Жена, пятеро дѣтей... Если наняться въ работники, то плата настолько низка, что семьи не прокормишь. Остается запрячь выведенную въ пожаръ со двора лошаденку и ѣхать на поборъ, взявъ удостовѣреніе отъ священника или отъ старосты о пожарѣ.

Карать такихъ нищихъ не рѣшится никто, такъ какъ другихъ способовъ прокормиться, кромѣ нищенства, у нихъ нѣтъ. Выведется это нищенство не иначе, какъ если будетъ учреждено государственное призрѣніе этихъ несчастныхъ—въ видѣ пріютовъ для сиротъ, стариковъ, слѣпыхъ, неизлѣчимо-больныхъ, калѣкъ. Также и погорѣлецъ не поѣдетъ тогда, когда страхованіе дастъ ему хоть немного приличное вознагражденіе за убытки, а не 30 или 40 рублей, на которые немыслимо поставить какую-нибудь избу.

Второю группой послѣ этихъ законныхъ, такъ сказать, нищихъ являются нищіе-пропойцы. Знаютъ всѣ, что, получивъ подаяніе, такой нищій его отнесетъ сейчасъ же въ кабакъ, и все-таки подаютъ. Это—люди безнадежные, потерявшіе всякую волю. Всѣ попытки исправить такого безполезны. Иногда, поймавъ у него свѣтлую минуту, можно уговорить его поступить въ работники—но не долго онъ у васъ прослужитъ. Тоска заѣстъ его, и онъ опять возьмется за свою бродячую жизнь. Да и на работу онъ уже неспособенъ! Это—то же больные, и кромѣ

какъ лѣчебницы для алкоголиковъ, если таковая достигаетъ своей цѣли въ дѣйствительности, никакого средства для исправленія ихъ нѣтъ. Это, можетъ быть, самые жалкіе люди, страдающіе больше, чѣмъ калѣки. Они осуждены умереть гдѣ-нибудь отъ вина, или замерзнуть во вьюгу.

Третій разрядъ нищихъ, самый антипатичный,—это нищіе профессіональные, избирающіе нищенство, какъ ремесло болѣе легкое и болѣе выгодное. Таковые снаряжаются въ экспедицію (партіями въ два-три человѣка). Подъѣзжая къ селу, они оставляютъ повозки и идутъ подъ окна. Они, очевидно, не брезгаютъ никакими ухищреніями, никакими обманами, чтобы добиться своей цѣли: притворяются слѣпыми, хромыми, выдумываютъ разныя несчастья, при случаѣ крадутъ. Большой вредъ въ этомъ отношеніи приносятъ удостовѣренія о бѣдности, выдаваемыя такимъ людямъ мѣстнымъ начальствомъ съ приложеніемъ казенной копченой печати. Удостовѣренія эти оплачиваются по опредѣленной таксѣ: рублевками, а то и трехрублевками. Чѣмъ рискуетъ при этомъ староста? Почти ничѣмъ. Если и попадется такой документъ гдѣ-нибудь,—по случаю безобразія, учиненнаго нищимъ,—и придетъ въ дѣлѣ къ земскому начальнику, то все, чѣмъ рискуетъ староста,—это штрафъ или, въ крайнемъ случаѣ, увольненіе. Между тѣмъ удостовѣренія эти выдаются десятками и составляютъ серьезную доходную статью.

Такого рода нищенство носитъ характеръ эндеміи, т.-е. гнѣздится въ одномъ селѣ (какъ, напримѣръ, въ моемъ бывшемъ участкѣ, с. Ковердяки). Жители этого села живутъ недурно сравнительно и почти сплошь занимаются нищенствомъ. Весь Козловскій и сосѣдніе уѣзды это знаютъ. Нравы такого села весьма любопытны. Такъ, дѣвочекъ посылаютъ учиться нищенству, чѣмъ онѣ собираютъ себѣ приданое. Неумѣющую притворяться и хорошо собирать неохотно берутъ замужъ.

Зналъ я вотъ еще какой случай: богатый человѣкъ нанималъ трехъ-четырехъ, хорошихъ, въ смыслѣ нищенства, работниковъ и отправлялся съ ними на поборъ, выдавая имъ годовое жалованье впередъ. Выручка же вся была его! Значитъ, доходная

статья, если мыслимы такіе подряды? Конечно, при этомъ фигурируютъ и ложныя свидѣтельства, и обманы, и вымогательства...

Сплошь не выдавать паспортовъ жителямъ такого села нельзя: вѣдь есть и дѣйствительно идущіе на заработки! Но законъ, воспрещающій выдавать паспорта людямъ, два раза уличеннымъ въ нищенствѣ, когда безъ того можно было бы обойтись, былъ бы желателенъ. Жалко тоже, что эти дѣла рѣдко доходятъ до суда. Охота возиться съ нищимъ, если онъ даже и уличенъ въ обманѣ, или выпрашиваніи съ грубостью! Иногда его поколотятъ мужики, а то и сама низшая полиція, а онъ идетъ промышлять дальше.

Единственнымъ средствомъ противъ этого зла, кромѣ воспитанія, было бы болѣе систематическое преслѣдованіе такого нищенства,—для чего въ селахъ надо бы имѣть вмѣсто сотскихъ и десятскихъ настоящую полицію.

Перехожу къ послѣднему разряду нищихъ, въ послѣднее время встрѣчающихся все чаще и чаще. Это—нищіе, идущіе въ голодные годы на прокормленіе. Если бы шли только люди, уже все проѣвшіе, то и говорить бы о нихъ было нечего. Нѣтъ, идутъ иногда люди, у которыхъ есть и коровенка, и лошаденка. Запираютъ въ голодный годъ домъ со всѣмъ имуществомъ, корову даютъ на время куму,—а сами со всей семьей ѣдутъ побираться въ урожайныя губерніи.

Побужденія ихъ понятны: заработки они забрали на слѣдующее лѣто: если продать лошадь, то и заработковъ не на чемъ будетъ исполнить. На земскую ссуду разсчитывать по ея незначительности нечего. Работы нѣтъ. Да и разориться окончательно не хочется. Вотъ и ѣдутъ. Ни обмана, ни вымогательства при этомъ никакого не бываетъ. Найдутъ по дорогѣ работишку—отъ работы не отказываются. Такъ они зиму провели,—къ веснѣ возвращаются съ маленькимъ запасомъ на лѣто и глядь... прошелъ тяжелый годъ.

Бѣды бы большой въ такого рода «прокормленіи» не было, если бы мужики не втягивались въ это. Довольно легко и вы-

годно проведенная зима побуждаетъ ихъ заниматься тѣмъ же и въ другіе годы. Такимъ образомъ увеличивается число профессіональныхъ нищихъ.

Средствомъ противъ этого зла могло бы быть только лучше поставленное продовольственное дѣло и организованныя серьезныя общественныя работы.

Почему во Франціи вы не встрѣтите десятой доли тѣхъ нищихъ, которыхъ видите у насъ и въ Италіи? Помимо общаго обѣднѣнія, неустройства общественнаго призрѣнія и полиціи, отсутствія заработковъ—главною причиною этого является, по-моему, отсутствіе сознанія, что протягивать руку стыдно. Вообще, нашъ мужикъ весьма легко проситъ: дали—онъ доволенъ, не дали—онъ уходитъ, не краснѣя. Происходитъ это, очевидно, отъ приниженнаго состоянія, въ которомъ онъ постоянно находится. За все, что у него было, онъ долженъ былъ благодарить барина. Не было чего—онъ шелъ просить и въ случаѣ надобности получалъ. Ясно, что́ чувство достоинства, удерживающаго отъ протягиванія руки, въ немъ развиться не могло. А между тѣмъ, у иныхъ это чувство доходитъ до того, что они предпочитаютъ умереть, чѣмъ идти съ протянутой рукой. Выводъ ясенъ: чтобы лѣчить это зло, надо идти обратнымъ путемъ, чѣмъ до сихъ поръ мы шли, т.-е. воспитать въ народѣ сознаніе собственнаго достоинства съ одной стороны; съ другой — развить въ немъ убѣжденіе, что хлѣбъ свой онъ долженъ съѣдать только въ потѣ лица своего и пріучить его видѣть въ трудѣ обязанность, а не горькую необходимость.

LIX.

Переселеніе.

Перехожу къ послѣднему вопросу, тѣсно связанному съ вопросомъ о продовольствіи крестьянъ и ихъ обѣднѣніи—вопросу о переселеніяхъ, составляющему, послѣднее время, предметъ особыхъ заботъ правительства. Наше крестьянство, искони вѣковъ

привыкшее жить землей и на землѣ,—слишкомъ невѣжественное и слишкомъ не огражденное закономъ отъ имущественныхъ правонарушеній, чтобы найти себѣ средства къ жизни отъ болѣе интенсивной культуры этой земли или отъ другихъ занятій,—очевидно, не можетъ не искать спасенія въ переселеніи на громадныя наши сибирскія пустопорожнія земли. Движеніе въ Сибирь началось вскорѣ послѣ 61 года, и съ тѣхъ поръ идетъ, все прогрессируя.

Прежде чѣмъ говорить о законахъ, регулирующихъ это движеніе, скажу два слова объ отношеніи къ переселенію самихъ крестьянъ. Какъ въ продовольствіи нуждаются, главнымъ образомъ, жители хлѣбородныхъ губерній, такъ и главный контингентъ переселенцевъ — изъ нихъ же. Спросите любую партію ихъ, откуда ѣдутъ, и услышите: «изъ Тамбовской, Орловской, Полтавской, иногда Смоленской губерній». Москва, Владиміръ, Тверь не стремятся въ Сибирь, несмотря на плохую землю. Естественно, что чѣмъ центръ становится беднѣе, тѣмъ болѣе стремится искать счастья на новыхъ мѣстахъ. Ѣдутъ въ полной неизвѣстности, что̀ ихъ тамъ ожидаетъ, — большею частью по письму какого-нибудь родственника, что жизнь хороша.

Большинство отъѣзжающихъ тамъ и остается, но многія семьи возвращаются. Очевидно, каждая семья,—возвратившаяся и тѣмъ самымъ разорившаяся, такъ какъ все имущество распродано до отъѣзда,—производитъ на мужиковъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ десять семействъ, тамъ поселившихся. Причины, которыми они мотивируютъ свое возвращеніе, самыя различныя, напримѣръ: «Богатому и здѣсь и тамъ хорошо, бѣдному и тамъ плохо, такъ же какъ и здѣсь» или «Сибирь она, Сибирь и есть» и т. п. Такъ какъ мнѣ постоянно приходится говорить съ мужиками, приходящими ко мнѣ за совѣтомъ, то я былъ въ большомъ затрудненіи, что̀ мнѣ отвѣчать. Не имѣя достаточно времени, да и здоровья, чтобы, съѣздивъ туда, самому убѣдиться какъ тамъ живется, я рѣшился послать туда человѣка, хорошо знакомаго съ крестьянскою жизнью и вполнѣ вѣрнаго. Давъ ему списокъ мнѣ извѣстныхъ семействъ, я по-

ручилъ ему собрать о нихъ, насколько возможно, свѣдѣнія и мнѣ разсказать. Оказалось, что возвратилось меньшинство, оставшіеся же тамъ живутъ много лучше здѣшнихъ: постройки дешевы, приволье для скотины хорошо,—вслѣдствіе чего и скотины много, урожаи тоже хороши...

Богатые заживаютъ сразу прекрасно; бѣднымъ годъ, два приходится трудно, но затѣмъ они тоже обзаводятся. Возвращаются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе тоски по родинѣ,—въ особенности женщины, оставившія въ Россіи матерей, сестеръ, замужнихъ дочерей. Возвращаются также люди или лѣнивые, которымъ вездѣ плохо, или недостаточно энергичные, чтобы бороться съ первоначальными неизбѣжными невзгодами.

Мужики объ этой жизни составить себѣ понятія не могутъ. Они могутъ судить или по письмамъ, — но всѣ знаютъ какого содержанія крестьянскія письма! — или по отзывамъ своихъ ходаковъ, которые, — помимо не всегда добросовѣстнаго отношенія къ порученію односельчанъ, — часто не имѣютъ возможности разыскать наиболѣе удобныя мѣста. Поэтому идутъ на авось, куда Богъ приведетъ, а такъ какъ на мѣсто часто приходятъ нищими, то и лишены бываютъ возможности устроиться какъ слѣдуетъ.

Обращаюсь къ законодательству по переселенческому дѣлу. Сначала никакого законодательства не было: шли какъ придется, по паспортамъ. Съ увеличеніемъ числа переселенцевъ, увеличивался безпорядокъ распредѣленія ихъ на мѣстахъ; начали образовываться скопища нищихъ на нѣкоторыхъ сборныхъ пунктахъ, появились болѣзни и голодъ. Тогда, чтобы поправить дѣло, была выдумана сложная и весьма неудачная процедура выхлопатыванія разрѣшеній изъ губернскаго присутствія. Это былъ тормозъ, которымъ задумали удержать переселенческое движеніе. Какъ всегда, тормозъ не помогъ. Попробовали мужики идти законнымъ порядкомъ, — увидали, что законнымъ порядкомъ не только въ Сибирь, но и никуда не уйдешь... и пошли по старому. Тормозъ не дѣйствовалъ; волна переселенцевъ все усиливалась.

Тогда изданъ былъ новый регулирующій дѣло законъ. Это—одинъ изъ немногихъ нашихъ законовъ послѣдняго времени, который дѣйствуетъ довольно успѣшно и хорошо, несмотря на два пункта, которые опять-таки служатъ тормозами. Общій порядокъ таковъ: отъ семьи, или нѣсколькихъ семей идетъ, по выданнымъ земскимъ начальникомъ свидѣтельствамъ, ходакъ. Выбравъ мѣсто, онъ возвращается за пославшими его, которые, такъ же, какъ и онъ, ѣдутъ чуть не даромъ: 4—5 рублей съ большого, маленькіе безплатно. На мѣстахъ устроены переселенческіе пункты—съ больницами, пищей и т. п. Тамъ же, на большихъ станціяхъ и въ городахъ,—переселенческіе чиновники. Сколько я съ мужиками о нихъ ни говорилъ, кромѣ благодарности—или за возможное содѣйствіе, или за ласковое обращеніе—ничего я не слыхалъ. Кто туда посылается, изъ кого ихъ выбираютъ—не знаю: знаю одно, что, кромѣ добраго, ничего объ этихъ господахъ не слыхалъ.

Такимъ образомъ, семья довольно легко можетъ переселиться. Къ сожалѣнію, не всегда это легко на практикѣ. Во избѣжаніе явки въ Сибирь семей нищихъ, не имѣющихъ чѣмъ обзавестись по пріѣздѣ, законъ требуетъ, чтобы эта семья выручила отъ продажи своего имущества не менѣе 300 рублей. Нѣкоторые земскіе начальники смотрятъ на это сквозь пальцы, другіе же не выдаютъ бѣднымъ не только проходныхъ свидѣтельствъ, но и паспортовъ. Другое требованіе, предъявляемое земскими начальниками, состоитъ въ томъ, что до переселенія крестьянинъ долженъ перечисляться изъ своего общества въ мѣсто переселенія. Думаю, что это требованіе не совсѣмъ законно, хотя этотъ вопросъ, какъ всѣ вопросы у насъ, спорный. Причинъ, почему эти требованія вредятъ дѣлу, очень много.

1) Разъ въ одномъ участкѣ дѣлается такъ, а въ другомъ иначе, мужики склонны видѣть придирки, и потому приходилось слышать отъ мужиковъ, что земскій начальникъ не отпускаетъ ихъ, чтобы угодить помѣщикамъ, боящимся недостатка рукъ вслѣдствіе переселенія. Очевидно, такіе слухи, при всей своей несостоятельности, дѣйствуютъ на населеніе отвратительно.

2) Фактически выселеніе происходитъ такъ: мужикъ, по возвращеніи ходака, а то и безъ ходака, распродаетъ все имущество, а затѣмъ идетъ за бланкомъ. Не выдавать ему бланка значитъ заставить здѣсь проживаться въ ожиданіи его, а затѣмъ ѣхать безъ удешевленнаго тарифа,—чтó равносильно израсходованію лишней сотни рублей. Запретить же волостному правленію выдачу ему и паспорта значитъ совсѣмъ его разорить.

3) Если бы уѣзжали только семьи, имѣющія триста рублей, т.-е. по нашему семьи богачей, то переселеніе прекратилось бы, такъ какъ богачу и здѣсь хорошо, на переселеніе же стремится бѣднякъ.

4) Что ни говори ходакъ, но семьѣ страшно сжечь корабли, отписавшись отъ своего общества. Та же тоска по родинѣ можетъ заставить ее вернуться! Мнѣ кажется даже жестокимъ заставлять человѣка такъ безповоротно рѣшать свою судьбу и не только свою, но и всей семьи своей...

Въ общемъ, на практикѣ эти затрудненія встрѣчаются сравнительно рѣдко. Нельзя не радоваться, что переселенческій вопросъ такъ удачно разрѣшенъ послѣднимъ законодательствомъ.

Я не касался общаго вопроса: нужно переселеніе у насъ или нѣтъ? Примѣръ другихъ странъ показываетъ, что населеніе можетъ быть много гуще нашего и благоденствовать. Можетъ быть, когда подъемъ культуры дастъ намъ иные источники доходовъ, и у насъ это будетъ возможно, но пока нельзя въ отливѣ населенія на свободныя сибирскія земли не видать одного изъ средствъ облегченія нашихъ страданій.

Многое еще хотѣлось бы сказать и по этому поводу, но по неисчерпаемости вопросовъ, возникающихъ изъ изученія крестьянской жизни, приходится ограничиваться самыми краткими набросками, чтобы не утомлять читателя и безъ того затянувшимися моими записками.

LX.

Земская школа.

Говоря о земствѣ, не могу обойти молчаніемъ земскую школу. Описывать подробно ея недостатки, затрудненія, встрѣчаемыя при введеніи ея вслѣдствіе дикости населенія, сравнительную ничтожность ея результатовъ — не входитъ въ планъ моихъ теперешнихъ записокъ. Я теперь хочу сказать лишь нѣсколько словъ о самомъ существованіи ея и объ отношеніи къ ней самого земства и правительства.

Когда въ уѣздномъ земскомъ собраніи идетъ рѣчь о медицинѣ, то далеко незамѣтно той страстности, которая сопровождаетъ разговоры о школѣ. То же можно сказать и о печати. Я никогда ни про одно земство не слыхалъ, чтобы былъ возбужденъ вопросъ не только объ уничтоженіи земской медицины, но и о закрытіи хотя бы одного медицинскаго пункта или объ уменьшеніи дѣятельности его. Споры идутъ о томъ, чтó лучше (три фельдшерскихъ пункта или одинъ врачебный, выѣздная система или пріемы на пунктахъ?) и тому подобныхъ вопросахъ. Въ школьномъ дѣлѣ такого единодушія нѣтъ. Въ каждомъ уѣздномъ собраніи всегда есть контингентъ гласныхъ, готовыхъ стѣной стоять противъ всякаго увеличенія смѣты на народное образованіе, — готовыхъ даже отказаться совсѣмъ отъ школы. Причинъ этому много. Медицина приноситъ быструю пользу всему населенію уѣзда; любой гласный чувствуетъ, что если докторъ близко, то, можетъ быть, ему же придется къ этому доктору обратиться и получить помощь, а то и спасеніе жизни. Школа прямой пользы землевладѣльцу не приноситъ. Медицина полезна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Школа принесетъ большую пользу всей странѣ, т.-е. всѣмъ, когда поднимется уровень всего населенія. Однимъ словомъ, польза медицины осязательнѣе.

Конечно, если бы мы вглядѣлись въ жизнь хотя бы Германіи

мы бы убѣдились, что школой они достигли не только военнаго могущества, но и поразительно быстраго роста богатства страны; но, къ сожалѣнію, связь между этими явленіями и школой не такъ очевидна, какъ между пріемомъ лѣкарствъ и выздоравливаніемъ. Первою причиною малаго сочувствія къ школѣ надо искать въ *непониманіи пользы, ею приносимой.*

Другое возраженіе, которое часто слышишь, слѣдующее: «Да что̀ ваша школа? Что̀ она даетъ? Еле грамотныхъ людей, а то и вовсе людей, забывающихъ читать и писать? А ужъ о воспитаніи и говорить нечего». Что̀ на это отвѣтишь? Что все школьное наше трехлѣтнее или, скорѣе, трижды шестимѣсячное обученіе стоитъ рублей 15; что учителя, перебиваясь съ кваса на хлѣбъ, часто несутъ тяготы своей службы какъ горькую необходимость; что трудно при нашихъ условіяхъ ожидать не только воспитанія, но и простой грамотности? Дѣйствительно, остается удивляться при условіяхъ нашего обученія и тѣмъ перемѣнамъ, которыя мы замѣчаемъ въ дѣтяхъ послѣ прохожденія курса.

Очень трудно объяснить бываетъ, что та школа, которую мы теперь поддерживаемъ, есть только фундаментъ того зданія, которое необходимо, чтобы вывести народъ изъ его состоянія дикости. Итакъ, вторая причина непопулярности народной школы—это ея *теперешняя неудовлетворительность.*

Затѣмъ идетъ слѣдующее возраженіе, которое очень грустно бываетъ выслушивать—это обвиненіе земской школы въ томъ, что она не удовлетворяетъ духовнымъ идеаламъ нашего народа тѣмъ, что она не церковна. Очень можетъ быть, что изъ тысячъ земскихъ школъ въ нѣкоторыхъ и проявляется нежелательное направленіе, но это рѣдкія исключенія, неизбѣжныя вездѣ. Я воочію знаю не одинъ свой уѣздъ и утверждаю, что вездѣ направленіе безусловно хорошо: пожелай только священникъ вліять на школу, онъ сейчасъ будетъ не только законоучителемъ, но и руководителемъ ея и попечителемъ ея. Церковное пѣніе,—если и не вездѣ его можно ввести, — безусловно поощряется и поддерживается вездѣ, гдѣ возможно. Инспекторы народныхъ учи-

лицъ, такъ же какъ и директоры учительскихъ семинарій,—по большей части изъ духовныхъ академій. Учительницы въ большомъ числѣ берутся изъ епархіальныхъ училищъ. Какъ же тутъ говорить о нецерковности? Тутъ мы имѣемъ дѣло съ преднамѣреннымъ обобщеніемъ отдѣльныхъ нежелательныхъ фактовъ.

Естественно, что при этихъ условіяхъ дѣло идетъ туго. Отголосокъ всѣхъ этихъ возраженій и недоумѣній слышится въ земскихъ собраніяхъ. Вотъ почему дѣло земской школы стоитъ плохо не только въ отдѣльныхъ уѣздахъ, но и въ цѣлыхъ губерніяхъ. Въ нѣкоторыхъ же земствахъ оно вовсе не идетъ. А такъ какъ образованіе нужно въ Россіи, не случайно насаженное тѣмъ или другимъ земствомъ, — глядя по составу, совершенно случайному, мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—а вообще, отъ Колы до Эривани и отъ Кишинева до Владивостока, то дѣло это,—главное дѣло, предстоящее Россіи, — пойдетъ успѣшно только тогда, когда принципъ этотъ будетъ поставленъ во главу угла всей нашей внутренней политики. Только при содѣйствіи казны,— притомъ не тысячами, а десятками милліоновъ руб., — могутъ подвинуть дѣло образованія наши обнищалыя земства.

Кромѣ бѣдности земской, кромѣ несочувствія многихъ, иногда даже большинства, гласныхъ, земской школѣ приходится иногда бороться съ внѣшними тормозами. Таковымъ является часто несочувствіе къ земской школѣ губернатора. Онъ по закону можетъ опротестовать черезъ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе (почему-то всегда съ нимъ согласное) всякій земскій расходъ. Такимъ образомъ, иногда расходъ на школы признается обременительнымъ для земства и вычеркивается изъ смѣты. Большею частью это касается расходовъ по народному образованію изъ суммъ губернскаго земства. Тогда это еще объяснимо особымъ воззрѣніемъ на разницу между обязанностями уѣзднаго и губернскаго земства, хотя это воззрѣніе не основано на законѣ. Бываетъ же, что запрещенія налагаются на постановленія и уѣздныхъ земствъ! Не есть ли это тогда явное доказательство, что земская школа самимъ правительствомъ признается вредною?

Что̀ въ случаяхъ протеста дѣлать собранію? Жаловаться въ

Сенатъ? Но мнѣ извѣстны случаи, гдѣ отвѣта на жалобу три года не получается. Не упадетъ ли при этомъ всякая энергія? Это еще вопіющій случай несовершенства нашего закона, допускающаго произволъ одного лица въ дѣлѣ государственной важности. Результатомъ этого законнаго произвола является, что въ одной губерніи разрѣшается то, что̀ запрещается въ сосѣдней, что поощряется въ одномъ году то, что̀ тормозилось въ предшествующемъ. Можетъ ли развиваться при этомъ школьное дѣло какъ бы слѣдовало?

Въ заключеніи моихъ записокъ мнѣ придется говорить объ актѣ громадной государственной важности—о послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ. Хотя главное наше зло онъ видитъ въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, — тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ другихъ тормозовъ народнаго благосостоянія, онъ самымъ важнымъ считаетъ отсутствіе образованія, тѣмъ самымъ признавъ необходимость его. Будемъ же надѣяться, что при этихъ воззрѣніяхъ г. министра финансовъ и при обновившемся составѣ министерства народнаго просвѣщенія, наши мечты перейдутъ въ жизнь.

LXI.

Церковно-приходская школа.

Каждый человѣкъ, который любитъ школу, видя въ ней спасеніе нашего народа, не могъ не привѣтствовать появленія на Руси цѣлой массы новыхъ школъ, появившихся въ восьмидесятыхъ годахъ и открытыхъ духовнымъ вѣдомствомъ. Къ сожалѣнію, и тутъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же ужаснымъ явленіемъ, которое замѣчается и въ земскихъ школахъ—недостаткомъ средствъ. Дѣйствительно, если не считать расходовъ на церковно-школьную инспекцію и на школы высшаго типа, учительскія и второклассныя, то окажется, что собственно на низ-

шую народную школу церковное вѣдомство не имѣетъ и двухъ милліоновъ.

Земская школа живетъ землей, ложась на нее тяжелымъ бременемъ, церковная—живетъ благотворительностью. Вѣдь всѣ, такъ называемыя, мѣстныя средства суть средства благотворительныя: церковныя, кружечныя, случайно жертвуемыя крестьянами и частными лицами. Трудъ духовенства по устройству школы, по ея содержанію, а главное по обученію—безвозмездный, т.-е. тоже благотворительный, хоть и обязательный. Отъ этого происходитъ непрочность школы, зависящая отъ случайныхъ обстоятельствъ: наличности любящаго дѣло священника, способнаго къ учительству діакона, симпатизирующаго школѣ землевладѣльца, вліяющаго въ этомъ смыслѣ на крестьянъ земскаго начальника. Умеръ діаконъ или переведенъ на другое мѣсто, и все пошло прахомъ: учителя нанять не на что, а діакона назначаетъ не училищный совѣтъ и потому въ діаконы часто, слишкомъ даже часто, попадаютъ люди, къ учительству мало способные.

Образовалась система вычетовъ съ діаконовъ, не учащихъ,—система, по моему неправильная: не виноватъ же онъ, что старъ или боленъ? Помню грустную сцену, какъ одинъ наблюдатель,—къ слову сказать, добрый и умный человѣкъ,—предлагалъ чахоточному діакону согласиться на вычетъ и тѣмъ довелъ его до истерики.

Послѣднее время замѣчается стремленіе перейти отъ дарового діаконскаго труда къ труду учительскому, оплаченному. Дай Богъ, чтобы это стремленіе осуществилось,—другими словами, чтобы нашлись нужные на это милліоны!

Многіе, впрочемъ, сочувствуютъ церковной школѣ не за ея направленіе, а именно за ея дешевизну. Думаю, что это—скрытые враги школы вообще, такъ какъ дешевая школа можетъ иногда, при наличности самоотверженныхъ людей, быть хорошей, но только въ видѣ рѣдкаго исключенія, строить же на этой дешевизнѣ цѣлую систему нельзя.

Я часто позволяю себѣ говорить, повидимому, легко о милліонахъ и даже десяткахъ милліоновъ, какъ будто милліонъ-

пустяки. Конечно, въ милліонѣ много денегъ и много можно сдѣлать на милліонъ; но если вспомнить, что жителей на Руси 130 милліоновъ, что школъ въ Россіи 70 тысячъ, а нужно ихъ 200 тысячъ, что бюджетъ нашъ полтора милліарда, то увидимъ, что милліонъ и даже десять милліоновъ—очень немного, когда дѣло идетъ объ образованіи и воспитаніи нашего народа.

Естественно недостаткомъ средствъ объясняется и то, что школы грамоты до сихъ поръ не приводятъ къ той цѣли, для которой предназначаются. Вѣдь предполагалось, что повсемѣстно будутъ маленькія школки грамоты съ двухлѣтнимъ курсомъ, въ которыхъ дѣти обучались бы чтенію, письму и молитвамъ. По окончаніи этихъ двухъ лѣтъ, они уже грамотными переходили бы въ церковно-приходскія школы, тоже съ двухлѣтнимъ курсомъ, въ которыхъ бы и заканчивали свое образованіе. Эта система, въ высшей степени симпатичная, приносила бы много пользы. Курсъ былъ бы не трехъ-, а четырехлѣтній, у каждаго учителя было бы только по два отдѣленія, надзоръ за учениками былъ бы облегченъ вслѣдствіе меньшаго скопленія ихъ.

Къ сожалѣнію, на практикѣ вышло совсѣмъ не то. Въ одномъ и томъ же селѣ должны были бы существовать и церковно-приходская школа и двѣ-три школки грамоты. Между тѣмъ, этого нѣтъ. Гдѣ есть церковно-приходская школа, нѣтъ школы грамоты, и наоборотъ; и та, и другая готовятъ къ экзамену на льготу. Другими словами, школа грамоты есть та же церковно-приходская школа, только менѣе обезпеченная, болѣе дешевая и тѣмъ самымъ худшая. Будемъ надѣяться, что и тутъ явятся нужные милліоны.

Покончивъ съ моими іеремiадами о недостаткѣ милліоновъ, перехожу къ грустному явленію, которое проявляется каждый разъ, когда дѣло идетъ о школѣ. Я говорю о враждѣ между школами вѣдомства духовнаго и вѣдомства народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые въ одновременной работѣ 2-хъ вѣдомствъ видятъ залогъ преуспѣянія тѣхъ и другихъ, вслѣдствіе конкуренціи ихъ. Можетъ быть, это и было бы такъ, если бы замѣчалось только соревнованіе, кто лучше поставитъ дѣло. Къ со-

жалѣнію, дѣло приняло не такой оборотъ. Каждое вѣдомство (я говорю про мѣстныхъ дѣятелей) старается обвинить другое въ чемъ можетъ, часто даже неосновательно. Такъ, земская школа обвиняется въ нецерковности, что̀ уже давно отошло въ область преданія; земство упрекаютъ, что школы навязываются имъ населенію чуть не изъ-подъ палки. Наоборотъ, земцы рады всякому промаху въ дѣлѣ церковныхъ школъ: бѣдность ихъ ставится имъ въ укоръ, польза отрицается.

Если бы вражда кончалась словами, то это было бы еще полъ-бѣды; каждый дѣлалъ бы свое дѣло. Къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Часто стараются другъ другу подставить ногу, помѣшать дѣлу. Вмѣсто того, чтобы разграничиться и работать каждому въ своихъ школахъ, замѣщая мѣста, гдѣ вовсе нѣтъ школъ, стараются наперебой открывать школы тамъ, гдѣ уже есть школы другого наименованія, вполнѣ удовлетворяющія потребности населенія; начинаютъ переманивать учениковъ другъ у друга и даже стремятся уронить авторитетъ другой школы въ глазахъ крестьянъ.

Мнѣ кажется, что и при теперешнемъ раздвоеніи школы возможно жить въ мирѣ на мѣстахъ. Право же, дѣла довольно всѣмъ и безъ ссоръ! Не могу, впрочемъ, не пожелать, чтобы это раздвоеніе окончилось. Я понимаю борьбу школами тамъ, гдѣ основнымъ принципомъ является свобода преподаванія, и гдѣ школа есть могучее орудіе въ рукахъ партій. У насъ же, гдѣ партій нѣтъ, гдѣ—одна воля, гдѣ работа всѣхъ органовъ управленія можетъ быть направлена къ одной цѣли—эта борьба является аномаліей, трудно объяснимой, такъ какъ причиной ея никакъ не можетъ быть преслѣдованіе различныхъ цѣлей и проведеніе въ жизнь различныхъ принциповъ, а только стремленіе властвовать безраздѣльно.

Думаю даже, что единеніе школъ у насъ возможно на дѣлѣ,—притомъ такое единеніе, которое удовлетворило бы оба вѣдомства, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы оба продолжали совмѣстно работать для достиженія одной великой цѣли—просвѣтленія народа. Эта совмѣстная, дружная, плодотворная работа

возможна только при полномъ сліяніи школьныхъ вѣдомствъ, такъ какъ вражда проявляется, главнымъ образомъ, на мѣстахъ, и соглашеніе высшихъ органовъ управленія не положитъ конца этой враждѣ. Умѣстно тутъ будетъ указать и на то, что вслѣдствіе этого раздѣленія школъ, изъ тѣхъ ничтожныхъ средствъ, которыя тратятся на низшее образованіе, часть расходуется непроизводительно. Дѣйствительно, если гдѣ одна школа удовлетворяетъ потребности населенія, не грѣхъ ли расходовать средства, чтобы для конкуренціи тутъ же устраивать другую ненужную? Наконецъ, не брошенныя ли деньги двойная инспекція? Все это я понялъ бы во Франціи, но у насъ эта картина не можетъ не печалить тѣхъ, кто дѣйствительно ищетъ просвѣщенія народа и не хочетъ участвовать въ борьбѣ самолюбій.

LXII.

Народные учителя и учительницы.

Оба вѣдомства, завѣдывающія школами, насколько возможно, стремятся улучшить положеніе учащихъ народной школы. Невозможность ихъ положенія сознана всѣми. Примѣры хорошихъ учителей, преданныхъ своему дѣлу до забвенія тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ приходится работать, есть; но разсчитывать на то, что ихъ будетъ столько, сколько нужно школъ, очевидно, нельзя. Да и можно ли оставлять ихъ въ этихъ условіяхъ, пользуясь ихъ беззавѣтной любовью къ дѣтямъ? Врядъ-ли. Самое тяжелое въ жизни этихъ тружениковъ — это полная необезпеченность старости и невозможность воспитывать дѣтей. Результатомъ этого является кое-гдѣ запрещеніе учителямъ жениться. Мыслимо ли при этихъ условіяхъ имѣть учителей прочныхъ, дорожащихъ мѣстомъ? А между тѣмъ, всякій знаетъ, какой вредъ приносится школѣ при смѣнныхъ учителяхъ. Да и будетъ ли хорошо работать человѣкъ, только и думающій о томъ, чтобы найти другое болѣе сносное мѣсто? Нельзя же разсчитывать на подвижниковъ.

Выходъ изъ этого положенія нѣкоторые видятъ въ типѣ учителя съ весьма малыми потребностями, другими словами въ типѣ учителя-пахаря. Не думаю, чтобы могъ образоваться такой типъ, хотя опять-таки отдѣльные случаи возможны. Во-первыхъ, съ расширеніемъ умственнаго горизонта увеличиваются и потребности. Это неизбѣжно. Во-вторыхъ, что̀ сдѣлается съ учителемъ, если онъ, уча зимой въ школѣ, будетъ лѣтомъ пахать? Даже если онъ получилъ достаточное образованіе, чтобы быть хорошимъ учителемъ, онъ при такой жизни черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ очень плохимъ учителемъ. Учитель долженъ постоянно думать о школѣ и стараться дополнять свои познанія чтеніемъ. Когда же читать учителю-пахарю? Если же учитель не совершенствуется, онъ неминуемо будетъ дѣлаться все хуже и хуже. Много такихъ примѣровъ я видѣлъ, гдѣ учителя,—вслѣдствіе отсутствія духовной и умственной пищи,—все опускаются, причемъ съ ними опускается и школа. Да, наконецъ, обязанности учителя не прекращаются и лѣтомъ: нашъ курсъ такъ коротокъ, что вовсе нежелательно, чтобы связь между учениками и школой лѣтомъ прекращалась совсѣмъ. Учитель, стремящійся къ большему, чѣмъ къ сдачѣ дѣтьми экзамена на льготу, не порветъ съ ними сношеній и лѣтомъ.

Я не потому заговорилъ объ учителяхъ, что наличность хорошаго учителя есть главное условіе, чтобы школа была хороша, а потому, что для приготовленія учителей требуется много времени. Даже если бы нашлись вдругъ средства покрыть Россію нужною сѣтью школъ, отсутствіе учителей явится неизбѣжною помѣхою въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, чѣмъ раньше возьмемся мы за это дѣло, тѣмъ лучше. Даже увеличеніе средствъ и улучшеніе ихъ положенія не создастъ учителей. Ихъ нужно соотвѣтственно воспитать.

Посмотримъ, какіе у насъ учителя и учительницы въ настоящее время.

1) Окончившіе курсъ семинаріи. Между ними есть очен хорошіе учителя, но главный ихъ недостатокъ въ томъ, чт они смотрятъ на свое положеніе какъ на переходное до получе

нія священства. Это—учителя непрочные. Семинаристы идутъ въ учителя, какъ и въ псаломщики, до пріисканія священническаго мѣста.

2) Окончившія курсъ женской гимназіи и епархіальныхъ училищъ. Это—лучшія изъ нашихъ учительницъ, но, къ сожалѣнію, ихъ мало. Дороговизна воспитанія и недостатокъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлаютъ это воспитаніе удѣломъ немногихъ избранныхъ, т.-е. сравнительно состоятельныхъ. Такъ, въ епархіальныхъ училищахъ воспитываются преимущественно дочери священниковъ, не нуждающихся въ грошовомъ заработкѣ учительницы. Прочными же изъ нихъ учительницами являются главнымъ образомъ сироты, воспитанныя даромъ.

3) Получившіе свидѣтельства по экзамену при разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Предпочитаю о нихъ не говорить. Слишкомъ досадно становится, когда думаешь, кто и ка̀къ часто пріобрѣтаетъ эти свидѣтельства въ захолустныхъ уѣздныхъ училищахъ. Бывали случаи, что эти учителя оказывались еле грамотными.

4) При всей легкости, съ какою эти свидѣтельства выдаются, тѣмъ не менѣе масса учительскихъ мѣстъ замѣщается людьми, не имѣющими и этого свидѣтельства. Это — люди, очевидно, вовсе къ учительству неспособные; прибѣгать къ нимъ заставляетъ горькая необходимость, да и сомнительна еще польза такихъ школъ.

5) Я нарочно оставилъ къ концу учителей и учительницъ съ спеціальной педагогической подготовкой. Это—лучшій контингентъ учащихся. Лучшими они являются не только потому, что годъ занимались педагогикой и давали пробные уроки, а потому, что все ихъ воспитаніе клонится къ одной цѣли. Поступаютъ въ эти заведенія исключительно люди бѣдные, для которыхъ учительское мѣсто является вѣнцомъ ихъ ожиданія. Они свыкаются съ мыслью, что изъ нихъ должны выйти учителя. Къ этому направлена и вся ихъ нравственная подготовка; они пріучаются съ самаго дѣтства любить школу, въ которой призваны работать, а это—главное условіе, чтобы вышелъ хорошій учитель.

Какъ же удовлетворяется эта потребность? На сто тысячъ учащихъ, учительскія семинаріи и институты выпускаютъ ежегодно около тысячи учителей. Если принять во вниманіе, что многіе, несмотря на спеціальную подготовку, мѣняютъ учительское дѣло на другія, болѣе выгодныя службы, то окажется, что и десяти процентовъ учительскихъ мѣстъ не найдемъ занятыхъ этими учителями. Учительницъ же съ спеціальной подготовкой нѣтъ почти вовсе.

Тутъ умѣстно сказать два слова о второклассныхъ школахъ. Ихъ открыто 400 и еще имѣетъ открыться вскорѣ около 300. Принося огромную пользу, какъ общеобразовательныя заведенія, онѣ, мнѣ кажется, въ будущемъ призваны играть роль разсадниковъ учителей и учительницъ. Конечно, при незначительныхъ познаніяхъ, которыя поступающіе приносятъ изъ народныхъ школъ, теперь изъ нихъ не можетъ выйти порядочнаго учителя или учительницы. Но въ послѣднее время замѣтно стремленіе усилить программы второклассныхъ школъ; нѣсколько даже увеличивается ассигновка на нихъ, хотя въ ущербъ ихъ числу.

Будемъ надѣяться, что продолжительность курса мало-помалу увеличится и дойдетъ до нужныхъ пяти лѣтъ, что поднимется уровень учащихъ въ этихъ школахъ и, опять-таки, что найдутся нужныя средства.

Нельзя не одобрить, что будущіе разсадники свѣта открываются по селамъ, гдѣ воздухъ чище для педагогики, и гдѣ притомъ лучшій матеріалъ находится для будущихъ учителей народа.

Два слова объ учительницахъ. Учительница въ настоящій гнусный вѣкъ приданаго рѣдко выходитъ замужъ; на улучшеніе ея положенія надежды нѣтъ. Поэтому она прочнѣе учителя, вѣчно стремящагося куда-нибудь уйти: или въ діаконы, или на желѣзную дорогу, или въ монополію. Учителя удерживает главнымъ образомъ право не идти въ солдаты. Дѣти добрѣе мягче, сердечнѣе выходятъ изъ школы, гдѣ учительницы. . . не это ли главная современная задача русской школы? Къ сожалѣнію, учительницы мало успѣваютъ по ариѳметикѣ (это-

явленіе общее, такъ же, какъ и то, что дѣвочки по ариѳметикѣ хуже учатся, чѣмъ мальчики) и по пѣнію.

Учить пѣть онѣ, конечно, могли бы, какъ и учителя, но ихъ удерживаетъ робость, конфузливость. Къ тому же, въ церкви завѣдывать хоромъ онѣ стѣсняются. Не будь этого важнаго недостатка, думаю, что въ большинствѣ случаевъ учительницы вытѣснили бы изъ народной школы учителей.

Говорю это къ тому, что очень жалко, что въ большинствѣ спеціально-педагогическія заведенія—мужскія.

LXIII.

Вліяніе военной службы на народъ.

Послѣ декларація 12 августа 1898 года начались нескончаемые толки о послѣдствіяхъ ея. Въ общемъ хорѣ благодарностей Государю Императору за Его великодушный починъ слышались, однако, голоса, чуть-ли не превозносившіе настоящее положеніе вооруженнаго міра. Одной изъ хорошихъ сторонъ его выставлялось вліяніе военной службы на народъ; слышалось мнѣніе, что воинская повинность служитъ для народа лучшей школой. Такъ какъ извѣстнаго рода культура дѣйствительно вносится въ крестьянскую среду возвращающимися военными, то считаю умѣстнымъ остановиться на этомъ сложномъ вопросѣ.

Если посмотрѣть, изъ кого берутся старшины, урядники, лучшіе старосты, окажется, что они всѣ — изъ военныхъ, притомъ не изъ рядовыхъ, а изъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. п. Спросите любого изъ нихъ, грамотнымъ ли онъ пошелъ на службу, и въ большинствѣ случаевъ услышите, что онъ пошелъ грамотнымъ, а на службѣ только усовершенствовался. Рѣдко тамъ выучивается солдатъ, поступающій на службу неграмотнымъ. Большинство возвращающихся рядовыхъ, нѣсколько времени покрасовавшись въ мундирѣ, черезъ два-три года снова омужичиваются до такой степени, что часто не узнаешь въ нихъ солдатъ. Поэтому замѣтное развитіе во многихъ служившихъ

отнюдь не должно быть приписано исключительно военной службѣ. Лучшими выходятъ тѣ, которые поступали таковыми. Обобщать же эти случаи и предполагать, что такъ дѣйствуетъ служба на всѣхъ—будетъ ошибкой.

Далеко неудовлетворительно ихъ развитіе въ смыслѣ вліянія на ихъ внутренній міръ. Солдатъ, вернувшійся со службы, поражаетъ своимъ презрѣніемъ къ остальнымъ крестьянамъ. Это—весьма несимпатичная черта этихъ людей. Въ рѣдкихъ случаяхъ солдатъ, вернувшись, живетъ мирно съ отцомъ и братьями; большею частью онъ отдѣляется, если тѣ не соглашаются признать его фактическимъ хозяиномъ.

Не лучше ихъ семейная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ужаснѣйшій обычай въ крестьянствѣ женить своихъ дѣтей до поступленія на службу,—обычай, происходящій отъ необходимости имѣть лишнюю работницу,—является источникомъ большихъ несчастій. Солдатки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ведутъ жизнь страшно распутную. Понятно, что мужъ таковой, вернувшись, сейчасъ же узнаетъ про это и начинаетъ жену наказывать, т.-е. бить. Еще хуже бываетъ, если онъ находитъ прижитыхъ ею за это время дѣтей. Тогда семейное счастье разрушено на вѣкъ.

Но и помимо того, большинство солдатъ не только не дѣлаются мягче обыкновенныхъ крестьянъ въ своей жизни, но наоборотъ, становятся еще грубѣе и деспотичнѣе. Привыкшіе къ военной выправкѣ, они у себя, сознавая свое превосходство, стараются выправить зависящихъ отъ нихъ. Такъ, женъ своихъ они держатъ еще въ большемъ повиновеніи, еще больше мудрятъ надъ ними.

Обычай заставлять женъ себѣ кланяться въ ноги при всѣхъ для того, чтобы показать свою власть надъ нею, обычай заставлять ихъ себя разувать, издѣвательства надъ женой чаще встрѣчаются у солдатъ, чѣмъ у простыхъ крестьянъ.

Два брата нашего села,—оба бывшіе на военной службѣ,—дошли до того, что, жалѣя лошадей, заставляли своихъ женъ таскать на себѣ телѣжки съ навозомъ на огородъ. Жены ихъ

обѣ умерли; они женились вторично, причемъ обращеніе съ новыми женами стало не лучше. Одного изъ нихъ я сталъ усовѣщевать и уговаривать пожалѣть жену. Отвѣтъ я получилъ такой: «баба — та же скотина; она должна слушаться мужа, а то палкой ее». Ничего другого я отъ него не добился. Такое обращеніе съ женами, конечно, исключительное и у солдатъ,— но общее направленіе таково.

Унтеръ-офицеръ, несомнѣнно, культурнѣе, съ семейными мягче; на сходѣ уговариваетъ односельчанъ выстроить школу; не желая идти опять въ самую черную крестьянскую работу, онъ ищетъ мѣста старосты, старшины, урядника, а то у землевладѣльца мѣста приказчика, объѣздчика, кучера, и безъ особаго труда находитъ таковое. Обыкновенный солдатъ тоже чернорабочимъ быть уже не хочетъ, но не можетъ найти себѣ болѣе легкаго труда и потому начинаетъ часто гулять, причемъ оправдываетъ себя тѣмъ, что, послуживъ, заслужилъ-де право отдохнуть и погулять.

Изъ этого всего я вывожу заключеніе, что образуетъ солдата не полкъ, не дисциплина, какъ не образовывала его пятнадцатилѣтняя николаевская служба, а учебная команда, т.-е. та же школа. Думаю, что если бы всѣ проходили черезъ учебную команду, то повысился бы общій уровень запасныхъ и отставныхъ солдатъ и тогда, пожалуй, можно бы говорить объ облагораживающемъ значеніи военной службы.

Насколько это возможно, судить, конечно, не мнѣ.

Всѣ остальныя послѣдствія милитаризма достаточно извѣстны. Это могло бы отчасти уравновѣшиваться поднятіемъ народной культуры отъ военной службы, если бы таковое поднятіе замѣчалось. Къ сожалѣнію, мы видѣли, что этой культуры жизнь намъ не даетъ.

Поэтому, понятны восторги, которые возбудилъ призывъ къ миру Государя. Всѣ лучшія силы Россіи и Европы воспряли духомъ. Во многихъ родились неосуществимыя надежды на немедленное водвореніе всеобщаго мира, на полное и быстрое разоруженіе этихъ громадныхъ разорительныхъ лагерей, въ кото-

рые обратились европейскіе народы. Очевидно, теперь возможно исполненіе лишь малой доли этихъ радужныхъ надеждъ, но начало великаго дѣла положено.

Чувствуется, что такое сѣмя заглохнуть не можетъ; не могутъ отказаться отъ этой мысли всѣ культурные элементы Европы. Незамѣтно, мало-по-малу съ мыслью о необходимости разоруженія свыкнутся народы. Мы перестанемъ исправлять заповѣдь Божію: «не убій», своими прибавленіями: «но убивать разрѣшается и т. д.». Наши внуки сознаютъ, что убивать французовъ, нѣмцевъ, китайцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюдать заповѣдь Спасителя о любви къ ближнему одновременно — невозможно.

LXIV.

Крестьянская гигіена.

Прежде чѣмъ говорить о земской медицинѣ, хочется возобновить въ памяти своей и читателя тѣ ужасныя условія, при которыхъ эта медицина призвана функціонировать. Одинъ изъ укоренившихся предразсудковъ о нашемъ народѣ состоитъ въ томъ, что онъ необыкновенно здоровъ и силенъ. Между тѣмъ, если походить по дворамъ, то рѣдкую семью найдешь здоровой. То же впечатлѣніе выносишь изъ набора. Что же касается женщинъ, то больны всѣ, — за рѣдкими исключеніями. Сравните партію русскихъ рабочихъ и партію нѣмецкихъ рабочихъ,—и разница васъ поразитъ. Тѣ — свѣжіе, краснощекіе; наши — блѣдные испитые...

Предразсудокъ, о которомъ я говорилъ, происходитъ отъ удивительной выносливости мужика: работать онъ перестаетъ тольк тогда, когда ноги его буквально не держатъ,—а то всякую почт болѣзнь онъ выноситъ на ногахъ, и притомъ въ работѣ. Я н докторъ, но наблюдалъ такіе случаи: заявляетъ мужикъ, чт боленъ, голова болитъ. Ставишь термометръ: 41 градусъ. Спра

шиваешь: «давно жаръ?» «Съ недѣлю, ваше благородіе,—да ужъ не въ моготу становится». Оказывается, что онъ на ногахъ, съ косой въ рукахъ, переноситъ тифъ. Вотъ та лѣнь, въ которой упрекаютъ этого многострадальнаго героя?

Да какъ ему и быть здоровымъ? Къ сожалѣнію, его жизнь мало изучаютъ. Много ли помѣщиковъ, которые, живя въ деревнѣ, входили-то въ его избу? Развѣ зайдутъ къ ямщику смѣнить лошадей! А стоитъ заглянуть въ нее... Большею частью, семиаршинная, изъ тонкаго лѣса, плохо подбитая, со щелями въ палецъ, пропускающими снѣгъ и морозъ, отъ которыхъ укрываются, обваливая избу навозомъ. Окно въ двѣ четверти ширины и въ три четверти вышины объ одной рамѣ (вторая вѣдь не по средствамъ). Потолокъ рукой достанетъ всякій, а высокій человѣкъ чуть головой не задѣнетъ.

Теперь еще половина избъ топится по черному,—а видалъ ли всякій деревенскій житель, что̀ это значитъ? Это значитъ, что утромъ, когда топятъ, въ верхней половинѣ избы стоитъ непроглядный дымъ, выходящій въ щели или въ особое отверстіе, а большею частью въ открываемую для сего дверь. Обитатели ложатся въ это время или садятся на полъ, чтобы не наглотаться дыму. Холодъ несетъ въ дверь двадцатиградусный. Кончилась топка, все закрывается,—а въ избѣ становится жарко, какъ въ банѣ. Къ утру вода часто опять замерзаетъ. Отъ дыма потолокъ и стѣны покрыты чернымъ налетомъ, висящимъ иногда въ видѣ сосулекъ.

Тутъ живетъ семья душъ въ восемь: и старикъ со старухой, и сынъ женатый, и дѣвка, и ребятишки. Тутъ ѣдятъ, спятъ на соломѣ; тутъ бабы родятъ, прядутъ и ткутъ; тутъ ребятамъ надо уроки готовить; тутъ теленокъ, ягнята, иногда поросята, куры. Тутъ вонь невыносимая, тутъ свѣтъ отъ коптилки, т.-е. лампы безъ стекла, а то и вовсе нѣтъ свѣта, когда не на что̀ купить керосину.

Мнѣ приходитъ на умъ ужасная иронія какого-то заграничнаго писателя, удивлявшагося выносливости нашего скота, который переноситъ жизнь въ крестьянской избѣ! Горько, больно

думать объ этомъ; стыдно становится жить въ богатыхъ покояхъ и ругать лакея, если въ комнатѣ меньше 14 или больше 16 градусовъ.

Вотъ при этихъ-то условіяхъ, ой! какъ холодно, когда 20 градусовъ на дворѣ, а въ семьѣ двѣ шубы всего на-всего; и дерюгой-то прикроются, и худымъ кафтанишкомъ, но все не помогаетъ... Влѣзетъ кто на печку и грѣется до того иногда, что бокъ до волдырей сожжетъ... и слѣзаетъ, чтобы дать другому погрѣться. Въ этой же шубенкѣ онъ молотитъ цѣлый день и на поденную идетъ,—завтра пойдетъ въ ней жена. Вернулся вечеромъ домой—прозябъ, коль сыро—промокъ, сапоги ли, лапти ли и онучи вѣшаетъ сушить, а самъ на печку. А рубашка, портки? И не разберешь въ субботу, какого они цвѣта. Да не потому онъ грязенъ, что не хочетъ быть чистымъ; нѣтъ, некогда бабѣ больше наготовить бѣлья и чаще стирать его... А всѣ ли знаютъ, что мыло есть далеко не у всѣхъ? Мыло—роскошь богачей... А то постираетъ въ щелокѣ эту рубаху баба, пополощетъ на рѣчкѣ—и опять надѣвай.

Чистоту тѣла соблюдаютъ пареньемъ: это—крестьянское наслажденіе. Влѣзетъ въ печку и парится вѣникомъ такъ, что мы бы на его мѣстѣ тамъ бы и остались. Затѣмъ выбѣжитъ, покатается на снѣгу, и вернется одѣваться. Вотъ вамъ гигіена его одежды и чистоты! Сравните съ нашими шубами, одѣялами, фуфайками, набрюшниками. Мнѣ случалось прозябать сильно раза три - четыре. Охъ! какъ нехорошо... А зябнуть каждый день, всю зиму, всю жизнь, видѣть, какъ зябнетъ ребенокъ, и не имѣть чѣмъ покрыть его?

Чтò сказать о пищѣ крестьянской? Щи пустыя, т.-е. горячая вода съ плавающей въ ней капустой и ложкой коноплянаго масла, вареный картофель и пшенная каша, это—обыденная пища ихъ. Молоко далеко не вездѣ, и то для дѣтей, когда есть; мясо по праздникамъ, курица на Рождество и на Пасху. Часто нѣтъ картофеля, нѣтъ каши: тогда одинъ черный хлѣбъ! Неурожай—и хлѣба нѣтъ...

А гигіена больныхъ? Да никакой нѣтъ! Въ лучшемъ случаѣ

больного везутъ къ доктору за лѣкарствомъ. А то лежи, стонай, да жди—либо смерти, либо выздоровленія.

Гигіена родильницы? Родить гдѣ-нибудь при мучительной помощи невѣжественной бабки; *немедленно* послѣ родовъ лѣзть въ печку (это обязательно), пить водку (тоже обязательно); на пятый или на четвертый, иногда на третій день, вязать въ полѣ...

Гигіена ребенка? Сосать рѣдко перемѣняемую соску изъ чернаго хлѣба, переходящую изо рта въ ротъ и разносящую сифилисъ. Ѣсть все, что̀ попадется,—пока не умретъ, большею частью, отъ поноса.

Какая медицина поможетъ при этихъ условіяхъ? На все одинъ отвѣтъ: средствъ нѣтъ. А когда и есть, то полное и невѣжественное отрицаніе всякихъ самыхъ азбучныхъ истинъ гигіены.

Попробуйте бороться съ дикими, указанными мною пріемами съ роженицей—не повѣритъ никто и будетъ продолжать... Скажите, что соска вредна и дайте пузырекъ съ резиновымъ наконечникомъ — не будутъ употреблять. Посовѣтуйте не давать ребенку, больному поносомъ, огурцовъ — вернувшись, какъ заплачетъ, дадутъ ему огурецъ. Постарайтесь уговорить женщину, больную женскою болѣзнью, обратиться къ акушеркѣ — ни за что: стыдно,—смѣяться будутъ, что больна!

То же невѣжество гонитъ къ знахаркѣ, къ заговаривателю, къ умывальщицѣ отъ глаза. Заѣдутъ и къ доктору, но лѣченіе знахарки все-таки считаютъ полезнѣе...

Мудрено ли, что при этихъ ужасныхъ условіяхъ жизни и при этомъ невѣжествѣ масса больныхъ всевозможными анеміями, катаррами,—что *почти всѣ* женщины больны женскими болѣзнями, истеріями, что дѣти, да и взрослые мрутъ, какъ мухи?

Боюсь, что многіе, прочитавъ эту статью, подумаютъ, что я преувеличилъ, и въ правило возвелъ исключеніе. Право же нѣтъ! Я былъ только вѣрнымъ фотографомъ. Кто не вѣритъ, пожалуйте ко мнѣ: объѣдемъ деревню-другую, и увидите, что увы! я красокъ не сгущалъ.

Чѣмъ правдивѣе эта картина при всемъ ужасѣ ея, тѣмъ болѣе мы должны чувствовать себя виноватыми передъ мужи-

комъ. Вѣдь не виноватъ же онъ въ этомъ невѣжествѣ, въ этой бѣдности, происходящей отъ того же невѣжества? Мы,— законодатели, администраторы, воспитатели, судьи его,—мы, богатые, ученые, мы забыли Спасителеву заповѣдь «любите другъ друга»,— мы, которые не хотимъ близко подойти къ нему и изучить его, которые только думаемъ о томъ, чтобы онъ не забывался по отношенію къ намъ, и которые въ душѣ не соболѣзнуемъ ему, не жалѣемъ его, а презираемъ его...

LXV.

Земская медицина.

При гигіеническихъ условіяхъ крестьянской жизни, право, часто приходитъ въ голову, стоитъ ли содержать дорогую земскую медицину. Если тѣ 15—20 милліоновъ, которые идутъ на нее, употребить на улучшеніе этой жизни, то, можетъ быть, больше сохранилось бы жизней, чѣмъ спасается ихъ нашими врачами и лѣкарствами. Если эти же милліоны употребить на школы, то современемъ сохранилось бы, можетъ быть, еще болѣе жизней, такъ какъ главный-то корень и бѣдности, и отсутствія гигіены—все-таки невѣжество. Но оставимъ это.

Въ этомъ письмѣ я вовсе не хочу описывать слишкомъ извѣстные недостатки нашей медицинской организаціи, а попробую разобраться въ двухъ вопросахъ, по-моему, наиболѣе важныхъ: вопросѣ о фельдшеризмѣ и о безплатности лѣченія. Этимъ двумъ важнѣйшимъ вопросамъ посвящена въ № 344 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1898 годъ длинная статья князя А. Г. Щербатова. Въ ней онъ защищаетъ фельдшеризмъ. Хотя не совсѣмъ по тѣмъ же мотивамъ, но не могу съ нимъ не согласиться.

Теперь поднято врачами гоненіе на фельдшеровъ: польза ихъ лѣченія почти-что совсѣмъ отрицается; изъ нихъ хотятъ сдѣлать чуть-ли не простыхъ больничныхъ служителей. Слы

шатся голоса, что хотя средствъ нѣтъ, но все-таки лучше имѣть очень мало врачей, чѣмъ много фельдшеровъ. Врядъ ли это такъ.

Несомнѣнно для меня, что если при одинаковыхъ условіяхъ можно имѣть больному врачебную и фельдшерскую помощь, то предпочтительна врачебная. Хотя приводятся примѣры,—это и каждый изъ насъ знаетъ,—что врачъ не вылѣчилъ, а фельдшеръ вылѣчилъ, но вѣдь это ничего не доказываетъ... Бываетъ же, что и знахаркѣ удалось вылѣчить то, чего не вылѣчилъ Захарьинъ? Наконецъ, отдѣльные, хорошіе фельдшера бываютъ лучше плохихъ докторовъ, но системы на этомъ строить нельзя. Мое разсужденіе иное.

Конечно, желательно было бы, чтобы каждый мужикъ имѣлъ возможность лѣчиться въ московскихъ клиникахъ, но это невозможно. Чтó же лучше? Имѣть въ губернскомъ городѣ однѣ такія клиники или за тѣ же деньги по всей губерніи 10 уѣздныхъ больницъ съ порядочнымъ хирургомъ и терапевтомъ. Очевидно, лучше послѣднее, такъ какъ не всякій можетъ попасть въ губернскій городъ, да и не со всякой болѣзнью доѣдешь. Помощь будетъ похуже, но доступнѣе.

Идемъ дальше. Чтó лучше: 10 уѣздныхъ хорошихъ больницъ или 60 плохихъ, обыкновенныхъ сельскихъ, съ 60 обыкновенными земскими врачами? По той же причинѣ, большей доступности, лучше 60 плохихъ больницъ. А еще лучше и губернскія клиники, и уѣздныя больницы, и плохія сельскія. Такъ оно и есть въ большинствѣ случаевъ.

На этомъ гг. врачи и останавливаются. Посмотримъ: достигается ли при этихъ больницахъ главное условіе плодотворности медицины—доступность ея? По-моему, безусловно нѣтъ. Больницы у насъ обслуживаютъ 15—20-верстные районы, а то и больше, при населеніи иногда до ста тысячъ жителей. Выходитъ, что масса больныхъ острыми заболѣваніями не попадаетъ къ врачу. Затѣмъ и приходящихъ за помощью такъ много, что безъ фельдшерскаго пріема не обходятся, да и бѣглый пріемъ чуть не ста больныхъ въ день врачемъ... хуже, безусловно

хуже,—внимательнаго фельдшерскаго. Принимай такъ самъ Захарьинъ, и то было бы скверно!

Итакъ, нашъ амбулаторный пріемъ никуда не годится,—да всѣ ли больные могутъ лѣчиться амбулаторно? Не стоитъ же говорить про десятокъ коекъ при этой амбулаторіи на 50 тысячъ населенія? Часто необходимо лѣченіе на дому. А гдѣ врачу ѣздить? Два визита въ день отнимутъ все время, да и силы надорвутъ. А амбулаторія? А больница?

Очевидно, при настоящей системѣ медицина многимъ недоступна. Массы людей умираютъ, или недобравшись до врача, или потому, что врачъ не въ силахъ хорошо принимать.

Чтобы врачебная помощь была дѣйствительна, нужно, чтобы она была ближе, чтобы пріемъ былъ не такъ многочисленъ, чтобы больные посѣщались на дому. Нужно, слѣдовательно, по одному пункту,—ну, хоть на волость. Такіе пункты могутъ быть только фельдшерскіе, такъ какъ средствъ на то, чтобы въ каждой волости былъ врачъ, у насъ не будетъ и черезъ сто лѣтъ. Качество лѣченія, можетъ быть, будетъ и хуже, но доступностью лѣченія для населенія это вознаградится стократъ. Нельзя требовать для всѣхъ близкой врачебной помощи, по той же причинѣ, по которой теперь не всѣ ложатся въ клиники, а довольствуются небрежнымъ (при 100 больныхъ) врачебнымъ пріемомъ.

Главная причина, почему убѣжденіе о негодности фельдшеризма существуетъ, та, что экспертами въ своемъ собственномъ дѣлѣ являются тѣ же врачи. Естественно говорить имъ, что внѣ ихъ спасенія нѣтъ. Вообще, замѣтно стремленіе нашихъ спеціалистовъ признавать право голоса въ вопросахъ ихъ спеціальности только за собой. Точно вопросы, въ родѣ организаціи сельской медицины, недоступны пониманію всѣхъ образованныхъ людей!

Говоря о безплатности лѣченія, кн. Щербатовъ высказывается за введеніе платы. Тутъ я никакъ не могу согласиться съ нимъ, и, наоборотъ, безплатность лѣченія считаю условіемъ sine qua non, плодотворной организаціи земской медицины. До-

воды онъ приводитъ тѣ, которые обыкновенно приводятся въ этихъ случаяхъ. Разсмотримъ ихъ.

1) Даровое лѣченіе (за исключеніемъ случаевъ благотворительности) развращаетъ населеніе, какъ и даровое кормленіе, убивая чувство достоинства, начало самодѣятельности, самопомощи.

Не понимаю сравненія лѣченія съ кормленіемъ. Допустимъ, что даровое кормленіе развращаетъ народъ. Чѣмъ же оно можетъ развратить его? Тѣмъ, что отучаетъ отъ самопомощи, т.-е. отъ работы. Проводя параллель, мы должны сказать, что лѣченіе развращаетъ народъ, тоже отучая отъ самопомощи. Какой? Самолѣченія? Работы и пріобрѣтенія денегъ на лѣченіе и лѣкарства? Очевидно, параллель проведена быть не можетъ... Далѣе возьмемъ чувство достоинства. Въ кормленіи, положимъ, одна часть населенія кормится за счетъ другой. А тутъ? Вѣдь всѣ же мы платимъ за земскую медицину и всѣ ею пользуемся? Въ рѣдкой семьѣ не бываетъ больного, да и всякій можетъ завтра заболѣть. Очевидно, чувство достоинства тутъ ни причемъ. Наконецъ, для врача отличить бѣднаго отъ богатаго невозможно, какъ невозможно заставлять брать на то какія-либо удостовѣренія. Врачу приходится или всѣхъ освобождать отъ платы, или немилосердно гнать бѣдныхъ. Это вездѣ доказано практикой, гдѣ эти злосчастные пятачки вводились.

2) При даровомъ лѣченіи масса народу идетъ съ пустыми болѣзнями и затрудняетъ пріемъ.

Пусть такъ. Да развѣ мы знаемъ, какая болѣзнь пустая, какая нѣтъ? А мужикъ тѣмъ болѣе... Будетъ часто наоборотъ. Мужикъ съ началомъ серьезной болѣзни не пойдетъ, потому что ходитъ съ нею, а лживую сочтетъ за серьезную, потому что она лишаетъ его движенія. Наконецъ, бываютъ здоровые, мнительные люди. И ихъ надо утѣшить, объяснивъ имъ, что они здоровы. Мнительность тоже болѣзнь, и притомъ мучительная. Практика указываетъ, что уменьшается число больныхъ не на счетъ одержимыхъ пустыми болѣзнями, а, главнымъ образомъ, на счетъ дѣтей. Конечно, это не говоритъ въ пользу развитыхъ родительскихъ чувствъ отца (у матери денегъ нѣтъ), но, къ прискорбію,

оно такъ. Это явленіе наблюдалось вездѣ, гдѣ вводились пятачки, и всегда было главной причиной, почему они отмѣнялись.

3) Лѣченіе состоятельныхъ больныхъ ложится бременемъ на земство, и безъ того нуждающееся въ деньгахъ.

Во-первыхъ, состоятельный больной въ нашу амбулаторію не пойдетъ, а приглашаетъ къ себѣ врача или фельдшера. Во-вторыхъ, вѣдь состоятельный крестьянинъ платитъ такъ же, какъ и бѣдный, и долженъ имѣть тѣ же права? Лишать его этихъ правъ несправедливо, тѣмъ болѣе, что онъ платитъ за пять душъ, а бѣдный за одну, за двѣ.

4) Даровое лѣченіе заставляетъ давать дешевыя средства, тогда какъ помочь иногда могли бы именно дорогія.

Дорогія средства у насъ: хирургическое лѣченіе, электротерапія, гидротерапія и т. п. и такъ нашимъ больнымъ недоступны! Извѣстно, чѣмъ лѣчатъ у насъ въ 90 проц. случаевъ: хининъ, іодистый калій, доверовы порошки, мушки, летучая мазь и т. под. Врядъ ли что выиграетъ качество лѣкарствъ отъ платы. Развѣ не выпишутъ увлекающіеся врачи новаго, еще хорошо не испытаннаго средства? Да это, пожалуй, и лучше будетъ.

Итакъ, какъ ни разсматривай этотъ вопросъ,—платное лѣченіе, по-моему, критики не выдерживаетъ.

Не улучшится нравственность, не улучшится качество лѣкарствъ и врачебныхъ пріемовъ, не почувствуетъ этого ощутительно ни бѣдный плательщикъ, ни земство... Только умретъ лишній младенецъ на горе матери своей, да бѣднякъ иной предпочтетъ мучиться, чѣмъ, продавъ послѣдній хлѣбъ, оставить безъ обѣда дѣтей.

Ой! не знаютъ еще многіе, какое иногда для мужика имѣетъ значеніе пятачекъ...

LXVI.

Эпидеміи.

Какъ ни кажутся серьезными успѣхи земства въ дѣлѣ медицины, они, конечно, далеки не только отъ совершенства, но и отъ того, чего мы могли ожидать въ этомъ дѣлѣ. Я, говоря о медицинѣ, указывалъ на то, что главнымъ тормозомъ является, по-моему, недоступность лѣченія для большинства мѣстъ, болѣе удаленныхъ отъ больницы. Единственное средство помочь, это—приблизить медицину къ населенію, хотя бы къ сожалѣнію и въ ущербъ ея качества. Болѣе всего это замѣтно въ эпидеміи, такъ часто насъ посѣщающія.

Когда эпидемія незначительна, то борется съ нею обычными средствами уѣздное земство. При большихъ же эпидеміяхъ, когда уѣздному земству такая борьба не подъ силу, на помощь ему присылается медицинскій отрядъ за счетъ губернскаго земства. Когда очагъ болѣзни не вышелъ за предѣлы одного или двухъ смежныхъ селъ, то никакихъ экстренныхъ мѣръ не принимается. Лѣчиться ѣдутъ далеко не всѣ къ доктору, и въ началѣ, видя только отдѣльные случаи, врачъ не знаетъ, что это эпидемія. Обыкновенно узнаетъ онъ про эпидеміи черезъ рапортъ волостного правленія — что, молъ, въ такомъ-то селѣ появилась на людяхъ болѣзнь. Посылается фельдшеръ, причемъ иногда оказывается, что одинъ заболѣлъ горломъ, другой—ревматизмомъ, а третій—чахоткой. Иногда дѣйствительно болѣзнь оказывается тифомъ, дифтеритомъ, скарлатиной и т. п.

Что̀ же тогда можетъ сдѣлать земскій врачъ? При дифтеритѣ еще можно всѣмъ сдѣлать прививки, а при тифѣ, при скарлатинѣ? Ровно ничего сдѣлать нельзя. Остаться врачъ не можетъ: амбулаторія, больница требуютъ его присутствія. Въ больницу всѣхъ больныхъ забрать нельзя. Во-первыхъ, рѣдко гдѣ въ селахъ есть заразныя отдѣленія; во-вторыхъ, гдѣ и есть, они

такъ малы, что помѣщать многихъ нельзя безъ большого вреда для ихъ же здоровья. Волей-неволей приходится ограничиваться посылкой фельдшера. Какъ будетъ этотъ фельдшеръ лѣчить при гигіеническихъ условіяхъ крестьянскихъ жилищъ? Вѣдь все лѣченіе состоитъ въ уходѣ за больными.

Не лучше обстоитъ дѣло при большихъ эпидеміяхъ. Губернское земство высылаетъ врача съ однимъ или двумя фельдшерами, а больныхъ заболѣваетъ ежедневно по 10—20, притомъ въ разныхъ селахъ. Чтò сдѣлаютъ два-три человѣка при 100 больныхъ?

Жалобы на эту сторону дѣла слышатся повсюду. Положеніе тѣмъ безотраднѣе, что больная семья часто бываетъ совсѣмъ безпомощна. Такъ бываетъ, что всѣ взрослые больны. Тутъ не то что лѣчить, а и накормить-то некому, а про хозяйство и говорить нечего...

Думаю, что на этотъ случай при земствахъ губернскихъ, да и уѣздныхъ, должны бы быть постоянные отряды сестеръ милосердія и санитаровъ, которые разсылались бы при эпидемическихъ врачахъ, глядя по нуждѣ въ нихъ. А нужда громадная.— Никакая врачебная статистика не можетъ исчислить жертвъ, уносимыхъ, положимъ, дифтеритомъ. По отчетамъ вы найдете, что умерло въ теченіе мѣсяца 30 человѣкъ, а по свѣдѣніямъ священниковъ 300. Конечно, можетъ быть, врачъ изъ этихъ 300 и выкинулъ бы сотню умершихъ отъ другихъ болѣзней,— да вѣдь не вѣрна же и его статистика? Вѣдь онъ записываетъ только тѣхъ, кто къ нему обращается, и какъ ни велико число этихъ обращающихся, онъ сильно ошибается, если думаетъ, что увидитъ каждаго заболѣвшаго.

Этимъ сестрамъ милосердія можно бы поручать уходъ за больными, глядя по нуждѣ, въ одномъ или нѣсколькихъ домахъ. Все-таки можно бы было этимъ ослабить негигіеничность содержанія больныхъ, уменьшить ихъ страданія, многихъ спасти отъ смерти, а главное—уменьшить распространеніе заразы своевременной дезинфекціей и наблюденіемъ за возможною изоляціе больныхъ. Много бы утерто было материнскихъ слезъ, мног кормильцевъ сохранено ихъ семьямъ!

Въ нѣкоторыхъ приходахъ въ 1898 г. вымерли всѣ дѣти, родившіяся въ этомъ году. Это такія явленія, которыхъ оставить безъ вниманія нельзя, даже если бы пришлось израсходовать порядочныя суммы.

Громадную пользу принесли бы такія сестры милосердія и такіе санитары въ холеру. Лѣченіе холерныхъ больныхъ немыслимо иначе, какъ въ баракахъ,—конечно, до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ паника населеніемъ. Тогда ничего не подѣлаешь. Мнѣ одинъ изъ выстроенныхъ на средства благотворительнаго комитета бараковъ пришлось собственноручно сжечь; иначе разнесли бы и баракъ, и врача, и насъ всѣхъ. Въ другихъ мѣстахъ дѣло шло прекрасно. Но съ баракомъ ли или безъ барака, врачей, фельдшеровъ, и студентовъ было слишкомъ мало, чтобы уходъ былъ сносный. Масса людей умирала, не дождавшись кого-либо изъ медицинскаго персонала.

Тутъ опять приходится припомнить, какъ черствъ и боязливъ оказался народъ въ холеру. Не только ходить за больнымъ, растирать его, но и въ гробъ-то положить никого не находили. Тутъ-то и нужны бы были люди, посвятившіе себя святому дѣлу ухаживанія за больными и умѣющіе ухаживать! А то Богъ знаетъ, кого приходилось брать...

Такимъ образомъ оказывается настоятельная нужда въ подготовкѣ большого числа лицъ низшаго медицинскаго персонала. Не говоря о такихъ курсахъ, какъ Рождественскіе, выпускающихъ совсѣмъ образованныхъ фельдшерицъ, нужно бы увеличить число фельдшеровъ и фельдшерицъ, обучающихся при губернскихъ больницахъ, а у насъ замѣтно стремленіе сокращать ихъ число.

Объясняется это тѣмъ же, чѣмъ неохота земствъ открывать учительскія семинаріи, а именно, что, окончивъ курсъ, учащіеся идутъ въ другую губернію или поступаютъ на желѣзнодорожную службу, если мѣсто болѣе выгодно. Но, во-первыхъ, это происходитъ отъ недостатка порядочныхъ фельдшеровъ, во-вторыхъ, отъ недостаточности ихъ содержанія. Чтò же дѣлать? Приходится увеличивать содержаніе, такъ какъ съ одними врачами мы еще долго далеко не уѣдемъ.

Относительно положенія фельдшеровъ я позволю себѣ сказать то, что я уже говорилъ обо всѣхъ низшихъ служащихъ всѣхъ вѣдомствъ. Желательно бы, чтобы обращеніе съ ними всѣхъ, а въ особенности господъ врачей, было лучше. Не думаю, чтобы подаваніе руки и вообще болѣе гуманное отношеніе повредило дѣлу. Наоборотъ, дѣла требовать можно, можно и по службѣ быть строгимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не смотрѣть на нихъ съ высоты своего величія. Эти люди тоже вѣдь учились, да и трудъ несутъ каторжный, въ особенности въ земствѣ! Не есть ли это одна изъ причинъ бѣгства фельдшеровъ?

LXVII.

Дороги.

На дорожное дѣло взглядъ различныхъ земствъ различный: варьируетъ расходъ на дорожныя сооруженія отъ 2 до 15 проц. обложенія. Будучи гласнымъ, я всегда чувствовалъ нѣкоторую неувѣренность, какъ голосовать, когда дѣло идетъ о мостѣ или гати. То же, очевидно, чувствуютъ и другіе гласные. Отъ этого и неопредѣленность нашихъ голосованій. Зависитъ оно большею частью отъ большей или меньшей убѣдительности доклада управы. Вѣдь каждый гласный рѣдко знаетъ по собственному опыту весь уѣздъ или даже бо̀льшую часть его?

Когда дѣло идетъ объ открытіи школы, голосуешь увѣренно: если ея нѣтъ, то она нужна, — вопросъ въ средствахъ. То же можно сказать и о больницѣ: если для извѣстной обширной мѣстности медицина недоступна, то надо открыть пунктъ; это— опять вопросъ средствъ. Цѣна школы, цѣна больницы—извѣстны. Другое дѣло, дорожное сооруженіе: надо знать мѣсто, чтобы судить о его необходимости. Къ тому же можно построить мостъ въ 1,000 рублей и въ 10,000 рублей. Очевидно, нужно не только знать мѣстность, но и быть опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы голосовать сознательно.

Школа нужна всякому такъ же, какъ и медицинская помощь.

Та и другая несомнѣнно полезны. Мостъ полезенъ только тогда, когда постройка его окупится пользой, которую извлечетъ изъ него мѣстное населеніе; польза же эта часто сомнительна при нашихъ пространствахъ, при нашей малолюдности и при незначительности торговыхъ оборотовъ, зависящихъ отъ бѣдности и незначительности потребностей народа.

Большимъ тормозомъ въ дорожномъ дѣлѣ въ черноземной полосѣ является у насъ еще дороговизна сооруженій, происходящая отъ дороговизны лѣса и часто полнаго отсутствія камня, а иногда и песку, перевозка коихъ во много разъ дороже ихъ стоимости. Если наши дороги плохи, то это, главнымъ образомъ, происходитъ не отъ отсутствія мостовъ, а отъ непролазной грязи по самой дорогѣ. Нашъ вязкій черноземъ,—въ особенности въ низкихъ мѣстахъ,—осенью дѣлается непроѣзднымъ. Помочь радикально могло бы только шоссе, а шоссе страшно дорого. Поэтому ограничиваются тѣмъ, что въ низкихъ мѣстахъ устраиваютъ гати, т.-е. наваливаютъ нѣсколько возовъ фашиннику и засыпаютъ его землей. Въ первую же осень все это опять взворачается, и дорога принимаетъ первоначальный тѣстообразный видъ.

Теперь на помощь земству въ этомъ дѣлѣ, хотя изъ земскихъ же средствъ, явилось правительство, отказавшееся отъ земской субсидіи на судебно-административное управленіе крестьянъ въ пользу именно дорожныхъ сооруженій. Земство стало втупикъ, что̀ сдѣлать съ деньгами такъ, чтобы впослѣдствіи не раскаяться въ необдуманности расхода. Съ чего начать? Ка̀къ дѣлать? Все это—вопросы мудреные, въ особенности при отсутствіи техниковъ. Если и удастся найти одного или двухъ губернскихъ техниковъ, то что̀ они сдѣлаютъ на губернію? Едва-ли успѣютъ и смѣты-то сдѣлать порядочныя, а слѣдить за постройками опять некому. Очень я боюсь за это дѣло.

Тутъ считаю умѣстнымъ высказать слѣдующее соображеніе. Положимъ, губернское и уѣздныя земства какой-нибудь губерніи до сихъ поръ тратили на дорожныя сооруженія всѣ вмѣстѣ 100 тысячъ, и въ губернскій дорожный капиталъ поступаетъ еже-

годно 200 тысячъ. У правительства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ циркуляровъ, да и у земствъ замѣтно стремленіе, чтобы эти 200 тысячъ расходовались на дороги ежегодно. Что же выйдетъ?

Постройка, произведенная въ нынѣшнемъ году, съ будущаго же года потребуетъ маленькаго ремонта, а черезъ нѣсколько лѣтъ и капитальнаго. Если расходъ на этотъ ремонтъ разложить на года поровну, то мы увидимъ, что всякая постройка повлечетъ за собой ежегодный расходъ на поддержаніе ея въ первоначальномъ видѣ, приблизительно въ 10 проц. ея стоимости.

Такимъ образомъ, израсходовавъ въ нынѣшнемъ году 200 тысячъ на дорожныя сооруженія, мы на поддержку ихъ должны будемъ ежегодно тратить 20 тысячъ. Но эти 20 тысячъ будутъ тратиться изъ того же капитала; поэтому на будущій годъ мы строить можемъ всего на 180 тысячъ, а на послѣдующій всего на 162 тысячи. Сдѣлавъ разсчетъ погашенія нашего капитала, увидимъ, что черезъ 10 лѣтъ мы будемъ въ состояніи тратить всего 78 тысячъ; черезъ 20 лѣтъ—27 тысячъ; черезъ 30—капиталъ растаетъ, такъ какъ свободныхъ останется менѣе 10 тысячъ. Всего на сооруженія будетъ къ этому времени истрачено два милліона, а дорожный капиталъ будетъ употребляться только на поддержаніе уже произведенныхъ построекъ. Сколько же ихъ будетъ? Да втрое противъ того, что теперь есть, и на что расходуется 100 тысячъ...

Всякій увидитъ, что это будетъ опять-таки капля въ морѣ. Кое-гдѣ будутъ хорошіе мосты да гати, но только кое-гдѣ.

Не лучше ли было бы сдѣлать такъ: съ перваго же года тратить не 200 тысячъ, а 20 тысячъ, отложивъ остальныя 180 тысячъ какъ бы въ приданое новорожденной постройкѣ, которая, такимъ образомъ, явилась бы на вѣкъ обезпеченной. Кромѣ того, что капиталъ не сталъ бы постепенно уменьшаться, — этимъ достигалась бы еще одна выгода: работа не была бы столь скороспѣлой. Скороспѣлости же этой я ужасно боюсь при томъ недостаткѣ хорошихъ техниковъ, который теперь замѣчается. Не дай Богъ, если бы всѣ эти суммы современем употреблялись, какъ и теперь, на ежегодное вываливаніе на

топкихъ мѣстахъ нѣсколькихъ возовъ фашиннику. Населеніе отъ этого не разбогатѣло бы, а капиталъ былъ бы убитъ громадный.

Мысль эта не моя, но въ печати ее я не встрѣчалъ, да и незамѣтно, чтобы земства собирались хоть немного идти этой дорогой.

Главное возраженіе, конечно, то, что, расходуя по 20 тысячъ ежегодно, мы сдѣлаемъ въ 100 лѣтъ то, что иначе было бы сдѣлано въ 10 — 20 лѣтъ. Но вѣдь дорожныя сооруженія—не школа, которой вдругъ не насадишь, и результаты которой скажутся черезъ десятки лѣтъ. Были бы деньги да техники, а дороги можно всѣ построить въ два-три года. А какъ денегъ-то не будетъ, да уйдутъ тѣ, которыя были, на неудовлетворительныя постройки вслѣдствіе отсутствія хорошихъ техниковъ — тогда уже совсѣмъ будетъ плохо, и дѣла не поправишь ничѣмъ.

LXVIII.

Работа земства на поприщѣ улучшенія хозяйства.

Поднять хозяйство уѣзда, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, должно бы быть главной заботой земства. Между тѣмъ, по-правдѣ сказать, на этомъ поприщѣ мы можемъ констатировать только полную несостоятельность земства. Кое-что предлагается, вводится, но все это—палліативы, а то и вовсе безполезные опыты, отъ которыхъ черезъ два-три года приходится отказываться.

Ни одной плодотворной мѣры нельзя указать, которая была бы введена и принесла плоды; все имѣетъ характеръ случайный. То же можно сказать и про хозяйственныя мѣропріятія правительства. Все это можно сравнить съ лѣченіемъ желѣзомъ и мышьякомъ субъекта, анемичнаго отъ недоѣданія. Устраните недоѣданіе, и анемія пройдетъ,—а не улучшивъ его питанія, вы не вылѣчите его никакими лѣкарствами...

Одинъ изъ модныхъ проектовъ, это—проектъ введенія мелкаго кредита для крестьянъ. Я твердо убѣжденъ, что ни мелкимъ кредитомъ, ни крупнымъ кредитомъ дѣлу теперь помочь нельзя. Мелкій кредитъ хорошъ, если имъ будетъ пользоваться населеніе во время случайныхъ бѣдствій. Вообразимъ, что село живетъ хорошо, но у десяти человѣкъ пали отъ сибирки лошади. Купить имъ лошадей не на что и хозяйство ихъ должно погибнуть; дайте имъ средства на покупку лошадей, и они своимъ хозяйствомъ выплатятъ свой долгъ въ нѣсколько лѣтъ. Если же все хозяйство села прогрессивно падаетъ, то эти безлошадные дворы не поправятся, если вы имъ и дадите лошадей. Вѣдь своихъ-то они не сохранили не по случайному несчастію, а потому, что всѣ бѣднѣютъ? Такъ не сохранятъ они лошадей и купленныхъ въ кредитъ, да и ссуда-то пропадетъ...

То же самое и съ крупнымъ кредитомъ! Если помѣщикъ въ случайномъ затрудненіи,—его ссуда спасетъ; если же его затруднительное положеніе происходитъ отъ того, что онъ тратитъ больше, чѣмъ получаетъ, то никакой кредитъ не поможетъ.

Однимъ словомъ, всякій кредитъ есть лѣкарство отъ острой болѣзни, а не отъ хронической.

Гораздо интереснѣе вопросъ о поднятіи производительности хозяйства улучшеніемъ культуры земли и сельскохозяйственной организаціи. Рѣдкое земство не принималось за это, но до сихъ поръ мало-мальски плодотворной работы въ этомъ направленіи мы не видимъ... Положимъ, губернское земство беретъ на себя дѣло агрономіи. На что уже симпатично оно! Докладъ управы выходитъ гладкій: опытныя поля, показательныя поля, распространеніе въ населеніи полезныхъ орудій, хорошихъ сѣмянъ, улучшеніе культуры. Набираются агрономы изъ Петровцевъ, являющихся насъ поучать. Къ сожалѣнію, они являются къ намъ съ голой наукой,—притомъ нѣмецкой.

Въ Германіи наука выработала такія данныя, которыя всякимъ хозяйствомъ принимаются за основаніе его дѣйствій. Изучено для каждой мѣстности дѣйствіе каждаго пуда искусственнаго удобренія. Для каждой мѣстности, кромѣ общей науки, есть

наука практическая,—настоящая наука, т.-е. собраніе истинъ, выведенныхъ изъ опыта.

У насъ агрономъ прекрасно прошелъ общія науки: зоологію, зоотехнію, ботанику, химію и проч. Затѣмъ онъ имѣетъ запасъ свѣдѣній изъ нѣмецкихъ книжекъ. Возьмите справочную книжку,—хотя бы прекраснаго изданія Девріена. Всѣ таблицы составлены по Вернеру, по Вольфу и т. д. О черноземной полосѣ узнается только сколько сѣмянъ на десятину высѣвается ржи и овса. Дальше нашъ опытъ не идетъ. Мнѣ извѣстна книжка по хозяйству одного русскаго профессора, буквально списанная изъ нѣмецкаго сочиненія. Своего мы не выработали ничего. Одинъ агрономъ мнѣ говорилъ, что у него былъ товарищъ, окончившій курсъ академіи и никогда не видавшій овса!

Вся разница въ томъ, что въ маленькой Германіи, считая въ томъ числѣ и факультеты,—37 высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, у насъ въ громадной Россіи—2. Черноземная полоса не имѣетъ института, а черноземная полоса равна Германіи. Два года назадъ шелъ хоть разговоръ о таковомъ для Саратова и Воронежа, теперь и объ этомъ умолкли...

Будь въ каждой губерніи по институту, полезны были бы и земскія опытныя поля. А то теперь съ ними происходитъ то же, что̀ и съ отдѣльными хозяйствами. Двадцать лѣтъ назадъ я явился въ деревню, вооруженный нѣмецкими книжками. Поучиться было не у кого! Хорошо ведется у насъ хозяйство только въ громадныхъ имѣніяхъ, гдѣ есть винокуренные или другіе заводы. Началъ я дѣлать на русскомъ черноземѣ нѣмецкіе опыты. На нихъ я просадилъ массу денегъ и вернулся къ менѣе опасному трехполью съ рожью и овсомъ!

Но, очевидно, рожь и овесъ отжили свой вѣкъ. Но новаго, русскаго, черноземнаго не выработано ничего. Земство тутъ безсильно: объединять наши агрономическіе опыты въ большинствѣ случаевъ приходится сельскохозяйственной коммиссіи. А кто знаетъ работу нашу, когда мы—въ коммиссіяхъ, тотъ заранѣе откажется отъ нея. Но и коммиссія, и сельскохозяйственное общество лучше стали бы работать, если бы былъ научный

руководящій центръ, разработывающій нашу *мѣстную* науку, и притомъ не особенно отдаленный.

Частные опыты наши,—какъ хозяевъ, такъ и опытныхъ станцій,—еще потому не имѣютъ значенія, что умираютъ съ нами. Столько пишется вздорныхъ статей, что между ними хорошей и не разберешь. Да и читать-то мы не любимъ, а крестьяне и не умѣютъ. Какая же тутъ литература?

Медицина развивается факультетами и клиниками, строительное искусство—институтами, технологія тоже. Только несчастная агрономія должна, повидимому, родиться сама собой, изъ ничего. Вотъ она и не родится!

Когда заводилось министерство земледѣлія, я надѣялся, что оно, чтобы поднять культуру, изберетъ путь развитія земледѣльческой науки, но (къ сожалѣнію!) оно не могло этого сдѣлать. Теперь же вмѣсто сѣти школъ проектируется новая сѣть чиновниковъ. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что они не подвинутъ культуру ни на іоту.

Опыты министерства носятъ тотъ же случайный и ненаучный характеръ, что̀ и опыты земства, и опыты частныхъ лицъ. Пробы эти иногда стоятъ дорого; напримѣръ: устройство ирригаціи болѣе дорогой, чѣмъ земля; разведеніе хлопка тамъ, гдѣ онъ не родится и т. д. Также не помогутъ земскіе швицкіе быки тамъ, гдѣ нечѣмъ скотину кормить. Голландія, Швейцарія, Тироль показываютъ, что скотъ хорошъ, гдѣ хороши корма.

Характеръ случайности нашихъ мѣропріятій замѣтенъ здѣсь, какъ и вездѣ; потому что здѣсь, какъ и вездѣ, наука не берется за основаніе, какъ бы слѣдовало, чтобы дѣло правильно шло впередъ.

LXIX.

Деревенское безлюдье.

Сплошь да рядомъ приходится наблюдать грустное явленіе, которое считается главнымъ тормозомъ при введеніи какого бы то ни было мѣропріятія въ деревнѣ. «Въ деревнѣ людей нѣтъ», слышится повсюду избитая, всѣмъ надоѣвшая фраза. Причинъ этого поголовнаго стремленія изъ деревни въ городъ — много. Остановлюсь на одной изъ нихъ, которая для меня кажется очень важной, если не самой важной.

Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе проникаетъ во всѣ классы сознаніе, что дѣтямъ надо дать образованіе. Всякій семейный человѣкъ, считая своею обязанностью дать дѣтямъ возможно лучшее образованіе, напрягаетъ для этого всѣ свои усилія, подвергаясь лично всевозможнымъ лишеніямъ. Къ сожалѣнію, почти невозможно достигнуть деревенскому жителю хотя бы того, чтобы его дѣти получили то же образованіе, какое онъ самъ получилъ. Думаю, что это—минимумъ, лишить котораго кого бы то ни было будетъ жестоко.

Докторъ, земскій начальникъ, помѣщикъ, очевидно, стремятся, чтобы дѣти ихъ прошли высшее учебное заведеніе. Если земскій начальникъ или докторъ не въ состояніи этого достигнуть, по недостатку получаемаго жалованья, то, очевидно, служба его недостаточно обезпечиваетъ и онъ стремится найти другую. Священникъ стремится, чтобы сынъ его окончилъ семинарію, а дочь—епархіальное училище. Къ тому же стремится и діаконъ, и псаломщикъ, такъ какъ часто діаконъ — сынъ священника и наоборотъ. Если членъ причта не въ состояніи дотянуть сына до окончанія курса семинаріи, то, очевидно, онъ доволенъ мѣстомъ быть не можетъ. Также и учитель будетъ искать мѣста по монополіи или на желѣзной дорогѣ, если ему придется ограничиться для своихъ дѣтей низшимъ деревенскимъ образованіемъ.

Воспитаніе сына или дочери въ гимназіи, университетѣ, съ содержаніемъ на квартирѣ, стоитъ—самое меньшее—триста рублей въ годъ, въ духовномъ училищѣ и семинаріи—двѣсти, въ уѣздномъ училищѣ, учительской семинаріи тоже немногимъ меньше двухсотъ рублей. Объ общежитіяхъ я не говорю, такъ какъ ихъ мало, — въ особенности при свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ясно, слѣдовательно, что учителя, фельдшера и тому подобные бѣдные люди воспитывать не могутъ дѣтей, — даже если у нихъ одинъ сынъ или одна дочь. Всѣмъ остальнымъ деревенскимъ жителямъ: земскимъ начальникамъ, докторамъ, среднимъ помѣщикамъ—болѣе одного или двухъ дѣтей воспитывать тоже не подъ силу. Насколько мнѣ приходилось наблюдать это—важная причина деревенскаго безлюдья.

Нельзя, конечно, изъ этого вывести заключеніе, что всѣмъ служащимъ въ деревнѣ надо настолько увеличить жалованье, чтобы удовлетворить наиболѣе многосемейнаго. Этого не выдержало бы никакое казначейство. Наоборотъ, мнѣ кажется, что всѣ почти жалованья, получаемыя теперь въ различныхъ вѣдомствахъ, совершенно достаточны для семейныхъ, но бездѣтныхъ людей. Все горе,—что не на что̀ воспитывать дѣтей!

Обращусь къ духовенству, — сословію у насъ наиболѣе дѣятельному въ дѣлѣ самопомощи. Значительные взносы, налагаемые съѣздомъ духовенства на причты, да и на церкви, употребляются ими на воспитаніе ихъ же дѣтей, — притомъ иногда въ самомъ симпатичномъ видѣ. Такъ въ тамбовской епархіи на счетъ отца воспитываются: у священника три сына, у діакона два, у псаломщика одинъ, остальные воспитываются даромъ. Сравнимъ съ этимъ помощь, оказываемую правительствомъ. Назначается пособіе по 600 рублей на причтъ изъ трехъ лицъ. Жалованьемъ этого назвать нельзя, такъ какъ причтъ этимъ не обезпеченъ. Черезъ 20—30 лѣтъ предполагается, что всѣ причты будутъ получать это пособіе На тамбовскую епархію это составитъ тысячъ 600. Если положить, что воспитаніе мальчика въ семинаріи и дѣвочки въ епархіальномъ училищѣ стоитъ 200 рублей, то получимъ, что на это пособіе могли бы даромъ воспитываться 3,000 дѣтей, т.-е.

всѣ дѣти не только священниковъ, но и діаконовъ, и псаломщиковъ,—не только мальчики, но и дѣвочки.

Думаю, что такое назначеніе казенныхъ пособій было бы практичнѣе теперешняго: 1) пользовались бы имъ именно наиболѣе нуждающіеся, т.-е. многосемейные; 2) народъ не сталъ бы указывать на то, что и при жалованьѣ плата за требы не уменьшается; 3) прекратилось бы бѣганье съ мѣста на мѣсто, тогда какъ теперь архіерей затрудняется отказывать въ переводѣ, когда ему говорятъ, что 6 человѣкъ дѣтей должны остаться безъ воспитанія...

То же самое скажу и о дворянствѣ. Изо всѣхъ видовъ помощи, симпатичной для меня представляется только помощь въ воспитаніи дѣтей. Не только этимъ помощь была бы дана именно тѣмъ, которые въ ней нуждаются (вѣдь помощь Дворянскаго банка часто уходитъ за границу), но и дворянство отъ этого стало бы лучше и болѣе способно, хоть въ будущемъ поколѣніи, играть роль руководителей народа. Время пришло такое, что во главѣ народа будетъ стоять тотъ классъ, который будетъ обладать высшей культурой. Если желательно, чтобы это было дворянство, то единственной къ тому мѣрой было бы дать дворянскимъ дѣтямъ серьезное образованіе. Всѣ остальныя мѣры могутъ быть временными, насильственными, но не приведутъ къ желательнымъ результатамъ.

Если помощь на воспитаніе дѣтей желательна для классовъ съ среднимъ достаткомъ, то тѣмъ болѣе желательна она для учителей, фельдшеровъ и тому подобныхъ тружениковъ деревни, которые на свои 15—25 рублей еле имѣютъ, чѣмъ прокормиться.

Государство при этомъ достигало бы двухъ цѣлей: сдѣлавъ возможнымъ существованіе въ деревнѣ полезныхъ для нея людей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ готовило бы себѣ къ будущему людей образованныхъ, близкихъ деревнѣ...

Я много говорилъ по этому поводу съ духовенствомъ, учителями и другими жителями деревни. Самые изъ нихъ необезпеченные—это многосемейные. Имъ-то и слѣдуетъ помочь въ самомъ святомъ ихъ чувствѣ — любви къ дѣтямъ. Само собою разумѣется,

что продолженіе воспитанія ихъ дѣтей должно быть обезпечено и въ случаѣ смерти отца. Тогда, дѣйствительно, этотъ отецъ можетъ всѣ силы класть на дѣло, ему порученное, такъ какъ онъ и умирать будетъ спокойно.

Увеличеніе жалованья ведетъ къ увеличенію потребностей и роскоши въ жизни. Это неизбѣжно и ежечасно наблюдается (съ 5 рублевыхъ должностей до высшихъ). Другое дѣло, если жалованье будетъ небольшое, а главная потребность служащаго будетъ удовлетворена. Жизнь останется, какая была, а польза будетъ для человѣка громадная.

Конечно, я не знаю, насколько эта мѣра могла бы быть болѣе или менѣе всеобщею, но для духовенства и для учителей она, несомнѣнно, пригодна.

LXX.

Заключеніе.

Болѣе полугода печатались мои *записки*, и только теперь мнѣ удалось добраться до конца ихъ. Взявшись за этотъ трудъ, я не предполагалъ его такъ растягивать. Оказалось, что тема моя настолько обширна, что не 70, а 700 писемъ можно бы написать и не использовать всего матеріала, накопившагося за семилѣтнюю службу земскимъ начальникомъ. Поневолѣ приходилось быть по возможности краткимъ, часто въ ущербъ ясности и полнотѣ картины.

Не знаю, достигъ ли я той цѣли, которую имѣлъ въ виду, приступая къ писанію. Я уже говорилъ во вступленіи, что поступилъ на службу единственно, чтобы водворить порядокъ. Я убѣдился, что порядка водворить въ тридцатитысячномъ населеніи нельзя, — какъ бы ретивъ ни былъ человѣкъ, который стоитъ во главѣ, и какія полномочія онъ ни имѣй. Но при этомъ я имѣлъ возможность наблюдать деревенскую жизнь, будучи въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ крестьянами. Изучивъ ее, насколько умѣлъ, я счелъ долгомъ подѣлиться своимъ опытомъ,

думая, что мой голосъ можетъ имѣть вліяніе, какъ голосъ человѣка, стоящаго внѣ партій и служившаго всецѣло дѣлу.

По занимающему насъ вопросу много уже писано, но все это имѣло видъ или случайныхъ эпизодовъ, часто составлявшихъ исключенія изъ общаго теченія деревенской жизни, или же теоретическихъ разсужденій, съ дѣйствительной жизнью ничего общаго не имѣвшихъ. И тѣ и другіе часто являлись писаніями тенденціозными. Я старался дать общую картину, и притомъ былъ чуждъ всякой тенденціи. Если моя фотографія вѣрна,—я свою задачу исполнилъ.

Много отзывовъ я получилъ: и печатныхъ, и въ видѣ писемъ. Послѣднія откровеннѣе первыхъ. Постараюсь возразить на главныя замѣчанія, мнѣ сдѣланныя.

Первое, что̀ я часто слышу—это то, что всѣ мои наблюденія вѣрны, но что они не новы. Я будто вламываюсь въ открытую дверь. По-моему, это совершенно невѣрно. Не стоитъ повторять того, что̀ всѣмъ извѣстно и всѣми признано. Въ данномъ случаѣ это не такъ. Всѣ мои наблюденія, конечно, не составляютъ открытій, но могутъ служить подтвержденіемъ прежнихъ наблюденій и опроверженіемъ теорій, проповѣдуемыхъ людьми, утверждающими, что вывели ихъ тоже изъ практики,—теорій, не только весьма распространенныхъ, но и господствующихъ. Если о событіи идутъ разнорѣчивые толки, то интересно выслушать разсказъ очевидца. Такой интересъ имѣютъ несомнѣнно и мои записки.

Второе замѣчаніе мнѣ дѣлается то, что мои записки недостаточно научны. «Мало ли что̀ вы говорите, — пишетъ одинъ корреспондентъ.—Все это требуетъ подтвержденія. Въ доказательство вашихъ положеній вы не приводите ни одной цифры, а требуете полнаго довѣрія къ вашимъ наблюденіямъ». На это я возражу, что на строгую научность я и не претендую. Я подѣлился своимъ опытомъ, и больше ничего. Правда, многіе любятъ цифры. Но и играютъ же этими цифрами! Какія цифры возможно привести, когда, напримѣръ, говоришь о взяточничествѣ, грубости или другихъ злоупотребленіяхъ? Вѣдь я уже говорилъ, что кара виновнаго въ нихъ постигаетъ одинъ разъ изъ тысячи

случаевъ. То же можно сказать и о преступности. Статистика преступности измѣнится, если измѣнить законы о полиціи, о слѣдствіи, о судѣ. Какъ же судить о преступности по цифрамъ, зависящимъ часто отъ устройства борьбы съ этою же преступностью?

Положимъ, я касался и другихъ сторонъ жизни, напримѣръ, благосостоянія, которое можетъ быть выражено въ цифрахъ,—но тутъ и спора нѣтъ: всѣ признаютъ, что мы обнищали... Къ чему приводить цифры, которыя всѣмъ приблизительно извѣстны?

Третье возраженіе, самое серьезное, слѣдующее: «о чемъ бы вы ни заговорили, все вы сводите къ недостатку законности и образованія; это слишкомъ односторонне. Конечно, и то, и другое нужно,—но нельзя же все сводить къ этому?» Тутъ, конечно, могутъ со мной и не соглашаться. Думаю только, что всѣ остальные способы управленія народомъ были испробованы—и въ результатѣ получилась ужасающая картина обнищанія, разнузданности и безсердечія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ корень зла тоже вездѣ замѣчается или въ дикости человѣка, или въ неопредѣленности его обязанностей, или неограждености правъ. Естественный выводъ для меня одинъ: просвѣтите народъ, дайте ему законъ, поставьте законъ надъ начальствомъ, а не начальство надъ закономъ... Другой альтернативы нѣтъ!

Обратимся къ важнѣйшимъ государственнымъ актамъ послѣдняго полугодія: деклараціи о мирѣ 12 августа и всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ къ 1 января 1899 года. Въ деклараціи, послѣ доказательствъ необходимости мира и непосильной тягости военныхъ расходовъ, говорится: «Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути»; итакъ, правительственная декларація первое мѣсто въ ряду нуждъ, неудовлетворяемыхъ за поглощеніемъ доходовъ издержками по вооруженію, отводитъ просвѣщенію. Очевидно, наше правительство, признавая недостатокъ просвѣщенія въ западной Европѣ, не можетъ не сознавать еще болѣе настоятельности усиленія его у насъ.

Г. министръ финансовъ въ своемъ докладѣ блестяще дока-

зываетъ необходимость введенія новаго законодательства для крестьянъ, измѣненія теперешнихъ отношеній между членами семьи, настоятельность отмѣны суда, основаннаго на обычномъ правѣ. Не то же ли мнѣ подсказала моя практика?

Менѣе значенія приписываетъ онъ просвѣщенію, хотя и про него говорятъ, что оно представляетъ собою существенный факторъ экономическаго преуспѣянія страны. Распространеніе общаго образованія, даже элементарной грамотности народныхъ массъ не можетъ не отразиться благотворно на хозяйственномъ бытѣ населенія.

Что просвѣщеніе не имѣетъ такого значенія въ данномъ случаѣ, какъ правопорядокъ, г. министръ доказываетъ, во-первыхъ, сравненіемъ западной Европы начала столѣтія съ Россіей въ концѣ столѣтія; во-вторыхъ, примѣрами успѣховъ и предпріимчивости нашего темнаго крестьянства. Думаю, что для сравненія западной Европы и Россіи взяты не совсѣмъ подходящія эпохи, да къ тому же врядъ ли можно согласиться на то, чтобы мы всегда держали между нами и Европой ту же столѣтнюю дистанцію. Что касается предпріимчивости нашихъ крестьянъ, то отдѣльныя личности, конечно, есть и выдвигаются, но не о нихъ, вѣроятно, говорится въ докладѣ. Примѣровъ же этихъ успѣховъ и предпріимчивости въ массѣ темнаго крестьянства, къ сожалѣнію, не указано.

Во всякомъ случаѣ, программа увеличенія благосостоянія Россіи, изложенная въ концѣ доклада г. министра финансовъ, и выводы его о невозможности достигнуть успѣховъ въ этой области внѣ этой программы останутся навсегда памятниками того, какъ глубоко кроются и какъ трудно и не скоро могутъ быть уничтожены корни нашего нравственнаго и матеріальнаго упадка.

Перехожу къ послѣднему возраженію, которое мнѣ дѣлается: упрекаютъ меня, что я, говоря о школѣ, культурѣ, образованіи, какъ будто умалчиваю о воспитаніи. Во-первыхъ, это—неправда, а во-вторыхъ, воспитаніе народу дается различно: церковью, законностью, судами. Школа—одно изъ средствъ воспи-

тательныхъ. Притомъ я всегда говорилъ только о *хорошей* школѣ. А хорошая школа стремится одинаково и къ воспитанію, и къ развитію ребенка и юноши. Именно для достиженія воспитательныхъ цѣлей и не надо откладывать дѣла. Учителей еще можно кое-какъ сфабриковать довольно скоро, а воспитателей надо долго готовить. Намъ же нужно помнить, что въ воспитателяхъ нуждается 130 милліоновъ русскихъ подданныхъ.

Оканчивая свои записки, я долженъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что позволилъ себѣ предложить его вниманію свои статьи въ такомъ видѣ. Перечитывая ихъ, я часто вижу что многое недостаточно пояснилъ, многое недоговорилъ, многое недостаточно обработалъ. Извиненіемъ да послужитъ мнѣ, что я—писатель случайный, заваленный служебными, школьными и другими дѣлами. Съ другой стороны, сочиненіе обработанное — иногда менѣе живо. Я писалъ, какъ мнѣ подсказывала моя память и диктовало мое сердце. Можетъ быть, искренность моя кого-нибудь да убѣдитъ. Это было бы лучшей для меня наградой.

топкихъ мѣстахъ нѣсколькихъ возовъ фашиннику. Населеніе отъ этого не разбогатѣло бы, а капиталъ былъ бы убитъ громадный.

Мысль эта не моя, но въ печати ее я не встрѣчалъ, да и незамѣтно, чтобы земства собирались хоть немного идти этой дорогой.

Главное возраженіе, конечно, то, что, расходуя по 20 тысячъ ежегодно, мы сдѣлаемъ въ 100 лѣтъ то, что иначе было бы сдѣлано въ 10 — 20 лѣтъ. Но вѣдь дорожныя сооруженія—не школа, которой вдругъ не насадишь, и результаты которой скажутся черезъ десятки лѣтъ. Были бы деньги да техники, а дороги можно всѣ построить въ два-три года. А какъ денегъ-то не будетъ, да уйдутъ тѣ, которыя были, на неудовлетворительныя постройки вслѣдствіе отсутствія хорошихъ техниковъ — тогда уже совсѣмъ будетъ плохо, и дѣла не поправишь ничѣмъ.

LXVIII.

Работа земства на поприщѣ улучшенія хозяйства.

Поднять хозяйство уѣзда, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, должно бы быть главной заботой земства. Между тѣмъ, по-правдѣ сказать, на этомъ поприщѣ мы можемъ констатировать только полную несостоятельность земства. Кое-что предлагается, вводится, но все это—палліативы, а то и вовсе безполезные опыты, отъ которыхъ черезъ два-три года приходится отказываться.

Ни одной плодотворной мѣры нельзя указать, которая была бы введена и принесла плоды; все имѣетъ характеръ случайный. То же можно сказать и про хозяйственныя мѣропріятія правительства. Все это можно сравнить съ лѣченіемъ желѣзомъ и мышьякомъ субъекта, анемичнаго отъ недоѣданія. Устраните недоѣданіе, и анемія пройдетъ,—а не улучшивъ его питанія, вы не вылѣчите его никакими лѣкарствами...

годно 200 тысячъ. У правительства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ циркуляровъ, да и у земствъ замѣтно стремленіе, чтобы эти 200 тысячъ расходовались на дороги ежегодно. Чтò же выйдетъ?

Постройка, произведенная въ нынѣшнемъ году, съ будущаго же года потребуетъ маленькаго ремонта, а черезъ нѣсколько лѣтъ и капитальнаго. Если расходъ на этотъ ремонтъ разложить на года поровну, то мы увидимъ, что всякая постройка повлечетъ за собой ежегодный расходъ на поддержаніе ея въ первоначальномъ видѣ, приблизительно въ 10 проц. ея стоимости.

Такимъ образомъ, израсходовавъ въ нынѣшнемъ году 200 тысячъ на дорожныя сооруженія, мы на поддержку ихъ должны будемъ ежегодно тратить 20 тысячъ. Но эти 20 тысячъ будутъ тратиться изъ того же капитала; поэтому на будущій годъ мы строить можемъ всего на 180 тысячъ, а на послѣдующій всего на 162 тысячи. Сдѣлавъ разсчетъ погашенія нашего капитала, увидимъ, что черезъ 10 лѣтъ мы будемъ въ состояніи тратить всего 78 тысячъ; черезъ 20 лѣтъ—27 тысячъ; черезъ 30—капиталъ растаетъ, такъ какъ свободныхъ останется менѣе 10 тысячъ. Всего на сооруженія будетъ къ этому времени истрачено два милліона, а дорожный капиталъ будетъ употребляться только на поддержаніе уже произведенныхъ построекъ. Сколько же ихъ будетъ? Да втрое противъ того, чтò теперь есть, и на чтò расходуется 100 тысячъ...

Всякій увидитъ, что это будетъ опять-таки капля въ морѣ. Кое-гдѣ будутъ хорошіе мосты да гати, но только кое-гдѣ.

Не лучше ли было бы сдѣлать такъ: съ перваго же года тратить не 200 тысячъ, а 20 тысячъ, отложивъ остальныя 180 тысячъ какъ бы въ приданое новорожденной постройкѣ, которая, такимъ образомъ, явилась бы на вѣкъ обезпеченной. Кромѣ того, что капиталъ не сталъ бы постепенно уменьшаться, — этимъ достигалась бы еще одна выгода: работа не была бы столь скороспѣлой. Скороспѣлости же этой я ужасно боюсь при томъ недостаткѣ хорошихъ техниковъ, который теперь замѣчается. Не дай Богъ, если бы всѣ эти суммы современемъ употреблялись, какъ и теперь, на ежегодное вываливаніе на

топкихъ мѣстахъ нѣсколькихъ возовъ фашиннику. Населеніе отъ этого не разбогатѣло бы, а капиталъ былъ бы убитъ громадный.

Мысль эта не моя, но въ печати ее я не встрѣчалъ, да и незамѣтно, чтобы земства собирались хоть немного идти этой дорогой.

Главное возраженіе, конечно, то, что, расходуя по 20 тысячъ ежегодно, мы сдѣлаемъ въ 100 лѣтъ то, что иначе было бы сдѣлано въ 10 — 20 лѣтъ. Но вѣдь дорожныя сооруженія—не школа, которой вдругъ не насадишь, и результаты которой скажутся черезъ десятки лѣтъ. Были бы деньги да техники, а дороги можно всѣ построить въ два-три года. А какъ денегъ-то не будетъ, да уйдутъ тѣ, которыя были, на неудовлетворительныя постройки вслѣдствіе отсутствія хорошихъ техниковъ — тогда уже совсѣмъ будетъ плохо, и дѣла не поправишь ничѣмъ.

LXVIII.

Работа земства на поприщѣ улучшенія хозяйства.

Поднять хозяйство уѣзда, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, должно бы быть главной заботой земства. Между тѣмъ, по-правдѣ сказать, на этомъ поприщѣ мы можемъ констатировать только полную несостоятельность земства. Кое-что предлагается, вводится, но все это—палліативы, а то и вовсе безполезные опыты, отъ которыхъ черезъ два-три года приходится отказываться.

Ни одной плодотворной мѣры нельзя указать, которая была бы введена и принесла плоды; все имѣетъ характеръ случайный. То же можно сказать и про хозяйственныя мѣропріятія правительства. Все это можно сравнить съ лѣченіемъ желѣзомъ и мышьякомъ субъекта, анемичнаго отъ недоѣданія. Устраните недоѣданіе, и анемія пройдетъ,—а не улучшивъ его питанія, вы не вылѣчите его никакими лѣкарствами...

годно 200 тысячъ. У правительства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ циркуляровъ, да и у земствъ замѣтно стремленіе, чтобы эти 200 тысячъ расходовались на дороги ежегодно. Чтò же выйдетъ?

Постройка, произведенная въ нынѣшнемъ году, съ будущаго же года потребуетъ маленькаго ремонта, а черезъ нѣсколько лѣтъ и капитальнаго. Если расходъ на этотъ ремонтъ разложить на года поровну, то мы увидимъ, что всякая постройка повлечетъ за собой ежегодный расходъ на поддержаніе ея въ первоначальномъ видѣ, приблизительно въ 10 проц. ея стоимости.

Такимъ образомъ, израсходовавъ въ нынѣшнемъ году 200 тысячъ на дорожныя сооруженія, мы на поддержку ихъ должны будемъ ежегодно тратить 20 тысячъ. Но эти 20 тысячъ будутъ тратиться изъ того же капитала; поэтому на будущій годъ мы строить можемъ всего на 180 тысячъ, а на послѣдующій всего на 162 тысячи. Сдѣлавъ разсчетъ погашенія нашего капитала, увидимъ, что черезъ 10 лѣтъ мы будемъ въ состояніи тратить всего 78 тысячъ; черезъ 20 лѣтъ—27 тысячъ; черезъ 30—капиталъ растаетъ, такъ какъ свободныхъ останется менѣе 10 тысячъ. Всего на сооруженія будетъ къ этому времени истрачено два милліона, а дорожный капиталъ будетъ употребляться только на поддержаніе уже произведенныхъ построекъ. Сколько же ихъ будетъ? Да втрое противъ того, чтó теперь есть, и на чтó расходуется 100 тысячъ...

Всякій увидитъ, что это будетъ опять-таки капля въ морѣ. Кое-гдѣ будутъ хорошіе мосты да гати, но только кое-гдѣ.

Не лучше ли было бы сдѣлать такъ: съ перваго же года тратить не 200 тысячъ, а 20 тысячъ, отложивъ остальныя 180 тысячъ какъ бы въ приданое новорожденной постройкѣ, которая, такимъ образомъ, явилась бы на вѣкъ обезпеченной. Кромѣ того, что капиталъ не сталъ бы постепенно уменьшаться, — этимъ достигалась бы еще одна выгода: работа не была бы столь скороспѣлой. Скороспѣлости же этой я ужасно боюсь при томъ недостаткѣ хорошихъ техниковъ, который теперь замѣчается. Не дай Богъ, если бы всѣ эти суммы современемъ употреблялись, какъ и теперь, на ежегодное вываливаніе на

топкихъ мѣстахъ нѣсколькихъ возовъ фашиннику. Населеніе отъ этого не разбогатѣло бы, а капиталъ былъ бы убитъ громадный.

Мысль эта не моя, но въ печати ее я не встрѣчалъ, да и незамѣтно, чтобы земства собирались хоть немного идти этой дорогой.

Главное возраженіе, конечно, то, что, расходуя по 20 тысячъ ежегодно, мы сдѣлаемъ въ 100 лѣтъ то, что иначе было бы сдѣлано въ 10 — 20 лѣтъ. Но вѣдь дорожныя сооруженія—не школа, которой вдругъ не насадишь, и результаты которой скажутся черезъ десятки лѣтъ. Были бы деньги да техники, а дороги можно всѣ построить въ два-три года. А какъ денегъ-то не будетъ, да уйдутъ тѣ, которыя были, на неудовлетворительныя постройки вслѣдствіе отсутствія хорошихъ техниковъ — тогда уже совсѣмъ будетъ плохо, и дѣла не поправишь ничѣмъ.

LXVIII.

Работа земства на поприщѣ улучшенія хозяйства.

Поднять хозяйство уѣзда, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, должно бы быть главной заботой земства. Между тѣмъ, по-правдѣ сказать, на этомъ поприщѣ мы можемъ констатировать только полную несостоятельность земства. Кое-что предлагается, вводится, но все это—палліативы, а то и вовсе безполезные опыты, отъ которыхъ черезъ два-три года приходится отказываться.

Ни одной плодотворной мѣры нельзя указать, которая была бы введена и принесла плоды; все имѣетъ характеръ случайный. То же можно сказать и про хозяйственныя мѣропріятія правительства. Все это можно сравнить съ лѣченіемъ желѣзомъ и мышьякомъ субъекта, анемичнаго отъ недоѣданія. Устраните недоѣданіе, и анемія пройдетъ,—а не улучшивъ его питанія, вы не вылѣчите его никакими лѣкарствами...